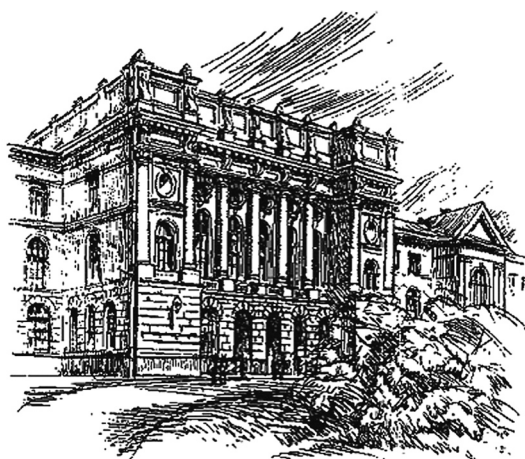

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

Том 8, № 4, 2017

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2017

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель – *Казанский Н.Н.*, академик РАН.
Бордовская Н.В., академик РАО;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Поршинева О.С., д-р ист. наук, профессор УрФУ (Екатеринбург);
Тряпцына А.П., чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – *Кузнецов Д.И.*, д-р филос. наук, профессор.
Зам. главного редактора – *Шипунова О.Д.*, д-р филос. наук, профессор.
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Ван Ци, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гозоберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ;
Даринская Л.А., д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Михайлов А.А., д-р ист. наук, профессор Военной академии Генерального штаба ВС РФ;
Осокина Е., д-р ист. наук, профессор Университета Южной Каролины (США);
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ;
Романенко И.Б., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Стрельченко В.И., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор.

Журнал издается под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 – Исторические

науки и археология, 09.00.00 – Философские науки, 13.00.00 – Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

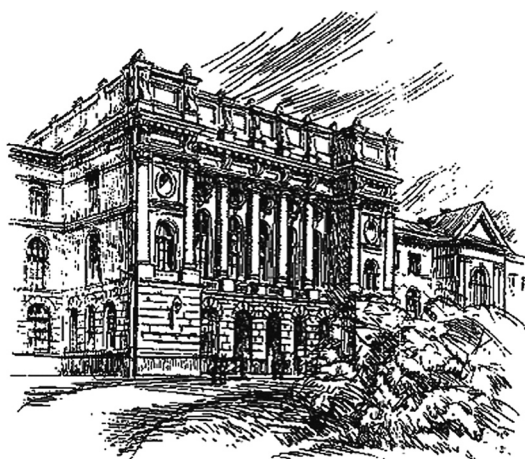
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 552-62-16.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

Vol. 8, no. 4, 2017

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2017

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board;
Bordovskaya N.V., Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education;
Bordovsky G.A., academician of the Russian Academy of Education;
Dudnik S.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Porshneva O.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg);
Tryapitsyna A.P., Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Education.

EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief;
Shipunova O.D., Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU;
Darinskaya L.A., Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University;
Dianova V.M., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Gogoberidze A.G., Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Khalyapina L.P., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Markov B.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Mikhailov A.A., Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff;
Osokina E., Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA);
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Porokhnya V.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute;
Romanenko I.B., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Savchuk V.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Strelchenko V.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Surygin A.I., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.;
Wang Qi, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China).

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015:

07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2017

Содержание

История

История российского социума

Солодкин Я.Г. Служилые люди Берёзова в конце XVI – первой трети XVII века: источники формирования и состав гарнизона	9
Сидорчук И.В. Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х годов (на примере Ленинграда)	17

Международные отношения

Погодин С.Н., Ван Цзюньтао. Происхождение китайского национализма на Тайване	27
---	----

Историко-биографические исследования

Малинов А.В. Магистерская диссертация В.И. Ламанского	36
--	----

Философия

Проблемы XXI века

Березовская И.П., Иванов М.В. Транспорт как социальное и культурное явление	47
Аладышкин И.В., Ефремов С.В. Проблемы безопасности в современном мире техногенных угроз	56

Философские и культурологические исследования

Серкова В.А. Философия образования и цельного знания Владимира Соловьёва	68
Петров П.А. Теоретические основания концепции «управляемого хаоса» в социальной философии ...	77
Саакян А.Г. Культурная идентичность в современном российском обществе как объект исследования..	88
Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ	96

Педагогика

Проблемы высшей школы

Ван Ли, Баранова И.И. Особенности обучения студентов из КНР по совместным образовательным программам	108
---	-----

Сотникова К.Э. Обучение иностранных студентов пространственным конструкциям русского языка.....	118
Молодяков С.А., Сараджишвили С.Э. Применение дистанционных технологий для расширения возможностей образовательной деятельности в институте	127

Профессиональное образование

Цимерман Е.А. Использование информационно-коммуникационных технологий и метода «инцидента» в обучении менеджеров английскому языку	137
---	-----

Рецензии

Поздеева Е.Г., Фетисов В.Я. Идеи социологии в русской историографии: новые страницы	146
--	-----

Хроника

Лезгина М.Л. Жизненный путь и творческое наследие корифея философии науки (К 90-летию со дня рождения и годовщине смерти доктора философских наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ В.Г. Иванова)	151
Кулик С.В., Михайлов А.А., Самыловская Е.А. «Арктика: история и современность» (Обзор II Международной научной конференции).....	155
Ван Ци, Ульянова С.Б. Обзор научного форума «Китай и Россия: общее историческое наследие и вызов современности (К 100-летию Октябрьской революции)».....	168

Contents

History

History of Russian Society

- Solodkin Ya.G.** Service class people of Berezov at the end of 16th and the first third of the 17th century: sources of formation and structure of the garrison 9
- Sidorchuk I.V.** Deviant leisure in the wall newspapers of Leningrad factories in the late 1920s..... 17

International Relationships

- Pogodin S.N., Wang Juntao.** The origin of Chinese nationalism in Taiwan 27

Historical and Biographical Studies

- Malinov A.V.** Master's thesis of V.I. Lamansky 36

Philosophy

Problems of the XXI Century

- Berezovskaya I.P., Ivanov M.V.** Transport as a social and cultural phenomenon 47
- Aladyshkin I.V., Efremov S.V.** Security problems in the modern world of man-made threats..... 56

Philosophical and Cultural Studies

- Serkova V.A.** Vladimir Solovyov's philosophy of education and integral knowledge 68
- Petrov P.A.** Theoretical foundations of the concept of operated chaos in social philosophy 77
- Saakyan A.G.** Cultural identity in modern Russian society as a research object 88
- Bylieva D.S., Lobatyuk V.V.** Smart mob: a socio-philosophical analysis 96

Pedagogy

Problems of Higher School

- Wang Li, Baranova I.I.** Special features of Chinese students training in joint educational programs..... 108
- Sotnikova K.E.** Teaching foreign students spatial structures of the Russian language..... 118

Molodyakov S.A., Saradzhishvili S.E. Application of distance learning technologies to expand opportunities for educational activities in a university faculty 127

Professional Education

Tsimerman E.A. Information and communication technologies and the incident method in teaching English for students majoring in management 137

Reviews

Pozdeeva E.G., Fetisov V.Ya. The ideas of sociology in Russian historiography: new pages 146

Chronicle

Lezgina M.L. Biography and creative heritage of a luminary of philosophy of science (dedicated to the 90th anniversary of birth and the anniversary of death of V.G. Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia) 151

Kulik S.V., Mikhailov A.M., Samylovskaya E.A. “Arctic: history and modernity” (Review of the II International scientific conference) 155

Wang Qi, Ulyanova S.B. “China and Russia: the common historical legacy and the challenge of modernity”: review of the scientific forum on the centenary of the October revolution 168

DOI: 10.18721/JHSS.8401
УДК 93/99

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ БЕРЁЗОВА В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА: ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВ ГАРНИЗОНА*

Я.Г. Солодкин

Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Российская Федерация

Целью статьи является определение способов формирования гарнизона Берёзова на раннем этапе его истории, т. е. в условиях российской колонизации Северного Приобья. Используются комплексный и системный методы исследования с тем, чтобы максимально полно учесть показания источников, отражающих пути складывания гарнизона города близ устья Северной Сосьвы со времени его основания до конца 1620-х гг., принимая во внимание фрагментарность соответствующих документальных данных. Гарнизон Берёзова в течение трех первых десятилетий своего существования включал в себя казаков (они составляли подавляющее большинство служилых людей) и «иноземцев» – «литву», немцев и черкасов, многие из которых были ссыльными. Казаков же (а их, как и впоследствии, насчитывалось около 300 человек) при основании города в 1593 г. «прибрали» в Москве, Коломне и Переславле-Рязанском. Судя по прозвищам, в 1620-х гг. свыше десятка березовских казаков являлись выходцами из центральных и северных уездов европейской части России; некоторые из этих служилых ранее проживали на реке Вымь. Донцы во главе с атаманами И. Аргуновым и Я. Черным попали в Берёзов в 1596 г. (направлены с «Руси» для подавления восстания остяков и самоедов), а не в 1607 г., как иногда считается. Позднее ряды гарнизона Берёзова, численность которого сокращалась за счет умерших, погибших и беглых, пополнялись в основном принятыми на вакантные места родственниками казаков, что со временем привело к образованию служилых «династий». Материалы статьи могут найти применение в исследованиях по истории военно-служилого населения Западной Сибири в рассматриваемый период, в обобщающих трудах и лекционных курсах, посвященных судьбам казачества в конце XVI – первой трети XVII в.

Ключевые слова: Берёзов; гарнизон Берёзова; служилые люди; атаманы; казаки; «иноземцы»; ссыльные; окладные книги 1620-х гг.

Ссылка при цитировании: Солодкин Я.Г. Служилые люди Берёзова в конце XVI – первой трети XVII века: источники формирования и состав гарнизона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 9–16. DOI: 10.18721/JHSS.8401

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-11-86004).

SERVICE CLASS PEOPLE OF BEREZOV AT THE END OF 16TH AND THE FIRST THIRD OF THE 17TH CENTURY: SOURCES OF FORMATION AND STRUCTURE OF THE GARRISON

Ya.G. Solodkin

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

The purpose of this article is to determine the ways of formation of the Berezov garrison at an early stage of its history, i.e., in the conditions of Russian colonization of the Northern Ob region. We have used comprehensive and systematic research methods to comprehensively consider the testimony of the sources that reflect the ways of formation of the garrison town near the mouth of the Northern Sosva since the town's foundation to the end of the 1620s, taking into account the fragmentary nature of the corresponding documentary data. During the first three decades of its existence, the Berezov garrison included the Cossacks (who formed the vast majority of the service class people) and the "foreigners", the "Lithuanians", Germans and Cherkassians, many of whom were exiled; the Cossacks (of whom there were, the same as later on, about three hundred) were 'recruited' at the time of the city's founding in 1593 in Moscow, Kolomna and Pereslavl-Ryazansky. Judging by the nicknames, more than a dozen of Berezov Cossacks of the 1620s were natives of the Central and Northern districts of European Russia; some of these servicemen had previously lived on Vym. The Don Cossacks, led by atamans Argunov and Chermny, first came to Berezov in 1596, sent from Russia to suppress the revolt of the Ostyaks and the Samoyeds (not in 1607, as is sometimes believed). Later, the ranks of the Berezov garrison, decreasing because of the dead, the perished in battle and the runaways, were replenished by new recruits, primarily relatives of the Cossacks, which eventually led to the formation of service class "dynasties". The findings and observations made can be used in studies on the history of the military service of the population of Western Siberia in the period under review, in general works and lecture courses dedicated to the fate of the Cossacks in the end of the 16th and the first third of the 17th century.

Keywords: Berezov; Berezov garrison; service class people; atamans; cossacks; foreigners; exiled; 1620s tax records

Citation: Ya.G. Solodkin, Service class people of Berezov at the end of 16th and the first third of the 17th century: sources of formation and structure of the garrison, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 9–16. DOI: 10.18721/JHSS.8401

Введение

Существенную роль в истории ранней российской колонизации севера Западной Сибири сыграл гарнизон Берёзова, одного из первых русских городов в этом краю. Служилые люди крепости, заложенной отрядом воеводы Н.В. Траханиотова вблизи устья Северной Сосьвы в 1593 г. (видимо, летом), не только подчинили московским самодержцам соседние территории, но и на протяжении многих

десятилетий вместе с тоболяками «годовали» в Мангазее, объяснив немало племен в бассейне Енисея.

Вопросы о численности и источниках складывания гарнизона Берёзова со времени основания этой крепости и до конца 1620-х гг. получили отражение в работах В.И. Сергеева, Д.Я. Резуна, Е.В. Вершинина, А.Т. Шашкова, В.Д. Пузанова, Д.О. Скульмовского, О.В. Внучковой, А.В. Малова и других ученых, которые

выяснили, каким образом формировался этот гарнизон, и проследили изменения в его составе в первой четверти XVII в.

Постановка проблемы и цели исследования

К рассмотрению перечисленных выше вопросов исследователи обращались лишь эпизодически, хотя окладные книги за 1620-е гг. первого русского города в Югорской земле, опубликованные десятилетие тому назад, наряду с другими источниками (ряд источников был введен в научный оборот еще Г.Ф. Миллером) позволяют достаточно полно раскрыть пути формирования гарнизона Берёзова в указанный период, а также уточнить, когда к местным казачьим станицам присоединилась группа донцов. В историографии обойден вниманием и вопрос о структуре гарнизона «Берёзова города»: пока не ясно, в какой мере она была типичной или, напротив, своеобразной в «русской» Сибири конца XVI – первой трети XVII столетия. Рассмотрение данных проблем представляется значимым для изучения ряда аспектов военной, административной и социальной истории азиатской части России.

Методология

Использованы комплексный и системный методы исследования с тем, чтобы максимально полно учесть показания источников, отражающих пути складывания гарнизона Берёзова со времени его основания и до конца 1620-х гг. (когда появились две самые ранние из сохранившихся окладные книги города), а также местную антропонию. Вместе с тем следует считаться с фрагментарностью документальных данных, особенно за первые три десятилетия истории «града», заложенного в Нижнем Приобье в пору его включения в состав России.

Результаты исследования

В состав гарнизона Берёзова при его «поставлении» входили три сотни казаков, «прибранных» на государеву службу в Москве, Коломне и Переславле-Рязанском [1, с. 12, 13; 2, с. 74]. Можно предположить, что в этих городах и были сформированы первые станицы березовских казаков, поскольку через Коломну и Переславль-Рязанский и спустя несколько десятилетий проходил путь из столицы в Сибирь [2, с. 81; 3, с. 295].

В некоторых работах утверждается, что в отряд воеводы Н.В. Траханиотова, образовавший гарнизон Берёзова, входили и пермичи, вятчане, вымичи, усольцы [4, с. 51; 5, с. 40] (таких было 150 человек), которые и начали возведение стен и башен крепости в 20 верстах от места впадения Северной Сосьвы в «великую» Обь, однако эти люди являлись даточными (земскими), а вовсе не служилыми. Известно также, что вымичи (из Яренского уезда) пополнили гарнизон Берёзова вскоре после его основания [5, с. 40–41; 6, с. 81; 7, с. 71].

В самых ранних из сохранившихся окладных («именных») книгах этого города, относящихся к 1622/23 и 1627/28 гг. (всего же уцелело 85 таких документов), с прозвищами, которые могут свидетельствовать о прежних местах проживания березовских казаков, названы следующие: Кошинец (а в первой из указанных книг еще и Каширенин), Пермитины, Ярославец, Можайтин [Ср.: 8, с. 344], Астраханец [Ср.: 9, с. 167, 169], Селижаровец, Вязмитин, Колуженин, а также Нарымцы (вероятно, служившие накануне в Нарымском остроге, который был основан при участии березовцев в 1597 г. (или это могут быть их потомки). В окладной книге за 1627/28 г., кроме того, упомянуты [К]окшар (так определяли выходцев из бассейнов Северной Двины и Ваги [10, с. 147]), Зырянин (т. е. коми по происхождению, которых «прибирали» на службу и в Сургут), Москвитин, Пустозерец, Новгородец [7, с. 85–88; 11, с. 353–359; 12, с. 13]. Сведения о березовском казаке Г.И. Новгородце встречаются и в некоторых других документах [11, с. 395, 396; 13, с. 12, 14], а указания на Василия Пустозерца (очевидно, сына служившего ранее в Берёзове Петра) имеются в материалах за 1626 г.

Известно также, что в 1607 г. в Мангазее «годовали», выполняя функции ясатчиков, березовские казаки И. Москвитин и Т. Жестея, а в заложенный в 1604 г. Томск из Берёзова перевели пешего казака Ф. Холмогорова [7, с. 82; 14, с. 363, 370; 15, с. 46, 51; ср.: 3, с. 248]. Примем во внимание и то, что березовский казак С. Каширенин в 1607 г. нес службу в Обдорском (Носовом) городке, что среди челобитчиков из Берёзова, тогда же побывавших в Москве, находился казак И. Смолнянин, а среди 50 служилых из Берёзова, участвовавших в чрезвычайно трудной мангазейской экспедиции 1600 г., был

казак М. Казанец [3, с. 234–235, 240; 8, с. 386]. (Кстати, одним из томских казачьих десятников в 1608 г. являлся Иван Кокшар, а в сургутских и верхотурских документах 1620-х гг. тоже упоминаются Пермитины, Пустозерц, Колмогорец, Вымитин, Зырян, Кокшар; пермичи же участвовали в основании Пельма в 1593 г. и вскоре пополнили его гарнизон [8, с. 343, 354, 408–410; 11, с. 367, 369, 375; 16, с. 97, 99–101].)

В окладной книге за 1622/23 г. перечислены 14 «иноземцев» из состава березовских служилых – «литва», немцы, черкасы [11, с. 359]. (Такие «иноземцы», кстати, поначалу входили в состав гарнизонов Пельма, Сургута и Тары, а также гарнизонов возникших ранее Тюмени и Тобольска [8, с. 348, 349, 351, 352, 356–359, 361–364, 377; 12, с. 10, 11, 18; 17, с. 98, 120; 18, с. 59–61, 86, 89, 93, 99, 109, 114, 128, 130, 166–167, 170].) В окладной книге города Берёзова за 1627/28 г. значится только «литва», в том числе Санах Копотко Григорьев (причислен к местным ветеранам [1, с. 15; 7, с. 68, 85]), который нес там службу до 1639 г., затем, как и полсотни других березовцев, был отправлен на Лену «ставить» Якутск [2, с. 87].

Обратим внимание на то, что в окладной книге 1627/28 г. перечень «литвы» завершается упоминанием Савастьянки Ревницкого, а Степанко Ревницкий, видимо, его родственник, включен в число рядовых казаков [7, с. 85, 86]. (Последнему, надо думать, не нашлось места в «литовском» подразделении гарнизона Берёзова.) Оба они могли быть потомками литвина Якуша Ревницкого, пожалованного 16 декабря 1617 г. в Казенном приказе «за сибирский приезд» [9, с. 167, 174].

Сведения о «литве» из первого русского города Нижнего Приобья имеются и в источниках начала XVII в. [3, с. 240; 8, с. 387, 389, 393, 394, 396; 15, с. 51]. О ее происхождении мы узнаем благодаря относящейся к февралю 1599 г. царской грамоте верхотурским администраторам, где сказано о «посылке» из Москвы с сыном боярским П. Зекзюлиным 40 «опальных людей» – «литвы», черкас, немцев и сибирских беглых казаков, которым предписывалось «быти... на Берёзове на житье» [5, с. 42; 19, с. 31–32]. Несколько позднее туда выслали дворового И.Н. Романова – Н. Пухова, который в чине сына боярского состоял в гарнизоне Берёзова по крайней мере до 1614 г. В самом же

начале царствования Бориса Федоровича один из опальных детей бояр Быкасовых должен был сменить «стольный» Тобольск на Берёзов [4, с. 39; 7, с. 81; 9, с. 164, 174; 19, с. 89].

Помимо двух или трех атаманов (в рассматриваемое время этот чин носили, зачастую сменяя друг друга, Д. Базаров, И. Аргунов, Я. Чермной, И. Пеший (Пешнев), А. Галкин, И. Мокринский, И. Бобарыкин), в Берёзове в 1620-х гг. служили и от двух до четырех детей боярских, из которых известны П. Змеев, П. Воейков, только что упомянутый И. Мокринский, ранее бывшие казаками А.И. Тутолмин, И. Лихачёв, Ф. Игнатьев [2, с. 55; 3, с. 254, 255; 7, с. 85; 8, с. 339, 341, 354; 9, с. 163, 164, 166, 168, 172, 174, 175; 11, с. 316, 317, 353, 355, 395; 20, с. 1150, 1257, 1364; 21, с. 97, 206, 299, 365; 22, с. 151, 159].

Считается, что в «именной книге» 1627/28 г. города Берёзова перечислены 19 донцов [7, с. 81]; точнее, в рубрике «Донские казаки» названы 12 служилых, получавших 7-рублевый оклад, ниже (после лакуны в тексте документа) говорится еще о 7, судя по упоминанию В. Деева, десятниках [9, с. 164, 168, 170], далее же указаны березовские рядовые казаки, оклад которых составлял 5 рублей с четвертью. (Заметим, что как минимум один донец участвовал в зауральской экспедиции 1593 г., в ходе которой был выстроен Пелым; станица «прибору» атамана Т. Иванова объединяла донских, терских и «сольских», т. е. «польских» или, вероятнее, волжских, казаков, переведенных из Пельма в «Сургуцкий город» вскоре после закладки его стен и башен [8, с. 345; 12, с. 10; 17, с. 100; ср.: 3, с. 281].)

Мнение о том, что донцы были направлены в осажденный мятежными «иноземцами» Берёзов в 1607 г. на помощь местному гарнизону и, по-видимому, «навсегда остались в Сибири» [7, с. 81], восходит к сообщению Книги записной – старшей редакции Сибирского летописного свода, появившейся в конце XVII в., – о прибытии к этому городу, дабы «очистить» его от «изменников», письменного головы И.И. Зубова с «конскими ратными людьми». Данная версия, однако, недостоверна: видимо, анонимный летописец спутал события 1595 г. (о которых умолчал) с событиями времени березовского воеводства князя П.А. Черкасского [23, с. 115]. Зато по «разрядам» известно о

«присылке» в 1596 г. отряда донцов во главе с князем П.И. Горчаковым (накануне управлявшим Пелымом) к Берёзову, который несколько месяцев держали в осаде восставшие остяки и самоеды [18, с. 113]. К тому же времени относится адресованная властям Сургута царская грамота, в которой речь идет о намечавшемся походе против Пегой орды (верхнарымского князя Вони) с участием донских и волжских казаков [11, с. 316]. Упомянутый в окладной книге за 1627/28 г. в числе донцов М. Кашмылов, привезший весной 1608 г. из Москвы «на Верхотурье» государевы грамоты, в 1606–1607 гг., будучи мангазейским годовальщиком, впервые объяснял эвенков на Нижней Тунгуске [7, с. 81, 85; 22, с. 179–180, 191].

Очевидно, вместе с донскими казаками в Берёзов попали и их атаманы Истома (Савва) Аргунов и Яков Чермной, незадолго до того участвовавшие в составе русских отрядов в войне со шведами [24, с. 271; 25, с. 202]. (И. Аргунов, являвшийся березовским атаманом по крайней мере до 1635 г., отличился при покорении Пегой орды и основании тогда же Нарымского острога, а затем сумел получить ясак с эвенков на Подкаменной (Средней) Тунгуске; Я. Чермной возглавлял полсотни служилых людей из Берёзова в оказавшейся чрезвычайно трудной экспедиции, во время которой в среднем течении Таза был заложен Мангазейский острог.)

В грамоте царя Василия администраторам «Берёзова города» от 10 января 1608 г. говорится об убыли гарнизона за счет умерших и беглых, а также о «приборе» новых казаков «на выбылые места» [3, с. 240]. Как и в других сибирских городах, в Берёзове последние заполнялись главным образом родственниками служилых. Примечательно, что потомки многих атаманов и казаков, служивших в рассматриваемый период, часто сохраняли эти чины в Берёзове и позднее, вплоть до конца XVIII в. Упомянувшиеся в окладных книгах за 1620-е гг. и в некоторых более ранних документах Аргуновы, Бобарыкины, Лихачёвы, Шаховы, Торлоповы, Кокоулины, Курсины, Оболтины, Канкаровы, Юрьевы, Нестульцевы, Ангрышевы, Телицыны, Роевы, Фроловы, Фофановы стали, по сути, родоначальниками местных служилых «династий» [11, с. 71–79, 82–90, 395, 433, 476; 24, с. 272–274; 25, с. 116–117, 123–125, 130, 178–181, 203–204].

Гарнизон Берёзова сокращался и по причине гибели казаков, например во время экспедиции 1600 г. в бассейн Таза и на «годовых службах» в Мангазее (если верить челобитным потомков А. Галкина, этого атамана там убили «иноземцы»).

В документах начала XVII в. упоминаются березовские ярыжные и гулящие казаки [3, с. 230, 253], которые могли, видимо, пополнять ряды гарнизона.

Недавно исследователь А.В. Малов отнес к березовским или тобольским служилым 1610-х гг. И. Аргунова, Ф. Ананьи́на, К. Григорьева, И. Дядю, И. Торлопова, С. Фофанова [9, с. 176, 177, 179, 180]. Они являлись березовцами, о чем свидетельствуют различные документы [7, с. 68, 85; 11, с. 353, 354, 395; 14, с. 382; 26, с. 25, 123–125]. А. Афанасьев же и И. Лукьянов, служившие, как представляется А.В. Малову, в столице «Сибирского царства» московских государей либо в Берёзове, были тоболяками [9, с. 177, 178; 27, с. 229–231; 28, с. 133, 134].

Заключение

Гарнизон крепости, с сооружения которой (и почти одновременно Пелыма) возобновилось российское градостроительство в «Сибирской земле», формировался в основном за счет тех же источников, что и гарнизон «срубленного» год спустя (кстати, при участии березовцев) Сургута, а также Тюмени, Тобольска, Тары, а именно за счет «приборов» на «Руси» и ссылки [8, с. 346, 348; 22, с. 131, 134–135]. Своеобразие гарнизона Берёзова заключалось в наличии в нем детей боярских и особой группы донцов (в 1627–1628 гг. их насчитывалось 12, а ранее — несколько больше [7, с. 101, примеч. 56]), отправленных из Москвы за Урал в составе карательной экспедиции князя П.И. Горчакова (накануне эти казаки и их атаманы И. Аргунов и Я. Чермной воевали со шведами). В Сургуте, например, после 1609 г. их не было [17, с. 120]. Кроме того, березовцы (сначала 50 человек, затем 70, потом снова 50), подобно тоболякам, «годовали» в Мангазее со времени «поставления» этого острога [8, с. 304, 386, 387, 389; 18, с. 116–117], где выполняли разнообразные поручения. Они также собирали ясак в Обдорском (Носовом) городке и на территории уезда, центром которого была крепость близ устья Се-

верной Сосьвы, — уезда, являвшегося в конце XVI — первой трети XVII в. самым обширным в «Сибирской стране».

Данные выводы и наблюдения могут найти применение в исследованиях по начальной

истории военно-служилого населения этого необъятного края, в обобщающих трудах и курсах лекций, посвященных прошлому Западной Сибири и судьбам сложившегося здесь вскоре после «Ермаковой эпопеи» казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вершинин Е.В., Пашков А.Т.** Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Зап. Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 10–32.
2. **Первое** столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 190 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).
3. **Миллер Г.Ф.** История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М.: «Вост. лит.» РАН, 2000. 796 с.
4. **Симачкова Н.** Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI — начало XVII в.). Тюмень: Мандр и Ко, 2006. 111 с.
5. **Скульмовский Д.О.** К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI — начало XVII в.) // Западная Сибирь: история и современность: краевед. зап. Вып. 9. Тюмень: Мандр и Ко, 2007. С. 39–48.
6. **Бахрушин С.В.** Научные труды. В 4 т. Т. 3, ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.
7. **Берёзово.** Очерки истории с древности до наших дней. Екатеринбург: Сократ, 2008. 471 с.
8. **Миллер Г.Ф.** История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М.: «Вост. лит.» РАН, 1999. 630 с.
9. **Малов А.В.** Приезды в Москву берёзовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения 2015: матер. Рос. науч. конф. Вып. 10: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 27–28 ноября 2015 г. СПб.: XVIII век, 2015. С. 157–184.
10. **Александров В.А.** Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
11. **Русское** старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: исслед. матер. и док. М.: Галерея, 2007. 591 с.
12. **Ульянова А.Е.** Сургутское казачество в конце XVI — XVII в.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные пробл. истории Зап. Сибири. Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. С. 10–19.
13. **Перевалов В.А.** Три берёзовских документа XVII в. из РГАДА // Источники по истории Зап. Сибири. Ч. 2: Матер. регион. науч. конф. Сургут: Изд-во СурГПИ, 2003. С. 12–15.
14. **Русская** историческая библиотека. Т. 8. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и Ко, 1884. XVI + II с. + 1292 + 52 стлб.
15. **Эскин Ю.М.** Документы о Мангазее в Смутное время // Новые матер. по истории Сибири до-советского периода. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1986. С. 44–54.
16. **Мосин А.Г.** О времени и формах утверждения трехчленной структуры именованья в русской антропонимии (на материалах Среднего Урала) // В.О. Ключевский и проблемы рос. провинц. культуры и историографии: матер. науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.). Кн. 2. М.: Наука, 2005. С. 95–106.
17. **Древний** город на Оби: история Сургута. Екатеринбург: Тезис, 1994. 327 с.
18. **Пузанов В.Д.** Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут: Таймер, 2011. 223 с.
19. **Верхотурские** грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1. М., 1982. 160 с.
20. **Книги** разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего Соизволения II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1853. XV с. + 1380 стлб. + I + II с.
21. **Книги** разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего Соизволения II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1855. IX с. + 1398 стлб. + I с.
22. **Русская** историческая библиотека. Т. 2. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1875. XII + XX с. + 1228 стлб.
23. **Солодкин Я.Г.** К оценке волнений «иноземцев» Берёзовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Меншиковские чтения 2011: матер. чтений. Вып. 8: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 12–13 ноября 2011 г. СПб.: Истор. иллюстрация, 2012. С. 114–117.
24. **Вершинин Е.В.** Русские старожилы Берёзова (XVII–XVIII вв.) // Русские старожилы: матер. III Сибир. симп. «Культурное наследие народов Зап. Сибири» (г. Тобольск, 11–13 декабря 2000 г.). Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 271–274.

25. **Очерки** истории Югры. Екатеринбург: Изд-во НППМ «Волот», 2000. 407 с.

26. **Обдорский** край и Мангазея в XVII веке: сб. док. Екатеринбург: Тезис, 2004. 199 с.

27. **Никитин Н.И.** О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источ-

никоведению истории России (до 1917 г.): к 80-летию чл.-кор. РАН В.И. Буганова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 224–231.

28. **Обозрение** столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. Ч. 4. М.: б. и., 1901. 283 с.

Солодкин Яков Григорьевич

E-mail: nil-historical@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

[1] E.V. Vershinin, A.T. Shashkov, [Participation of service of ostyak of the Kodskey principality in military campaigns of the end of 16th – the first third of the 17th century], in: Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee [Western Siberia: last, real, future], Diorit, Surgut, 2004, pp. 10–32.

[2] [First century of the Siberian cities: 17th century], in: Istoriya Sibiri [History of Siberia], Pervoistochniki, pt. 7, Sibirskii khronograf, Novosibirsk, 1996.

[3] G.F. Miller, Istoriya Sibiri [History of Siberia], of vol. 2, Vostochnaya literatura, RAN, Moscow, 2000.

[4] N. Simachkova, Stanovlenie vovodskoy sistemy upravleniya v Sibiri (konets XVI – nachalo XVII veka) [Formation of a vovodskoy control system in Siberia (the end of 16th – the beginning of the 17th century)], Mandr i Ko, Tyumen', 2006.

[5] D.O. Skul'movskii, [The history of the formation of the Siberian garrisons (the end of 16th – the beginning of the 17th century)], in: Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost' [Western Siberia: history and present: Local history notes], iss. 9, Mandr i Ko, Tyumen', 2007, pp. 39–48.

[6] S.V. Bakhrushin, Nauchnye trudy [Scientific works], in 4 vol., of vol. 3, pt. 1, Academy of Sciences of the USSR Publ., Moscow, 1955.

[7] Berezovo. Ocherki istorii s drevnosti do nashikh dney [Berezovo. History sketches from antiquity up to now], Sokrat, Ekaterinburg, 2008.

[8] G.F. Miller, Istoriya Sibiri [History of Siberia], of vol. 1, Vostochnaya literatura, RAN, Moscow, 1999.

[9] A.V. Malov, [Arrivals to Moscow of Berezovsky the sluzhilykh of people on an output of Russia from the Distemper. 1613–1619 (According to prikhodo-expenses books of the State order)], in: [Menshikovsky readings 2015: Materials of the Russian scientific conf., iss. 10: Berezovo (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra): Nov. 27–28, 2015, XVIII vek Publ., St. Petersburg, 2015, pp. 157–184.

[10] V.A. Aleksandrov, Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII veka (Eniseyskiy kray) [The Russian population of Siberia 17th – the beginnings of the 18th century (Yenisei edge)], Nauka, Moscow, 1964.

[11] Russkoe starozhil'cheskoe naselenie Yugry v kontse XVI – seredine XIX veka [The Russian starozhilchesky population of Yugra at the end of 16th – the middle of the 19th century: research materials and documents], Galereya, Moscow, 2007.

[12] A.E. Ul'yanova, [The Surgut Cossacks at the end of the XVI–XVII centuries: number, structure, material security], in: Aktual'nye problemy istorii Zapadnoi Sibiri [Urgent problems of history of Western Siberia], SurGU Publ., Surgut, 2006, pp. 10–19.

[13] V.A. Perevalov, [Three Berezovsky of the document of the 17th century from RGADA], in: Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri [Proc. of the Conf. Title: Sources on stories of Western Siberia], pt. 2, SurGPI Publ., Surgut, 2003, pp. 12–15.

[14] Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library], of vol. 8, Typ. F.G. Eleonskogo i Ko, St. Petersburg, 1884.

[15] Yu.M. Eskin, [Documents on Mangazey in the Time of Troubles], in: Novye materialy po istorii Sibiri dosovetskogo perioda [New materials on stories of Siberia of the pre-Soviet period], Nauka, Novosibirsk, 1986, pp. 44–54.

[16] A.G. Mosin, [About time and forms of the statement of tripartite structure of naming in the Russian antropimiya (on materials of Central Ural Mountains)], in: V.O. Klyuchevskiy i problemy rossiyskoy provintsial'noy kul'tury i istoriografii [V.O. Klyuchevsky and problems of the Russian provincial culture and a historiography: proc. of the conf.], Penza, June 25–26, 2001, b. 2, Nauka, Moscow, 2005, pp. 95–106.

[17] Drevniy gorod na Obi: istoriya Surguta [The ancient city on Ob: History of Surgut], Tezis, Ekaterinburg, 1994.

[18] V.D. Puzanov, Voennaya politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoy Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII veka) [Military policy of the Russian state in Western Siberia (the end of 16th – the beginning of the 18th century)], Taimer, Surgut, 2011.

[19] Verkhoturские грамоты конца XVI – начала XVII века [The Verkhoturysk diplomas of the end of 16th – the beginning of the 17th century], iss. 1, Moscow, 1982.

[20] Knigi razryadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam, izdannye s Vysochayshego Soizvoleniya II ot-deleniem Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii [Books are bit, according to official lists of it, Own Offices of its Imperial Majesty published from the Highest Pleasure by the II Separation], of vol. 1, St. Petersburg, 1853.

[21] Knigi razryadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam, izdannye s Vysochayshego Soizvoleniya II ot-deleniem Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii [Books are bit, according to official lists of it, Own Offices of its Imperial Majesty published from the Highest Pleasure by the II Separation], of vol. 2, St. Petersburg, 1855.

[22] Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library], of vol. 2, Тип. brat'ev Panteleevykh, St. Petersburg, 1875.

[23] Ya.G. Solodkin, [To an assessment of disorders of “foreigners” of Berezovsky of the county in 1607: “shatost” or mutiny?], in: [Menshikovskiy readings 2011: Materials of the Conf. Title], iss. 8: Berezovo (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra), Nov. 12–13, 2011, A historical illustration, St. Petersburg, 2012, pp. 114–117.

[24] E.V. Vershinin, [Russian old residents of Berezovo (the XVII–XVIII centuries)], in: Russkie starozhily [Russian old residents: materials of the III Siberia symp. “Cultural heritage of the people of Western Siberia”], Tobol'sk, Dec. 11–13, 2000, OmGPU Publ., Tobol'sk, Omsk, 2000, pp. 271–274.

[25] Ocherki istorii Yugry [Sketches of history of Yugra], NPMP “Volot” Publ., Ekaterinburg, 2000.

[26] Obdorskiy kray i Mangazeya v XVII veke [The Obdorsky edge and Mangazey in the 17th century], Tezis, Ekaterinburg, 2004.

[27] N.I. Nikitin, [About “old” ermakovsky one hundred (to history of one myth)], in: [Researches on a source study of history of Russia (till 1917): to the 80 anniversary of the corresponding member of RAS V.I. Buganov], ROSSPEN, Moscow, 2012, pp. 224–231.

[28] Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of columns and books of the Siberian order (1592–1768)], pt. 4, Moscow, 1901.

Solodkin Yakov G.

E-mail: nil-historical@mail.ru

Received 22.05.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8402

УДК 94(47) «1927/1930»

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДЕВИАНТНОГО ДОСУГА В ЗАВОДСКИХ МНОГОТИРАЖНЫХ ГАЗЕТАХ КОНЦА 1920-Х ГОДОВ (на примере Ленинграда)*

И.В. Сидорчук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию девиантных форм досуга, которые были распространены в среде рабочих Ленинграда в конце 1920-х гг. Работа опирается на материалы заводских многотиражных газет, издававшихся на крупнейших предприятиях города. Используются общенаучные методы исследования (логический и исторический). Исследование досуговых моделей и практик отклоняющегося поведения проводилось на основе методологии «новой культурной истории», включающей в себя историю досуга. Также использованы методы исторической антропологии, в том числе истории повседневности, в центре внимания которой находятся повседневные дискурсы и практики. Результаты исследования продемонстрировали злободневность проблем распространения девиантных форм досуга в рабочей среде Ленинграда в конце 1920-х гг. Наиболее распространенной формой отклоняющегося поведения являлось пьянство, что во многом было связано с дореволюционными корпоративными практиками, перекочевавшими в советскую повседневность. Остальные виды девиантного досуга, в первую очередь хулиганство и проведение религиозных ритуалов, отмечание церковных праздников, связывались непосредственно с употреблением спиртного. Одновременно материалы заводских газет показывают, что, несмотря на все усилия рабкоров и администрации, эти девиантные досуговые практики продолжали существовать, являясь важной частью субкультуры промышленных рабочих. При этом основной причиной усиленной борьбы с ними было стремление поддерживать высокий уровень производительности и трудовой дисциплины, что стало особенно актуально с началом первой пятилетки. Результаты исследования могут быть использованы в развитии социальной и культурной политики государства для решения проблем, связанных с культурно-историческими причинами развития и устойчивой привлекательности девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантный досуг; история досуга; многотиражки; советские рабочие; хулиганство; пьянство

Ссылка при цитировании: Сидорчук И.В. Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х годов (на примере Ленинграда) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 17–26. DOI: 10.18721/JHSS.8402

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-31-00017 «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»).

DEVIANT LEISURE IN THE WALL NEWSPAPERS OF LENINGRAD FACTORIES IN THE LATE 1920S

I.V. Sidorchuk

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to studying deviant leisure forms common among the Leningrad workers in the late 1920s. The paper is based on the materials of wall newspapers published by the largest factories of the city. The author used general scientific methods (logical and historical). The study of leisure practices and models of deviant behavior is based on the methodology of “new cultural history”, which includes the history of leisure. The methods of historical anthropology were also used, including the history of everyday life with a focus on common discourses and practices. The results of the study demonstrated the significance of the problems of the spread of deviant forms of leisure among Leningrad workers of the late 1920s. The most common form of deviant behavior was alcohol abuse, which was largely related to pre-revolutionary corporate practices that have migrated to the Soviet everyday life. Other types of deviant leisure, primarily hooliganism, observance of religious rituals and celebrating religious holidays were directly linked with alcohol consumption. Wall newspapers show that, despite all the efforts of the correspondents and the administration, these forms of leisure continued to exist as an important part of the subculture of industrial workers. The main reason for the intensive campaign to combat them was the desire to maintain a high level of productivity and labor discipline, which became especially important with the beginning of implementation of the first five-year plan. The results of the study can be used in the development of the social and cultural policy of the state to solve problems related to cultural and historical reasons for the development and continuing attractiveness of deviant behavior.

Keywords: deviant leisure; history of leisure; wall newspaper; soviet workers; hooliganism; drunkenness

Citation: I.V. Sidorchuk, Deviant leisure in the wall newspapers of Leningrad factories in the late 1920s, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 17–26. DOI: 10.18721/JHSS.8402

Введение

История девиантного досуга является достаточно молодой темой, которая еще не получила должного научного освещения. Теоретические основы данного направления были заложены учеными Р. Стеббинсом и К. Роджеком, обозначившими девиантный досуг как оппозицию «нормальной» культуре, неизменно привлекательную для человека. По их мнению, обращение исследователя к девиантному досугу позволяет расширить представление о досуговых практиках, выявить правила, определяющие норму / отклонение, проследить исторические изменения и механизм легализации, принятия девиаций. Практики со-

ветских рабочих 1920-х гг., неприемлемые для общества и власти, привлекали внимание ряда отечественных специалистов, что объясняется уникальностью и переходным характером эпохи нэпа, для которой были характерны резкие изменения в социальном составе общества, в положении различных сословий, общем культурном и нравственном климате. Стоит выделить работы Н.Б. Лебиной, С.Е. Панина, А.Ю. Рожкова и С.Б. Ульяновой, где показаны важность данной проблемы в рассматриваемую эпоху, неотъемлемость девиантных досуговых практик для разных слоев населения и способы, которыми власть пыталась с ними бороться.

Постановка проблемы и цели исследования

Борьба с различными формами девиантного досуга — важная задача для любой власти. В условиях 1920-х гг. для большевистского правительства особую важность приобретала ситуация в рабочей среде, ведь опорой и движущей силой социальных изменений, лицом революции являлись именно рабочие, от которых требовались высокая сознательность, грамотность и активность. По мнению партийных идеологов, различные «буржуазные пережитки» после победы в классовой борьбе должны были исчезнуть, однако на практике этого не случилось. Наоборот, в некоторые моменты ситуация только ухудшилась, что требовало активной борьбы на пропагандистском фронте. В настоящей статье дается анализ девиантных форм досуга, распространенных в среде рабочих Ленинграда в конце 1920-х гг. Исследование опирается на материалы заводских многотиражных газет, издававшихся на крупнейших предприятиях города в то время. Именно в конце 1920-х гг. большинство заводских стенгазет на заводах Ленинграда стали многотиражками — регулярными и более содержательными изданиями. Выбор источника объясняется как его недостаточной востребованностью у историков, так и тем обстоятельством, что корпоративная пресса была наиболее приближена к реальному положению дел, оперативно реагировала на проблемы и старалась максимально четко и ясно донести государственные установки до рабочего, своего главного читателя. Авторами статей многотиражек являлись рабкоры, а не профессиональные журналисты, что делало эти газеты ближе к рабочим и действительно важным средством воздействия на трудовой коллектив [1, с. 77].

Методология

Использованы общенаучные методы исследования (логический и исторический). Исследование досуговых моделей и практик отклоняющегося поведения проводилось на основе методологии «новой культурной истории», включающей в себя историю досуга. Также использованы методы исторической антропологии, в том числе истории повседневности, в центре внимания которой находятся повседневные дискурсы и практики.

Результаты исследования

Существованию девиантных форм досуга в рабочей среде способствовал целый ряд факторов. Во-первых, это дореволюционные традиции, перекочевавшие в советскую реальность. Так, «праздничный день был немыслим без водки, но и в будни алкоголь постоянно присутствовал в пространстве предприятия. Прежде всего это связано со сложившимися обычаями „замо́чки машин“, „спрыска“, „магарыча“ и т. п.» [2; 3, с. 99]. Некоторые исследователи называют причиной девиантного поведения социальный протест либо против условий труда, либо против власти [См., например: 4, с. 109]. Широкое распространение получали выпады в адрес спецов, часто с антисемитской составляющей. Думается, что свою роль играло и достаточно мягкое трудовое законодательство. Так, уволить работника можно было только за отсутствие его на рабочем месте без уважительной причины более трех дней подряд или в общей сложности более шести дней в месяц¹. Помимо этого, рабочие могли чувствовать свою исключительность, ведь заменить их подчас было просто нечем: в промышленности остро ощущался недостаток квалифицированной рабочей силы, в 1925–1926 гг. потребность в ней составляла 433 тыс. человек [1, с. 59].

Вне конкуренции по степени освещения в заводской прессе и, судя по всему, по распространению было пьянство. В середине 1920-х гг. доля пьющих промышленных рабочих составляла 90 %. С 1924 по 1928 г. потребление алкоголя среди них возросло в 8 раз [2, с. 85]. Сложно найти выпуск многотиражки, в котором не поднимался бы этот вопрос. В конце 1920-х гг. началась антиалкогольная кампания, усилившая борьбу с этим недугом на предприятиях. Опасность пьянства заключалась в первую очередь в том, что оно служило главной причиной прогулов, «опаснейших врагов нашей промышленности», которые мешают «выполнить директивы партии и правительства»². Рабкор газеты рабочих и служащих Ленинградских

¹ Рабинович-Захарин С. Увольнение рабочих и служащих (основание и порядок увольнения, выходное пособие и пр.). Изд. 2-е. М.: Вопросы труда, 1927. С. 20.

² Шибеев Н. Долой прогулы! М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. С. 29, 34.

главных мастерских и службы эксплуатации Балтийского вокзала Северо-Западной железной дороги «Красный железнодорожник» отмечал: «За последнее время увеличилось число лиц, появляющихся на производстве в нетрезвом виде. А поэтому со стороны широкой общественности должно быть уделено самое широкое внимание к искоренению пьянки. Пора от слов перейти к делу, так как за февраль месяц число подвергнутых административному взысканию за появление в нетрезвом виде выразилось в 71 чел. Уволено за это — 2 чел. Пьянка указанного числа лиц влияла на лишний простой и недовыпуск продукции, а также и на качество выполнения работы. По этим же причинам происходят несчастные случаи на производстве. Пьянство рабочих делает несчастной семью этих рабочих, и не удовлетворяются культурные запросы их самих. Проводя культурную революцию, мы сумеем искоренить пьянку как на производстве, так и вне его».³ Подчас рабочие пили, ничего не опасаясь. На том же предприятии в подъемном цехе было «хорошо поставлено дело у всех пьяниц, пьют и никого не стесняются, прямо в открытую у всех на глазах»⁴.

Среди ленинградских заводов не было ни одного, где бы не стояла остро эта проблема. Вот что писал рабкор «Красновыборжца»: «Страницы нашей газеты скоро будут сплошным криком: „Пьянка заедает!“ Грызет она горло всякому. То схватит старика матерого, который и спит с бутылкой, в ней и топит, что на душе камнем залегло. То в молодого вцепится, которому всего 19-й год идет, а уж кандидат в хулиганы. Косит налево и направо и партийного, и беспартийного. Коллективы задыхаются от атаки заявлений от жен, сыновей и посторонних»⁵.

Его коллега из газеты «Стапель», печатного органа рабочих и служащих судостроительного завода им. А. Марти, приводил такой пример пьянства на работе: «13-го мая, в воскресенье, в большой механической мастерской работала бригада слесарей. Срочный заказ на буксиры Каспара, работа сверхурочно. Очень хорошо, что ста-

раются выполнить в срок, но если уж работают сверхурочно, то нужно следить за рабочими, ибо случайно оказался свидетелем того, как вся бригада еле держалась на ногах: пьяны до положения риз. Один из бригады отправился с уже опорожненной бутылкой за вином, но его в воротах не пропустили. Вертятся трансмиссии, расходуются энергия, да, кроме того, недолго и до несчастного случая»⁶.

Не лучше была ситуация и на Балтийском заводе: «В чугунолитейном цехе производственная дисциплина отстаёт основательно. Особенно широко развито пьянство. Пьют на производстве, пьют во время обеда и во время литья, когда нет обеда. Часто можно видеть в рабочее время, как рабочие по группам и в одиночку в боковые двери отлучаются из мастерской с тем, чтобы выпить за воротами или принести заряд с собой на производство. Можно видеть даже совершенно пьяных в цехе»⁷.

А вот что писал рабкор газеты Ленинградского радиоаппаратного завода им. Козицкого: «В 62-м отделении часто можно наблюдать такую картину: известная группа механиков или с утра является с большим похмельем и через несколько минут уходит с завода, или придут пьяные и вольются в мастерской, собираются кучками и болтают о том, как и где были и сколько выпили»⁸.

Особо интересные «приключения» пьяных сотрудников удаивались отдельных заметок: «Пожарник тов. Андреев 4 сентября явился на службу пьяным. В проходной его не пропустили, отослав домой выпиться. Андреев не приуныл. Он забрался во двор клуба, стараясь пролезть через забор, но, видимо, наличие винных паров увеличивало вес т. Андреева, так как при всем желании пролезть он не мог. Пожарники часто в последнее время являются на службу пьяными»⁹. Поводом для пьянки могла стать та или иная покупка: «Послали недавно т. Окунева, кладовщика электрического цеха, купить арматуру для цеха. Произ-

³ Кепка. Долой пьянство! // Красный железнодорожник. 1928. 16 апреля. (№ 3). С. 2.

⁴ Иосифов. Пьянство — друг невежества // Красный железнодорожник. 1928. 16 августа. (№ 9). С. 3.

⁵ Ветер. Пьяное «художество» // Красновыборжец. 1928. 14 июля. (№ 12). С. 3.

⁶ Ф. Сверхурочные пьяные // Стапель. 1928. Май. (№ 1). С. 2.

⁷ Формовщик. Положить конец // Голос балтийца. 1928. 10 марта. (№ 3). С. 3.

⁸ Ам. Пьянка // Голос Козицких. 1928. 2 июня. (№ 1). С. 4.

⁹ Иволгин. Раньше в пивную // Электросила. 1929. 9 сентября. (№ 32). С. 4.

вода попку, на радостях напился пьяным, после чего взял извозчика и подъехал с покупками к проходной будке. Добравшись до будки, упал замертво и заснул, забыв всё на свете. Извозчик воспользовался этим случаем и повернул оглобли обратно от ворот, чтобы скрыться с покупками. Хорошо, что вовремя заметил это сторож и задержал смекалистого извозчика»¹⁰. Вот другой похожий случай: «В конце сентября поехал мастер слесарно-сбор[оч]ного цеха Степанов еще с двумя рабочими на обкатку вагонов. Обрато на завод все трое явились вдрызг пьяные. На состоявшееся в тот же вечер производственное совещание мастер явился в таком виде, что был не в состоянии даже языком ворочать. Через несколько дней во время обкатки повторилась та же картина»¹¹.

Пойманные пьяными рабочие часто вели себя дерзко, отказывались уходить домой: «30 августа весовщики Трупин и Филиппов до того были пьяны, что дальше в цеху оставаться не могли: были сняты их рабочие марки, и им предложено было идти домой. Но пьяный зеленый змий легко себя не дает в обиду, нужно немного побузить, — так это и сделал тов. Трупин. Излаял он пом. мастера Миняева, оскорбил представителя [службы] охр. труда Панова, предложившего ему уйти по-хорошему и не отрывать администрацию от дела, словами: „А что вы понимаете — как свинья в апельсинах“, не помогла также и помощь коменданта. Это еще полгреха, что парень напился и пошел домой, но у него хватило нахальства идти к врачу медпункта и просить у него удостоверение в том, что он совершенно трезв...»¹² «Подручный на печках электро-литейной „Красного выборжца“ тов. Сергеев пришел пьяным, проспал всю смену, а разбудить его удалось только напихавши в нос табак»¹³. Похожий случай произошел и с другим рабочим завода — Плеванюком, который явился во вторую смену пьяным и улегся у станка спать. Когда мастер начал его будить и предложил уйти с работы,

тот замахнулся на него бутылкой, но был удержан подоспевшими рабочими¹⁴.

Особенно много пьяных прогулов было после праздников и дня получки¹⁵. Данная практика являлась одним из «пережитков прошлого», ведь именно через алкоголь проходила интеграция новичков в коллектив [5, с. 620—621]. В частности, молодой рабочий должен был пропить первую зарплату со старшими товарищами [6, с. 330—331]. Помимо прогулов подобные попойки могли приводить к травмам, подчас совсем нелепым: «После получки 1 февраля в пивнушку (на углу Финляндки) зашли Максимов Гриша и Краснов Сеня. По-приятельски выпили, а потом разодрались. Хотел Гриша Сене в глаз захватить, но по ошибке в рот попал, палец там остался, на минутку задержался, и пошел парень по больничному гулять...»¹⁶

Повышенное внимание уделялось пьянству среди членов партии, призванных быть образцом для остальных рабочих: «Трубопроводчик слесарно-механич. цеха Фролов, старый член партии, неоднократно появлялся на производстве в пьяном виде. На замечания цехячейки № 1 и товарищей о недопустимости таких явлений Фролов отделялся известной русской отговоркой... матерщиной... Также на замечания отсека кол-ва тов. Фёдорова Фролов угрожал побить морду. Решили не разводить „мордобоев“ и послали тов. Фролова лечиться от алкоголя». Фролов вроде вылечился, но меньше чем через 2 недели уже дебоширил в кабинете главного механика с 1/2 бутылки за пазухой¹⁷.

О том, что пьянство для многих рабочих было нормой и ничего предосудительного они в нем не видели, свидетельствуют статьи врачей, в которых объяснялись, казалось бы, прописные истины о вреде алкоголя: «Хотя у многих людей и сложилось убеждение, что для хорошей работы необходимо выпить, научное исследование этого вопроса доказывает обратное. Работоспособ-

¹⁰ М. Впрыснул // Красный железнодорожник. 1928. 15 марта. (№ 1). С. 3.

¹¹ Трезвый. Захмелевшее начальство // Егоровец. 1928. 26 октября. (№ 6). С. 4.

¹² Язва. О пьянке // Красный железнодорожник. 1928. 16 сентября. (№ 11). С. 3.

¹³ Бутылка. Прокатывается на других // Красно-выборжец. 1928. 1 марта. (№ 3). С. 4.

¹⁴ Комсомолец. Дать по рукам // Красновыборжец. 1928. 19 декабря. (№ 22-23). С. 5.

¹⁵ Жало. Цех «под мухой» // Стапель. 1929. 20 января. (№ 1). С. 3.

¹⁶ Заноза. Гришкин палец // Красновыборжец. 1928. 1 марта. (№ 3). С. 4.

¹⁷ Не пьяница. «Конкурс пьяниц» // Стапель. 1928. Июнь. (№ 2). С. 2.

ность под влиянием алкоголя не только не увеличивается, но даже заметно уменьшается»¹⁸.

Выше уже говорилось о причинах достаточно мягкого наказания провинившихся рабочих. Не стоит забывать и об определенной корпоративной этике, согласно которой нельзя «закладывать» пьяного товарища. В заводской печати постоянно присутствовала тема бездействия администрации и мастеров в отношении пьяниц и хулиганов. Дежурным абзацем с указанием на необходимость усилить борьбу с прогульщиками оканчивалось большинство рабкоровских заметок. Например, один из рабкоров возмущался тем, что за утрату по пьянке партбилета провинившемуся только поставили на вид¹⁹. Другой указывал на отсутствие стараний администрации в поимке рабочих, разбивающих стекла в цехе²⁰. Подчеркивалось, что лояльное отношение к виновным развивает у них чувство безнаказанности и гарантирует повторение пьянок и прогулов: «Несмотря на суровые меры нашей администрации, пьянство и прогулы не прекращаются. Возьмем котельный цех: котельщики Копанцев и С. Ильин сделали прогулы дней по 6. Согласно внутреннему распорядку завода они должны быть уволены, а в результате последний даже сумел получить отпуск с зачетом ему прогульных дней в число отпуска, ну и опять забалдил. А тов. Мухин, к сожалению, партиец, уже до такой степени дошел, что просил уполномоченного и администрацию цеха: „Будьте так любезны, простите и освободите сегодня, так как у меня сегодня престольный праздник – Ильин день, и поэтому я выпил”»²¹.

Отдельной темой являлся вопрос о необходимости закрыть расположенные рядом с заводами питейные заведения, «очаги пьянства и разврата», где рабочие гуляли не только после получки, но и в обеденный перерыв²². При этом

заккрытие различных пивных не помогало, рабочие всегда могли купить спиртное в государственном кооперативе, рядом с которым их уже ждали «торговки с селедками и даже с горячей картошкой»²³.

Разумеется, пресса не ограничивалась описанием случаев пьянства, она старалась и бороться с ним. В частности, регулярно публиковались списки пьяниц, «обитателей бутылки»²⁴. Постоянно встречаются и карикатуры. Например, на одной из них изображена та же водочная бутылка, в которой закупорены пьющие рабочие: «В этой бутылке будет сидеть каждый любитель зеленого змия, вкушивший за предстоящие дни отдыха „молочка” от бешеной коровки»²⁵. Из всех сил газеты призывали рабочих к сознательности: «В борьбе за новый быт все сознательные рабочие должны принять энергичное участие в ликвидации пьянки в нашем быту. Пьянство – позор. Пьянство – преступление и саботаж перед социалистическим строительством. Пьяницы – дезертиры трудового фронта»²⁶.

В рамках антиалкогольных кампаний создавались общества по борьбе с пьянством, активизировали свою работу клубы [7, с. 417], красные уголки, организовывались культурные мероприятия (походы в театр, кино, на экскурсии).

В качестве аргументов против пьянства в газетах указывались экономические причины. Так, сравнение бюджетов пьющего и непьющего рабочих показывало, что первый только на водку тратит больше, чем второй на пищу²⁷. На помощь рабкоры старались привлекать и поэзию:

*В обед, раздобыв увольнение,
Поправиться парень идет,
В пивнухе найти исцеление,
А труд, мол, от нас не уйдет.
И снова, напившись солидно,
Шатаясь он к дому бредет,
А сам, улыбаясь ехидно,
Похабные песни поет.*

¹⁸ Герасимов, д-р. К чему ведет алкоголизм // Красный железнодорожник. 1928. 16 ноября. (№ 16). С. 4.

¹⁹ Заноза. За пьянку построже // Красный железнодорожник. 1929. 3 января. (№ 1). С. 3.

²⁰ Горчаков. Хулиганы // Стапель. 1928. 10 июля. (№ 3). С. 3.

²¹ Котел № 1. На борьбу с алкоголизмом. В поход на зеленого змия // Красный железнодорожник. 1928. 16 сентября. (№ 11). С. 3.

²² Ветер. Кажись, меньше пить стали. А? // Красновыборжец. 1928. 17 ноября. (№ 20). С. 3.

²³ Андреев, Напорко. Убрать базар и вино // Красный железнодорожник. 1929. 12 июля. (№ 15). С. 4.

²⁴ Пьяные герои дня (Кого ждет заводская метла) // Стапель. 1928. Июнь. (№ 2). С. 2; См. также: Электросила. 1928. 25 февраля. (№ 3). С. 5.

²⁵ Электросила. 1928. 13 апреля. (№ 6). С. 3.

²⁶ В ряды трезвенников // Красновыборжец. 1928. 1 сентября. (№ 4). С. 4.

²⁷ Стапель. 1928. Сентябрь. (№ 6). С. 2.

*Вот он остаток царизма,
Ужасного быта шаблон,
На алой заре коммунизма
Пятном заволок небосклон*²⁸.

Лозунг «Вместо трактира — клуб! Вместо пивной — советская чайная! Вместо драки — физкультура!»²⁹ на практике часто оборачивался тем, что рабочие действительно ходили в клубы, занимались физкультурой и т. п., но делали это пьяными!³⁰ Например, на страницах «Балтийца» поднимался вопрос о необходимости принятия мер по поводу того, что футболисты заводской команды пили перед играми³¹.

Регулярными были случаи пьянства во время экскурсий. В частности, недостойное поведение некоторых отдыхающих омрачило поездку рабочих «Красного выборжца» в Сестрорецк: «Свалились в одну кучу женщины, мужчины, все были пьяны. Дошло дело до безобразия, дошло до драки. Митрофанов (котельного цеха) кому-то с пьяных глаз заехал в лицо, поволокли его, „раба божьего“, в милицию. Кононов (трубного цеха) нажрался вконец, завалился спать под кустики. Поддержали их, а может, им пример показали ответственные по играм Карзин и Люблин — первый был пьян влоск, а второй глотнул тоже. Привезли с собой игры, да и не открыли их. За выпивкой времени не хватило. Особенно безобразно вели себя перепившиеся женщины. Было сделано несколько снимков таких загулявших групп в самый патетический момент, когда вся честная компания чокается перед выпивкой»³². Отметим, что статьи, в которых упоминается пьянство среди работников, единичны, а это говорит о его нераспространенности среди женщин. Обильным потреблением спиртного и хулиганскими выходками сопровождалась экскурсия рабочих завода им. Козицкого в Павловск³³ и Кронш-

тадт³⁴, вагоностроительного завода им. Егорова в Гатчину³⁵.

Подчас в пьянстве уличались непосредственно активисты по борьбе с ним: «*Избрали бюро по борьбе с алкоголем в цеху под председательством активного сторонника пьянки, комсомольца Голубева Николая, который, не откладывая дела в долгий ящик, сразу повел антиалкогольную борьбу, напившись первым до положения риз в обеденный перерыв после получки 16/ХІ, и в невменяемом состоянии был выведен товарищами за ворота во время работы с просьбой не появляться в цехе в таком виде и не марать цех своим поведением*»³⁶.

Остальные виды девиантного досуга, в первую очередь хулиганство и проведение религиозных ритуалов, отмечание церковных праздников, связывались непосредственно с употреблением спиртного. Пьянство было причиной первого и следствием второго. Стоит отметить, что под определение «хулиганство» попадали абсолютно разные по своей тяжести проступки. Количество преступлений, равных или приближающихся к печально известной «чубаровщине», было невелико. Размах кампании по борьбе с хулиганством объясняется скорее стремлением партии играть более активную роль в жизни молодежи, а не реальной степенью распространения проблемы [1, с. 78]. На заводах часто отмечались случаи мелкого хулиганства, особенно так называемые «шутки», которые хоть и редко, но могли приводить к серьезным последствиям. Вот один из типичных примеров: «*Хорошо умеет шутить станочник столоярного цеха тов. Ковылин. Например, 15 мая, наточив нож, [он] подошел к токарю Богданову, поднял нож и эдак с улыбкой говорит: „Давай деньги, где они у тебя?“ Богданов, желая отвести нож от себя, так как такие шутки ему вовсе не нравятся, махнул рукой и задел по ножу. В общем шутка Ковылина довольно дорого обошлась произ-*

²⁸ М. Литман. Пьянка // Балтиец. 1928. 6 ноября. (№ 19). С. 4.

²⁹ Григорьева, врач. Алкоголь — яд // Егоровец. 1929. 24 октября. (№ 11). С. 3.

³⁰ Напр.: Локонов. Клубные вредители // Балтиец. 1929. 17 мая. (№ 17). С. 4.

³¹ Зрячий. Пьяным не играть // Балтиец. 1929. 30 августа. (№ 31). С. 4.

³² Ветер. В Сестрорецке // Красновыборжец. 1928. 3 июля. (№ 11). С. 4.

³³ Ник. На борьбу с алкоголем // Голос Козицких. 1928. 3 июля. (№ 3). С. 4.

³⁴ Экскурсант. Долой пьянку // Голос Козицких. 1928. 28 июля. С. 3.

³⁵ Группа трезвых. Экскурсия в Гатчину. Пьянка, похабщина и антисемитизм // Егоровец. 1928. 16 августа. (№ 4). С. 3.

³⁶ Стрела. Антиалкогольный пьяница // Красный железнодорожник. 1928. 1 декабря. (№ 17). С. 3; См. также: Мимоходом. Борцы с алкоголизмом // Балтиец. 1929. 10 октября. (№ 38). С. 4.

водству, так как Богданову пришлось проболеть 8 дней: и производству убыток, и страхассе пришлось уплатить за это время»³⁷. Интересно, что, как и в случае с пьянством, акцент здесь делается на вреде, причиненном производству. Закончилась травмой и шутка, когда один рабочий бросил в товарища паклей, а тот в ответ — отверткой. Попав в станок, она отлетела и попала оппоненту в плечо, нанеся травму³⁸. Своеобразной классикой являлась забава, когда смоченный в бензине кусок ветоши прицепляли жертве к спине и поджигали³⁹. В целом хулиганские выходки отличались разнообразием: от изрезанной крышки рояля⁴⁰ до росписи стен в туалетах заводскими «стенкорами»⁴¹.

Наличие значительного числа антирелигиозных заметок в многотиражках в 1920-х гг. объясняется не только общей задачей пропаганды материалистического мировоззрения, но и необходимостью изжить массовые прогулы после церковных праздников, обусловленные пьянством. В связи с этим различные материалы, дискредитирующие религию и верующих, в обязательном порядке появлялись накануне двух крупнейших православных праздников — Рождества и Пасхи⁴². Несмотря на то что рабочий класс считался наиболее сознательным в этом вопросе, религиозные традиции в нем были сильны: «Скоро рождественские праздники, каковые, конечно, принесут нашим семьям довольно солидные убытки, а также и нам, рабочим, употребляющим спиртные напитки. Ведь у многих наших рабочих сохранились старые традиции проводить все церковные праздники с выпивкой и

весельем, несмотря на то, что впоследствии они оказываются в самом плачевном положении. Мы должны раз и навсегда покончить с поповским дурманом и повести борьбу за культурный быт. Эти дни нужно использовать для производства, а отгулять на Новый год»⁴³. Газета «Стапель» призывала: «Долой пьяное Рождество! Не будет в цехах нашего завода ни одного прогульщика»⁴⁴. Как и в случае с пьянством, особое внимание уделялось религиозности партийцев. В частности, они осуждались за согласие крестить ребенка⁴⁵, особенно, если крестины заканчивались пьяным кутежом⁴⁶.

Рабочеры выявляли не только верующих-пьяниц, но и верующих-трезвенников — последователей Ивана Чурикова⁴⁷, с которыми призывали активно бороться⁴⁸, потому что «частенько под маской религиозно настроенных людей скрываются лица с антисоветскими и контрреволюционными настроениями»⁴⁹.

Религиозность была той формой девиации, борьба с которой требовала обращения к женской части коллектива, так как преданность церковным традициям и религиозные взгляды среди женщин были более распространены [8; 9, с. 1815–1816]. В одной из заметок на эту тему говорилось: «В день „рождества“ женщины-работницы снова по старой протоптанной дорожке, едва услышав призыв церковного колокола, потянутся под церковные своды. Церковь их манит, там хорошо». Далее автор заметки старается доказать, что христианство презирует женщину, поэтому освобожденная советская работница должна порвать с этим дурманом⁵⁰.

Еще одной формой досуга, считавшейся девиантной и осуждавшейся на страницах заводской печати, были такие проявления ме-

³⁷ К. Шутники // Красный железнодорожник. 1928. 18 июня. (№ 7). С. 3.

³⁸ Слесарь. Заклепочные «шутки» // Стапель. 1928. Август. (№ 4). С. 2.

³⁹ Хулиганы и их покровители // Голос балтийца. 1928. 23 июня. (№ 10). С. 1.

⁴⁰ Служащий. Музыкальные хулиганы // Стапель. 1928. Август. (№ 4). С. 2.

⁴¹ «Стенкоры» // Радиостроитель. 1929. 8 марта. (№ 5). С. 4.

⁴² Например: Апостол Константин. Апостола Константина послание милым друзьям-соколикам, пьяницам и алкоголикам // Красный железнодорожник. 1928. 19 мая. (№ 5). С. 2; Милежек. Против пьяной Пасхи // Электросила. 1929. 29 апреля. (№ 10). С. 3; Слезгинский. Антирелигиозные вечера // Стапель. 1929. 29 апреля. (№ 7). С. 4.

⁴³ Косьянов. По дурману // Красновыборжец. 1928. 19 декабря. (№ 22-23). С. 3.

⁴⁴ Стапель. 1929. 24 декабря. (№ 28). С. 2.

⁴⁵ Партиец во христе // Электросила. 1929. 17 октября. (№ 40). С. 1.

⁴⁶ И.А. После крестин — пьяный кутеж // Балтиец. 1929. 14 июня. (№ 21). С. 2.

⁴⁷ Стапель. 1929. 24 декабря. (№ 28). С. 2.

⁴⁸ Общественник. Воронье слетелось // Стапель. 1928. Август. (№ 4). С. 3.

⁴⁹ Шибаев Н. Долой прогулы! М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. С. 42.

⁵⁰ Иван Успенский. «Горче смерти — женщины...» (Из Библии) // Стапель. 1928. 29 декабря. (№ 13). С. 4.

шанства, как танцы и погоня за модой. Судя по публикациям, этому «греху» были подвержены как девушки, так и юноши. Рабочим объяснялось, что выглядеть прилично — это нормальное и похвальное стремление, но нужно помнить о гигиене и о том, что желание во что бы то ни стало купить модную одежду и косметику — это мещанство, которому не место на заводе: «Я не против аккуратной и красивой внешности каждого из нас, но зато против грязной внутренности. Перед нами парень в лакированных джинсах, в хорошем костюме, галстук, кэпи, а под всем этим грязное нижнее белье. Он считает лучше купить модную кэпи, чем пару белья. Таких случаев немало. Вот знакомая девушка-комсомолка: не платила полгода членских взносов, а зато купила лакированные туфли и сумочку к Пасхе. Это часто затягивает нас в мещанство»⁵¹. Танцы не отрицались полностью, но подразделялись на приемлемые и вредные. К первым относились вальс и тустеп, ко вторым — фокстрот и чарльстон⁵². Предлагалось также сделать танцы более близкими к физкультуре и менее эротическими: «Поскольку танцы в нашем быту играют большую роль как вид времяпрепровождения, мы не можем и не должны бороться с последним, однако необходимо оздоровить танцы, придать им физкультурный характер. Проводить их при гигиенических условиях, не затягивая танцы до поздней ночи и, что самое важное, изъять эротический характер танцев»⁵³.

Среди форм девиантного досуга, в той или иной степени распространенных в конце 1920-х гг., практически не упоминаются на страницах заводских многотиражек азартные игры и проституция. Игра в карты процветала в заводских общежитиях⁵⁴, но, видимо, власть не

считала ее большой опасностью. Проституция могла упоминаться лишь при описании пьяных загулов, например дежурного в общежитии охранников завода им. Козицкого Завьялова, который после получки «напивается пьяным и едет в „Бар” кутить до 2-3 час. ночи. Оттуда приезжает в автомобиле с проституткой. Ведет ее в свою комнату. Неделью спустя идет в венерическое отделение и там преспокойно лечится»⁵⁵. Также не описываются случаи растрат (лишь мелкое воровство) и традиционно связанное с ними транжирство казенных денег на вино, скачки, рестораны, женщин и т. д. С началом продажи водки также перестала быть актуальной проблема наркомании.

Заключение

Заводские многотиражные газеты, будучи ретранслятором государственной идеологии, акцентировали внимание не просто на самых распространенных формах девиантного досуга, но и на самых опасных, т. е. на тех, которые мешали производству. Пьянству, религиозности рабочих и их хулиганским «шуткам» столь серьезное внимание уделялось из-за того, что они приводили к прогулам и травмам, снижению промышленных показателей. Одновременно материалы заводских газет показывают, что, несмотря на все усилия рабкоров и администрации, они продолжали существовать, являясь важной частью субкультуры промышленных рабочих. При этом данные формы девиантного досуга можно охарактеризовать как «casual deviant leisure» — способы рекреации, не требующие внесения изменений в принятый образ жизни и не угрожающие социальным или политическим устоям, а лишь преследующие цель получить удовольствие. Тем не менее власть усиленно боролась с ними по вполне прагматичной причине — чтобы поддерживать высокий уровень производительности труда и трудовой дисциплины, что стало особенно актуально с началом первой пятилетки.

⁵⁵ Оса. Завьялов кутит // Голос Козицких. 1928. 28 июля. (№ 5). С. 3.

⁵¹ Эльха. Против грязной внутренности // Красновыборжец. 1928. 18 апреля. (№ 6). С. 3.

⁵² Н. Красноярцев. Товарищески подходить к девушке // Балтиец. 1929. 17 мая. (№ 17). С. 3.

⁵³ «Бом». Физкультура и танцы // Красновыборжец. 1928. 18 апреля. (№ 6). С. 3.

⁵⁴ Непогодьева. Ну и общежитие // Стапель. 1929. 15 апреля. (№ 6). С. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: массовые хозяйственно-политические кампании в

петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006.

2. **Ульянова С.Б.** Потребление алкоголя рабочими промышленных предприятий в 1920-е гг. // *История в подробностях*. 2014. № 4. С. 82–87.

3. **Transchel K.** Under the influence: Working-class drinking, temperance, and Cultural Revolution in Russia, 1895–1932. Pittsburgh, Pa: Univ. of Pittsburgh Press, 2006.

4. **Рожков А.Ю.** Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // *Социол. исслед.* 1999. № 7. С. 107–114.

5. **Ульянова С.Б., Офицерова Н.В.** Фоновые досуговые практики советских городских рабочих в 1920-е гг. // *Истор. урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. ст. Всерос. конф. Сургут, 2015.* С. 618–629.

6. **Лебина Н.** Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозрение, 2015.

7. **Bokov A.** Soviet workers' clubs: lessons from the social condensers // *The Journal of Architecture*. 2017. Vol. 22, no. 3. Pp. 403–436. DOI: 10.1080/13602365.2017.1314316.

8. **Ульянова С.Б., Сидорчук И.В.** Церковные праздники и советская пропаганда в 1920-е гг. // *Православный монастырский мир: история и современность: матер. междунар. науч.-практ. конф. Ярославль, 2017.* С. 448–457.

9. **Ryan J.** Cleansing NEP Russia: State Violence Against the Russian Orthodox Church in 1922 // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65, no. 9. Pp. 1807–1826. DOI: 10.1080/09668136.2013.842364.

Сидорчук Илья Викторович

E-mail: chubber@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.08.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

1. S.B. Ulyanova, "To na skaku, to na boku": masovye khozyaystvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoy/leningradskoy promyshlennosti v 1921–1928 gg. ["Then gallop, then on the side": a mass economic-political campaigns in Petrograd/Leningrad industry in 1921–1928], Publishing house of Polytechnical Univ., St. Petersburg, 2006.

2. S.B. Ulyanova, [Alcohol consumption by industrial workers in the 1920s], *Istoriya v podrobnostyakh*, 4 (2014) 82–87.

3. K. Transchel, Under the influence: Working-class drinking, temperance, and Cultural Revolution in Russia, 1895–1932, Univ. of Pittsburgh Press, Pittsburgh, Pa, 2006.

4. A.Yu. Rozhkov, [Young man of 1920's: protest and deviant behavior], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 7 (1999) 107–114.

5. S.B. Ulyanova, N.V. Ofitserova, [Background time practice of Soviet urban workers in the 1920s], *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda* [Historical urban studies: past and present of the city.

A collection of articles all-Russian conf.], Surgut, 2015, pp. 618–629.

6. N. Leбина, *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stil'yu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to the Grand style], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 2015.

7. A. Bokov, Soviet workers' clubs: lessons from the social condensers, *The Journal of Architecture*, 22 (3) (2017) 403–436. DOI: 10.1080/13602365.2017.1314316.

8. S.B. Ulyanova, I.V. Sidorchuk, [Religious holidays and the Soviet propaganda in the 1920s], *Pravoslavnyy monastyrskiy mir: istoriya i sovremennost'* [Orthodox monastic world: history and modernity. Materials of Intern. scientific-practical conf.], Yaroslavl, 2017, pp. 448–457.

9. J. Ryan, Cleansing NEP Russia: State Violence Against the Russian Orthodox Church in 1922, *Europe-Asia Studies*, 65 (9) (2013) 1807–1826. DOI: 10.1080/09668136.2013.842364.

Sidorchuk Ilya V.

E-mail: chubber@yandex.ru

Received 28.08.2017, accepted 7.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8403
УДК 130.2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА НА ТАЙВАНЕ

С.Н. Погодин, Ван Цзюньтао

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрена история формирования национальной идентичности китайцев на острове Тайвань. Даны анализ исторических предпосылок завоевания Тайваня Японией и характеристика японской политики в отношении тайваньцев. Проанализированы основные этапы формирования китайского национализма на Тайване, его истоки. Рассматривается история острова Тайвань в период с III по XIX в. – время самых крупных и важных столкновений коренных жителей острова с китайцами, и далее, по 1945 г., когда влияние на жизнь острова оказывала Япония. Параллельно с этим проводится исследование национальной идентичности населения Тайваня, отмечены его изменения с течением времени и события, вызвавшие их.

Ключевые слова: Китай; Тайвань; Япония; национальный вопрос; национализм; тайваньцы; японцы

Ссылка при цитировании: Погодин С.Н., Ван Цзюньтао. Происхождение китайского национализма на Тайване // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 27–35. DOI: 10.18721/JHSS.8403

THE ORIGIN OF CHINESE NATIONALISM IN TAIWAN

S.N. Pogodin, Wang Juntao

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article considers the history of the formation of the Chinese national identity in Taiwan. The historical background of the conquest of Taiwan by Japan is analyzed. The characteristics of the Japanese policy regarding the Taiwanese are given their national identity, caused by the Japanese policy, is investigated. The main stages of the formation of nationalism in Taiwan are analyzed. The article raises questions about the creation of Chinese nationalism in Taiwan, its origins. In the beginning, a brief historical essay is given, which examines the history of the island of Taiwan from the 3rd to the 19th century – the time of the largest and most important clashes between the indigenous inhabitants of the island and the Chinese, and further, from the 19th century to 1945, when Japan influenced the life of the island. In parallel, a study is conducted to the

national identity of the Taiwanese population, its changes over time and the events that have affected it. In the end, a conclusion is drawn on the national question of Taiwan and the summary of the study.

Keywords: China; Taiwan; Japan; the national question; nationalism; Taiwanese; Japanese

Citation: S.N. Pogodin, Wang Juntao, The origin of Chinese nationalism in Taiwan, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 27–35. DOI: 10.18721/JHSS.8403

Введение

Национализм играет большую роль в современном обществе. Его влияние ученые рассматривают как с положительной, так и с отрицательной точки зрения. Многие исследователи признают огромную историческую роль национализма в становлении наций и государств. Он консолидировал многие страны. Одним из примеров такой консолидации является Тайвань.

Цели исследования

Цель данной статьи — ответить на два важных вопроса: как формировался китайский национализм на Тайване и каковы истоки этого национализма?

Результаты исследования

Остров Тайвань отделен от материковой части Китая Тайваньским проливом, плавание судов в котором, а также развитие торговли способствовали развитию самого острова. До XVII в. население его было малочисленным и в основном состояло из аборигенов (*кит. 原住民*), известных как гаошань (*高山族*), — носителей тайваньских языков австронезийской семьи.

В 230 г. была отмечена первая военная экспедиция китайцев на остров. Регулярные связи между Китаем и Тайванем установились в начале VII в., когда китайская армия совершила военный поход на остров. Официально Тайвань был включен в состав Китая в XII в., став частью провинции Фуцзянь [1].

В XIV в. усилился поток иммигрантов из материкового Китая. Начался процесс освоения китайцами острова. Быстрыми темпами развивались земледелие и ремесла. Аборигены острова — гаошань были оттеснены в горные районы. Переселенцы из Китая начали активно осваивать прибрежные земли. В связи со стратегическим значением острова в 1360 г. на нем

было создано Управление по надзору, ставшее первым китайским органом власти на Тайване.

Для конца XVI — начала XVII в. характерно активное вторжение на Тайвань европейских завоевателей. Первыми были португальцы, которые, направляясь в Японию, в 1544 г. открыли остров. С 1590 г. они начали интенсивно осваивать территорию острова и дали ему название Формоза (*порт. ilha formosa* — прекрасный остров)¹ [2]. В 1624 г. остров оказался под полным контролем голландской Ост-Индской компании. Компания сделала Формозу важным транспортным узлом на торговых путях между Японией и Голландией, остров стал одним из самых доходных ее пунктов. Развитие сельского хозяйства на острове способствовало большой миграции с материкового Китая.

В 1624 г. к северной части Формозы подошли испанские военные корабли [3]. С этого момента началась борьба за обладание островом между Испанией и Голландией. Она завершилась в 1641 г. в пользу последней.

В апреле 1661 г. китайский пират Чжэн Чэнгун (*кит. 鄭成功*), в европейских источниках более известный как Коксинга, высадился на Формозе с 25 тыс. своих сторонников. После девятимесячной осады голландского форта Зеландия он был взят измором, остров оказался под властью Чжэн Чэнгуна. Новый правитель создал Государство [семьи] Чжэн (*кит. 郑氏王朝*), в европейских источниках того времени государство получило название Формозское Королевство [4, с. 150].

Во главе нового государства стояла династия Чжэн: основатель династии — пират, а потом генерал Чжэн Чэнгун, его сын Чжэн Цзин и

¹ На европейских картах название острова Формоза впервые появилось в 1550 г. В 1895 г. японцы переименовали его в Тайвань.

внук Чжэн Кэшуан. Государство, просуществовавшее с 1662 по 1683 г., было оплотом для сторонников династии Мин в борьбе против маньчжурской экспансии. Государственная система управления в нем очень походила на китайскую политическую систему. Из-за большого числа ханьских беженцев с материка широкое распространение на острове получила ханьская культура. Во время правления династии Чжэн численность населения на острове составляла уже около 120 тыс. человек.

Посмертная слава Чжэн Чэнгуна позволила ему стать национальным героем Китая [5]. В 1875 г. цинское правительство учредило на Тайване святилище в честь героя, признав тем самым его непоколебимую верность присяге династии. Японский драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653–1725) написал в 1715 г. пьесу, прославляющую Чжэн Чэнгуна, в основу ее сюжета положена его биография. В середине 50-х гг. XX в. гоминьдановское руководство острова на основании переправы Чжэн Чэнгуна с континента на Тайвань объявило его историческим предшественником Чан Кайши. В Китайской Народной Республике чтут память Чжэн Чэнгуна как борца с иноземными угнетателями и колонизаторами [6].

С 1681 г. началась вооруженная борьба маньчжурской династии Цин против Формозского Королевства. Через два года цинский флот в составе 300 боевых кораблей подошел к острову и 20 тыс. воинов под командованием Ши Лана (*кит. трад.* 施琅) (1620–1696) высадились на него. После длительных и кровопролитных сражений 3 октября 1683 г. Тайвань был завоеван Цинской империей. За период с 1683 по 1811 г. население острова возросло до 2 млн человек. Это было связано в основном с интенсивной миграцией с материка.

В 1885 г. Тайвань получил статус 22-й провинции Цинской империи и тем самым был полностью интегрирован в Китайскую империю. По итогам англо-франко-китайской войны 1856–1860 гг. цинское правительство вынуждено было открыть порты Тайваня для судов иностранных держав. После окончания войны остров стал объектом территориальных притязаний Франции [7]. Южная его часть попала под контроль Японии.

С 1894 г. губернатором Тайваня был Тан Цзинсун (*кит. трад.* 唐景崧) (1841–1903). В том

же году началась война с Японией. Губернатор пригласил на остров Лю Юнфу (*кит.* 刘永福) (1837–1917), известного китайского патриота, для организации китайского сопротивления японцам. Однако в этой борьбе Китай потерпел поражение. Согласно условиям Симоносекского договора (1895) Тайвань был передан Японии [8]. Однако часть китайских чиновников во главе с Тан Цзинсуном и Лю Юнфу воспротивились этому решению и провозгласили Тайвань независимой республикой, а 25 мая 1895 г. Тан Цзинсун возложил на себя полномочия президента. Целью этой акции было сохранение Тайваня под китайской властью. Китайские войска Тайваньской республики могли продолжать сопротивление японцам без формального нарушения Симоносекского договора [7, с. 189–195].

29 мая 1895 г. японские войска высадились на севере Тайваня и уже 4 июня захватили столицу – город Тайбэй. Президент Тан Цзинсун и ряд его ближайших сподвижников вынуждены были бежать на континент. Командовать китайскими войсками был назначен Лю Юнфу, провозгласивший себя новым президентом. Республика просуществовала до 21 октября 1895 г., когда японцы окончательно разгромили китайские войска на юге.

Тайвань рассматривался японскими колонизаторами как ключ к завоеванию Китая и укреплению своего влияния в Восточной и Юго-Восточной Азии [9]. Особенностью японской колониальной политики было заимствование методов управления у европейских колониальных держав, в частности у Великобритании и Франции. Начальный период колонизации Тайваня характеризовался преобладанием британской модели управления колониями. Суть этой модели сводилась к управлению колониями через систему сложившихся или образованных вновь традиционных институтов местной власти, включенных в общую административную схему. В 20-е гг. XX в. японские правящие круги выбрали французскую модель, согласно которой колонии рассматривались как неотъемлемая часть империи, а колониальное законодательство имело общий с метрополией характер.

Применяя европейские методы колониальной политики, имперская Япония оказалась в других условиях в отличие от Франции и Ве-

ликобритании. Японская колониальная система создавалась на территориях, географически близких к Японии. Народы, населяющие эти территории, в социально-культурном отношении были близки к японцам и составляли дальневосточную цивилизацию конфуцианского типа [10, с. 18]. Покоренные народы имели на протяжении длительного времени контакты с японцами и не воспринимали их как носителей более совершенной цивилизации.

Особенностью японского колониализма была массовая миграция населения из метрополии в колонии. Такая политика японских властей предусматривала развитие страны путем колонизации. Эта политика строилась на долгосрочных планах — создания Великой Восточной Азии под руководством императорской Японии. Однако переселение японцев, занятых в сельскохозяйственных отраслях, было малоэффективно. Японцы на Тайване составляли всего 4,5 % населения, на востоке острова — до 17 %.

Поэтому на захваченных японцами территориях, превращенных в колонии, не возникало острых культурных или этнических проблем. В этом было коренное отличие от ситуации в заморских владениях европейских стран.

Процедура передачи Тайваня Японии должна была занять не более двух месяцев. Китайская администрация острова, опасаясь враждебных действий со стороны коренного населения, приняла решение провести процедуру передачи власти на борту японского военного корабля. Японская колониальная администрация дала жителям Тайваня два года для принятия решения: оставаться под японским управлением или покинуть остров. В течение этого времени с острова уехало большое количество богатых китайцев, включая чиновников [11, с. 455]. Оставшееся население Тайваня автоматически переходило под контроль японцев и было объявлено подданными императора Японии.

Колонизацию Тайваня Японией условно можно разделить на три этапа: первый этап (1895—1918) характеризуется подавлением сопротивления китайцев и коренного населения и введением японских механизмов управления; второй этап (1918—1937) — проведение политики культурной ассимиляции населения острова и повышение эффективности управления с целью превращения Тайваня в базу для начала агрес-

сии японского милитаризма; третий этап (1937—1945) — открытая политика натурализации жителей острова в качестве подданных Великой Японской империи (*яп.* 大日本帝國) [12, 13].

Остановимся на первых двух этапах, которые, по нашему мнению, сыграли важную роль в формировании китайского национализма на Тайване.

В 1898 г. японский император назначил виконта генерал-майора Кодама Гэнтаро (1852—1906) генерал-губернатором Тайваня. Во время своего пребывания в должности он много сделал для улучшения инфраструктуры на острове и облегчения условий жизни населения [14]. Вместе с виконтом на Тайвань прибыл талантливый политик из самурайского рода Симпэй Гото (1857—1929) [15], назначенный главой колониальной администрации острова.

Перед японской администрацией встал вопрос о разработке системы управления Тайванем. Рассматривались два варианта. В основе первого варианта лежали главные принципы британской колониальной системы. Его обнаружил Симпэй Гото, считавший, что с точки зрения этнологии ассимиляция туземцев (к ним он относил китайцев) невозможна, поэтому необходимо использовать британские методы управления колониями. Следовательно, для Тайваня необходимо разработать новый свод законов. Управлять им так же, как Японией, нельзя. Второй вариант был основан на принципах французской колониальной системы и исходил от Хара Такаси (1856—1921), который рассматривал тайваньцев «почти как японцев», считая их способными интегрироваться в японское общество, а следовательно, полагал возможным применение к ним законов и правил Японии.

Пока администрацию на Тайване возглавлял Симпэй Гото, осуществлялся первый вариант. «Я хотел бы организовать управление Тайванем на научной основе», — говорил он в беседе с японским публицистом и ученым Такэкоси Есабура [7, с. 258], понимая под этим идею азиатского сотрудничества, в основе которой был союз японцев с китайцами. Целью данного союза провозглашалось изгнание «белой расы» за пределы Дальнего Востока. Из поставленной цели вытекала задача изменить роль Японии на Тайване, из оккупанта превратить ее в его защитника от европейского колониализма. Японская колониальная поли-

тика была проникнута идеей реформаторства и цивилизаторской миссии Японии по преобразованию и модернизации «разлагающихся и пронизанных коррупцией» азиатских государств» [16, с. 6]. Миссия Японии для Тайваня трактовалась как помощь в модернизации подобно японской и продвижение его по пути к «цивилизации» [17, с. 25].

Теоретическим обоснованием колониальной японской политики стал паназиатизм, возникший в конце XIX в. В его основе лежало противопоставление одной, «избранной», части населения всему остальному населению мира. Паназиатизм для Японии был тесно связан с национализмом, получившим название «японизм» [18]. Японский паназиатизм строился на идее антиколониализма и был ответной реакцией на проникновение европейской цивилизации на Восток. Одной из самых первых концепций азиатского единства является идея экономического объединения Японии и Китая с целью спасения стран Азии от «белого империализма». Японские власти уделяли большое внимание формированию у коренного населения Тайваня образа врага в лице «белых империалистов», стремились доказать отрицательные последствия присутствия европейцев на острове. Свою же политику в отношении тайваньцев японцы трактовали как политику «освободителей Азии» [19, с. 46]. Идеология «отеческой миссии» должна была убедить тайваньцев, что Япония защитит население острова от «белого империализма» и позволит стабильно развиваться под своим контролем. Таким образом, японцы стремились превратить Тайвань в настоящую часть Японской империи.

Японская национальная политика на Тайване строилась с учетом детального изучения этнопсихологических и культурно-исторических особенностей жителей острова. «Курс всей политики, весь план администрирования надо строить на основе этнологии», — так определил свою политику Симпэй Гото в работе «Японская колониальная политика» [См.: 20, с. 149]. Адаптация к местным условиям стала главным положением в этнической политике японской администрации на Тайване. Симпэй Гото считал, что следует сохранять этническую самобытность коренного населения острова, поскольку, по его мнению, ассимиляция аборигенов Тайваня была невозможна.

Для изучения этнических особенностей тайваньцев на остров были приглашены японские ученые-антропологи Тории Рюдзо (1870–1953) и Ино Канори (1867–1925). Первый совершил три экспедиции на Тайвань по заданию Токийского университета. Его исследования были посвящены общим вопросам этнологии коренных жителей острова. Второй занимался исследовательской деятельностью с 1895 по 1906 г. Его научные работы были посвящены культуре тайваньских аборигенов. Ино Канори был первым, кто классифицировал племена аборигенов на группы. Результаты изучения традиций и обычаев тайваньцев дали подробные сведения по этнографии Тайваня. Координацию научных исследований осуществлял созданный японскими властями специальный комитет (Тайванкюкантесакай) [7, с. 266]. Полученные научные сведения были положены в основу проведения административных мероприятий.

Важным моментом колониальной политики Японии на Тайване стало улучшение условий жизни местного населения. Симпэй Гото поставил перед собой задачу разработки социальной политики Тайваня. В этой деятельности он уделял главное внимание санитарно-гигиеническим мероприятиям, направленным на борьбу с болезнями, организации медицинского обслуживания, улучшению жилищных и бытовых условий населения, организации общественных работ по улучшению городского хозяйства. Все эти мероприятия привели к значительному снижению смертности среди коренного населения острова.

Большое внимание Симпэй Гото уделял экономическим вопросам. Началось строительство железных дорог, морских верфей и судов, угольных шахт. Все эти мероприятия японская администрация представляла как заботу о Тайване и его народе, в противовес политике цинского (китайского) правления. Однако это была только часть правды. Развитие экономики Тайваня в действительности шло за счет высокой эксплуатации населения. Налоговый гнет был в полтора раза выше, чем в Японии. «Мы хотели заложить на Тайване основание вечного мира, и в борьбе за устойчивость финансового положения выжимали все соки из новых японских подданных», — признался впоследствии Симпэй Гото [Там же. С. 269].

Вся политика японской администрации на Тайване в лице генерал-губернатора Кодама Гэнтаро и начальника гражданского управления Симпэя Гото была направлена на формирование дружественных отношений с местным населением. Такая политика означала отход от исключительно силовых методов управления и начало экономического развития острова. В этот период сформировалась модель «образцовой» колонии, которая впоследствии применялась японцами в Корее.

Модернизация Тайваня с учетом особенностей острова, по мнению Симпэя Гото, была в интересах Японии [21]. Поэтому одновременно решались и задачи расширения влияния Японии на Тайвань в политической, экономической и культурной сферах [7, с. 256–257]. В политической сфере по японскому образцу была проведена административная реформа. Вместо китайских провинций Цинской империи были созданы префектуры по образцу Японской империи. В результате Тайвань был разделен на восемь префектур. В экономической сфере создавались самые благоприятные условия для японского бизнеса. В культурной сфере насаждался японский язык [22].

С 1906 по 1915 г. генерал-губернатором Тайваня был Сакума Самата (1844–1915), проводивший активную политику по развитию экономики острова. Во время его правления началось интенсивное освоение восточного побережья Тайваня, был реконструирован порт Хуалянь, главные торговые ворота с Японией. Активно шло строительство дорог. В сельском хозяйстве широко использовались новые сорта риса, началось промышленное освоение производства сахара. Во время правления Сакума Самата было проведено несколько вооруженных кампаний против аборигенов острова Тайвань. Этой политикой он завершил кампанию усмирения жителей острова [23].

После назначения на должность премьер-министра Японии Хара Такаси в 1918 г. стал реализовываться второй, французский, вариант колониальной политики Японии на Тайване. В 1919 г. генерал-губернатором Тайваня был назначен гражданский человек — Дэн Кэндзиро (1855–1930). Перед отбытием на остров он встречался с премьер-министром Хара Такаси, который одобрил проведение политики *統合* (япон. — интеграция). В соответствии с

этой политикой Тайвань рассматривался как продолжение собственно японских островов, а его население должно было осознать свое место и обязанности в качестве подданных Великой Японской империи.

Дэн Кэндзиро начал проводить политику социальной и политической ассимиляции. Главной целью стала отмена дискриминационных законов в области образования. Он провел несколько административных реформ, в частности были упрощены условия, позволяющие тайваньским предпринимателям вести торговлю с японцами. Была расширена система государственного образования, сокращено участие полиции в местной администрации. Важным пунктом административной реформы стала легализация бракосочетания в Японии и на Тайване. Тем самым брачные отношения признавались равнозначными.

В своей политике Дэн Кэндзиро преследовал две цели. Первая: тайваньское население в конечном итоге должно получить те же политические права, что и японцы. Вторая: тайваньцы должны быть ассимилированы в японское общество [24, с. 108, 217]. Японская политика строилась в строго прагматическом ключе — внедрение в сознание местного населения Тайваня имперского духа должно было способствовать ассимиляции коренного населения японцами.

В начале 20-х гг. XX в. японская администрация взяла курс на японизацию населения Тайваня. Этот курс основывался на этическом, языковом и культурном сходстве японцев и коренных жителей острова. По мнению руководства администрации острова, японизация должна была пройти в короткие сроки. Воспитание японского образа мышления, принятие японского образа жизни и традиций стали главными пунктами «культурного перевоспитания» тайваньцев. В системе образования более активно насаждались японский язык и японская культура. Они являлись основными инструментами проведения политики ассимиляции.

Политика японизации выразилась в принудительной смене имен жителей Тайваня на японские, в использовании норм японского законодательства, в навязывании чувства преданности японскому императору.

С 1920-х гг. тайваньцы и японцы были уравниены в правах на получение образования

и обучались совместно. Школьное образование было построено по японскому образцу: детям активно прививались японские ценности, образ жизни и нравственные устои. Для местного населения власти сделали доступным только начальное и среднее образование.

В системе высшего образования колониальные власти установили квоты на поступление в высшие учебные заведения. Квоты касались владения японским языком на уровне носителя, тем самым для тайваньцев высшее образование было практически недоступно. По мнению японских властей, административными делами и бизнесом должны были заниматься только японцы, технические же специальности предлагалось осваивать местному населению.

Колониальная администрация неоднократно предпринимала попытки распространения синтоизма. Однако национальная религия Японии не стала популярной среди тайваньского населения.

Ассимиляция населения Тайваня затрагивала и японскую часть населения острова. Однако она происходила только в одном направлении — ассимиляция тайваньцев к японским условиям, адаптация японцев к тайваньским условиям не предполагалась. Местные тайваньские традиции объявлялись варварскими, и поэтому их предполагалось заменить на «прогрессивные» — японские.

С середины 30-х гг. XX в. японская администрация Тайваня начала разрабатывать «Программу просвещения тайваньского общества». Ее основные направления заключались в укреплении японского сознания у тайваньцев и дальнейшей японизации коренных жителей острова [25, с. 218–219].

В 1937 г. была принята программа «Движение за превращение в японских граждан» (*яп.* — *коминика*, *кит.* — 黄民化运动). Программа

предусматривала проведение четырех кампаний: 1) распространение японского языка, расширение сети общественных школ и языковых курсов; 2) распространение синтоизма и искоренение традиционных культов; 3) изменение китайских имен на японские; 4) введение японского образа жизни.

Оккупация Тайваня японскими колонизаторами закончилась в 1945 г., а значит, закончилась и политика японизации, которая оказала большое влияние на формирование национальной идентичности тайваньцев [26].

Заключение

Как можно оценить японскую национальную политику на Тайване? Это была очень хорошо продуманная, построенная с учетом научных достижений того времени национальная политика. Она строилась на языковом этатизме: одно государство — одна нация — один язык. Основой политики являлась модернизация сверху.

В основе японского официального национализма было также мощное мифологическое, сакральное ядро, связанное с комплексом представлений о божественном происхождении и уникальности японского народа. Такое представление закрывало японцев от «чужих». А это означало, что тайваньцы должны оставаться «подданными японского императора» второго сорта. Тайваньцы всегда сопротивлялись японской ассимиляции, и это сопротивление вызвало чувство национальной гордости [27]. После освобождения Тайваня от японской оккупации там стал активно насаждаться китайский национализм [26].

Какой можно сделать из этого вывод? По нашему мнению, именно японский национализм, политика японизации сыграли главную роль в формировании, развитии и укреплении китайского национализма на Тайване.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **История** Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. 10. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / А.Л. Верченко, Л.М. Гудошников, А.А. Козлов и др.; сост. Т.Г. Герасимова; отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова. М.: Наука, 2014. 764 с.

2. **Матусовский З.Л.** Географическое обозрение Китайской империи. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888.

3. **The Spanish Experience in Taiwan, 1626–1642. The Baroque ending of a Renaissance endeavor**, by José Eugenio Borao Mateo. Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2009.

4. **H. Hsiao, Gomez E.T.** Chinese Business in South-East Asia: Contesting Cultural Explanations // *Researching Entrepreneurship*. 2001.
5. **Croizier R.C.** Koxingaand Chinese Nationalism. East Asian Research Center. Cambridge: Harvard Univ. Publ., 1977.
6. Интернет-ресурс. URL: <http://global.britannica.com/biography/Zheng-Chenggong>.
7. **Тодер Ф.А.** Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978. 338 с.
8. **Головачёв В.Ц.** Симоносекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895) // *Восток*. 2008. № 5. С. 20–30.
9. **Перминова В.А.** Японский колониализм: особенности управления // *Вопросы истории*. 2014. № 7. С. 129–135.
10. **Калашников Н.И.** Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // *Восток*. 1999. № 6. С. 16–30.
11. **События на Формозе** // *Всемирная иллюстрация*. 1895. № 1376.
12. **Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования:** [сб. ст. рос. и япон. ученых в рамках Междунар. исслед. проекта «Тайвань в эпоху японского правления: новый взгляд на историю»]. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2016. 243 с.
13. **Головачёв В.Ц., Молодяков В.Э.** Тайвань в эпоху японского правления: источники и исслед. на рус. яз.: аналит. обзор. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2014. 120 с.
14. **Ching Leo T.S.** Becoming Japanese: Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation. Univ. of California Press, 2001.
15. Интернет-ресурс. URL: <http://goto-shimpei.org/>.
16. **Тертицкий К.М., Белогурова А.Э.** Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). М.: АСТ, Восток-Запад, 2005. 622 с.
17. **Japanese informal empire in China, 1895–1937** / ed. by P. Days, R.H. Myers, M.R. Peattie. Princeton: Princeton Univ. Press, 1989.
18. **Малова К.В.** Концепции паназиатизма в Японии (30-е гг. XX в.) // *Изв. Восточного ин-та Дальневосточного гос. ун-та*. 1996. № 3. С. 109–120.
19. **Стрешнев А.** Родиться японцем // *Родина*. 2005. № 10. С. 42–48.
20. **Тадао Я.** Формоза под властью японского империализма. М.: Соцэкгиз, 1934. 162 с.
21. **Барон Гото о Формозе** // *Китай и Япония: обзор период. печати*. 1912. № 89. С. 14–15.
22. **Шайхутдинова Р.Р.** Особенности японской колониальной политики на Тайване в 1895–1945 гг. // *Запад и Восток: философия, религия, культура*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. об-ва, 2016. С. 98–103.
23. **Изменение положения об управлении островом** // *Китай и Япония: обзор период. печати*. 1911. № 58. С. 33–34.
24. **Meyers R.** Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910–1945. Princeton: Princeton Univ. Press, 1987.
25. **Головачёв В.Ц.** Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895–1945) // *Общество и государство в Китае*. Т. 39. М., 2009. С. 212–220.
26. 陈孔立. “台湾文化民族主义”的建构. *台湾研究集刊* [Чэнь Кунли. Конструкция «Тайваньского культурного национализма» // *Тайвань яньцзюэцикань*]. 2013. № 5. С. 10–15.
27. 田子渝. 从台湾抗日运动诠释台湾民族主义—评介《民族主义与台湾抗日运动》. *中南民族大学学报: 人文社会科学版* [Тянь Цзыюй. О национализме на Тайване в контексте антияпонского движения: рецензия на «Национализм и Тайваньское антияпонское движение» // *Чжуннаньминьцзудасюэсюэбао: жэньвэньшэхуэйкэсюэбань*]. 2005. № 4. С. 16–20.

Погодин Сергей Николаевич

E-mail: pogodin56@mail.ru

Ван Цзюньтао

E-mail: juntao2013@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.11.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from ancient times to the beginning of the 21 century], in 10 vol., of vol. 10, ed. by S.L. Tikhvinskiy, L.M. Gudoshnikov, G.A. Stepanova, Nauka, Moscow, 2014.
- [2] Z.L. Matusovskiy, *Geograficheskoye obozreniye Kitayskoy imperii* [Geographical Review of the Chinese Empire], *Typ. of Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg*, 1888.

- [3] The Spanish Experience in Taiwan, 1626–1642, The Baroque ending of a Renaissance endeavor, by José Eugenio Borao Mateo, Hong Kong Univ. Press, Hong Kong, 2009.
- [4] H. Hsiao, E.T. Gomez, Chinese Business in South-East Asia: Contesting Cultural Explanations, Researching Entrepreneurship (2001).
- [5] R.C. Croizier, Koxinga and Chinese Nationalism, East Asian Research Center, Harvard Univ. Publ., 1977.
- [6] Online resource. Available at: <http://global.britannica.com/biography/Zheng-Chengong>.
- [7] F.A. Toder, Tayvan i yego istoriya (XIX v.) [Taiwan and its history (19th century)], Nauka, Moscow, 1978.
- [8] V.Ts. Golovachev, [The Shimonoseki Treaty and the struggle of China against the concession of Taiwan (1894–1895)], Vostok, 5 (2008) 20–30.
- [9] V.A. Perminova, [Japanese colonialism: management features], Voprosy istorii, 7 (2014) 129–135.
- [10] N.I. Kalashnikov, Tayvan i Koreya pod vlastyu Yaponii: osobennosti i rezultaty kolonialnoy politiki, Vostok, 6 (1999) 16–30.
- [11] [Events on Formosa], Vsemirnaya illyustratsiya, 1376 (1895).
- [12] Tayvan pod yaponskim upravleniyem: novyye materialy i issledovaniya: sbornik statey rossiyskikh i yaponskikh uchenykh v ramkakh Mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proyekta «Tayvan' v epokhu yaponskogo pravleniya: novyy vzglyad na istoriyu» [Taiwan under the Japanese administration: new materials and research: a collection of articles by Russian and Japanese scientists in the framework of the International Research Project “Taiwan in the era of Japanese rule: a new view of history”], Institut vostokovedeniya RAN Publ., Moscow, 2016.
- [13] V.Ts. Golovachev, V.E. Molodyakov, Tayvan' v epokhu yaponskogo pravleniya [Taiwan in the era of Japanese rule], Institut vostokovedeniya RAN Publ., Moscow, 2014.
- [14] Ching Leo T.S., Becoming Japanese: Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation, Univ. of California Press, 2001.
- [15] Online resource. Available at: <http://gotoshimpei.org/>.
- [16] K.M. Tertitskiy, A.E. Belogurova, Tayvan'skoye kommunisticheskoye dvizheniye i Komintern (1924–1932 gg.) [The Taiwanese Communist Movement and the Comintern (1924–1932)], AST, Vostok-Zapad, Moscow, 2005.
- [17] Japanese informal empire in China, 1895–1937, ed. by P. Days, R.H. Myers, M.R. Peattie, Princeton Univ. Press, Princeton, 1989.
- [18] K.V. Malova, [Concepts of Pan-Asianism in Japan (30th of the 20th century)], Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo univ. 3 (1996) 109–120.
- [19] A. Streshnev, [Being born Japanese], Rodina, 10 (2005) 42–48.
- [20] Ya. Tadao, Formosa pod vlastyu yaponskogo imperializma [Formosa under the rule of Japanese imperialism], Sotsekgiz, Moscow, 1934.
- [21] [Baron Goto on Formosa], Kitay i Yaponiya: obzor periodicheskoy pechati [China and Japan: Review of the periodical press], 89 (1912) 14–15.
- [22] R.R. Shaykhutdinova, Osobennosti yaponskoy kolonial'noy politiki na Tayvane v 1895–1945 gg. [Features of Japanese colonial policy in Taiwan in 1895–1945], in: Zapad i Vostok: filosofiya, religiya, kul'tura [West and East: philosophy, religion, culture], St. Petersburg philosophical society Publ., St. Petersburg, 2016, pp. 98–103.
- [23] [Change provisions for the administration of the island], Kitay i Yaponiya: obzor periodicheskoy pechati [China and Japan: Review of the periodical press], 58 (1911) 33–34.
- [24] R. Meyers, Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910–1945, Princeton Univ. Press, Princeton, 1987.
- [25] V.Ts. Golovachev, Obrazovaniye kak faktor etnicheskoy politiki v period yaponskogo kolonialnogo pravleniya na Tayvane (1895–1945) [Education as a factor of ethnic policy in the period of Japanese colonial rule in Taiwan (1895–1945)], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye [Society and state in China], of vol. 39, Moscow, 2009, pp. 212–220.
- [26] 陈孔立. “台湾文化民族主义”的建构. 台湾研究集刊 [Chen Kongli. Construction of “Taiwan's Cultural Nationalism”, [Tayvan yantszyutzikam], 5 (2013) 10–15.
- [27] 田子渝. 从台湾抗日运动诠释台湾民族主义—评介《民族主义与台湾抗日运动》. 中南民族大学学报: 人文社会科学版 [Tian Ziyu. Interpretation of Taiwan Nationalism from Taiwan Anti Japan Movement], [Chzhunuanmintsudzasyuesyebao: zhenvenshekhueykesyueban], 4 (2005) 16–20.

Pogodin Sergey N.

E-mail: pogodin56@mail.ru

Wang Juntao

E-mail: juntao2013@yandex.ru

Received 01.11.2017, accepted 7.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8404

УДК 141.7(470)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ В.И. ЛАМАНСКОГО*

А.В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), опубликованная в 1859 г. и защищенная в 1860 г. Приводится критика взглядов Ламанского, данная в рецензии А.Н. Пыпина. Показано, что в работе В.И. Ламанского впервые история славянских народов была рассмотрена со славянофильских позиций. Ламанский не только поставил новые научные вопросы и сформулировал гипотезы, но и реализовал в своем исследовании неевропоцентрическую точку зрения на историю. В своей книге он исходил из идей славянского единства, общности славянских языков и исторических судеб славянских народов. В диссертации Ламанского был предложен один из первых вариантов его цивилизационной концепции «трех миров», обосновано историческое и культурное своеобразие греко-славянского или Среднего мира.

Ключевые слова: В.И. Ламанский; славяне; славянофильство; диссертация; А.Н. Пыпин; критика; славяноведение; философия; история

Ссылка при цитировании: Малинов А.В. Магистерская диссертация В.И. Ламанского // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 36–46. DOI: 10.18721/JHSS.8404

MASTER'S THESIS OF V.I. LAMANSKY

A.V. Malinov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The article discusses the master's thesis of Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914), a prominent Russian slavist, titled “On the Slavs in Asia Minor, in Africa and in Spain”, published in 1859 and defended in 1860. We present the critique of Lamansky's views given in the review by Pypin. It is shown that the significance of Lamansky's work is that the history of the Slavic peoples was considered from Slavophile positions for the first time. Lamansky not only posed new scientific questions and formulated hypotheses, but also

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 16-03-00450).

realized a non-Eurocentric point of view on history in his study. In his book, Lamansky proceeded from the ideas of Slavic unity, the commonality of the Slavic languages and of the historical destinies of the Slavic peoples. Lamansky's thesis put forward one of the first versions of his civilizational concept of the "three worlds", and substantiated the historical and cultural originality of the Greco-Slavic or middle world.

Keywords: V.I. Lamansky; Slavs; Slavophilism; thesis; A.N. Pypin; criticism; Slavic studies; philosophy; history

Citation: A.V. Malinov, Master's thesis of V.I. Lamansky, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 36–46. DOI: 10.18721/JHSS.8404

Введение

Путь в науку крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) не был прямым. По окончании в 1854 г. Императорского Санкт-Петербургского университета он по настоянию отца поступил на службу – в Санкт-Петербургское губернское правление. Причинами, побудившими Ламанского расстаться с университетом, стали не очень удачная сдача экзаменов и вместо ожидаемой золотой – серебряная медаль за кандидатское сочинение «Рассуждение о языке „Русской правды“», которую он так и не забрал. В письмах студенческой поры Ламанский довольно резко отзывался о многих преподавателях, демонстративно пропуская проводимые ими занятия, и признавался, что, кроме И.И. Срезневского и М.С. Куторги, едва ли с кем из профессоров имеет хорошие отношения. Вероятно, это и сказалось во время окончания им университета, а И.И. Срезневский не смог или не пожелал поддержать своего ученика. На службе в правлении Ламанский, по его собственному признанию, так ни разу и не появился и перешел на службу в Публичную библиотеку без жалования. Менее чем через два года из-за конфликта с директором бароном М.А. Коршем Ламанский был вынужден оставить службу в библиотеке. С 1858 г. он служил старшим архивариусом в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ламанский искал такое место службы, где он мог бы беспрепятственно заниматься наукой – славистикой.

Результаты исследования

В 1858 г. В.И. Ламанский сдал экзамены на степень магистра. Результатом его славяновед-

ческих исследований стала книга «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которая вместе с «Историческими замечаниями к сочинению „О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании“» составила объемный том в 600 страниц [1, 2]. Это было первое крупное произведение Ламанского, до того времени опубликовавшего лишь несколько обзоров, рецензий и статей. Наиболее значительными из них были работы «О распространении знаний в России» [3] и «Несколько слов об отношении русских к грекам» [4]. Первую из этих работ можно отнести к программным работам Ламанского [5, с. 63–64], а вторая уже была связана с диссертацией.

Книга В.И. Ламанского была удостоена награды Академии наук – половинной Демидовской премии, а 31 января 1860 г. в Санкт-Петербургском университете защищена в качестве магистерской диссертации. В письме Л.Н. Майкову, отправленном 27 октября 1895 г., Ламанский писал: «Демидовскую премию за диссерт[ацию] я получил совершенно неожиданно: пришел как-то в суб[боту] к Срезн[евскому], и он меня поздравил, я был совершенно ошеломлен, так как ничего и не подозревал» [6, с. 207]. Примечательно, что премия была присуждена Ламанскому по разряду «География и статистика» [7, с. 40], так же как годом ранее и И.С. Аксакову за «Исследование торговли на украинских ярмарках».

Инициатором выдвижения сочинения В.И. Ламанского на премию был И.И. Срезневский. Он же подготовил отзыв на книгу, в котором отмечал молодость исследователя и возлагал надежду на его будущую научную деятельность. «Ламанский, – подчеркивал Срез-

невский, — показал себя и умел заслужить уважение именно как такой даровитый, основательно учено-образованный начинатель <...> на каждой странице, им написанной, видны и это научное трудолюбие, и редкая образованность, и сила правящей мысли, и исследовательность, которая не ограничивает себя знаниями и соображениями только того, что легко доступно, и ищет новых, нетронутых источников и пособий, и обращает внимание на менее разработанные и всё-таки важные части вопросов» [8, с. 126–127]. Рецензент отмечал малую изученность вопросов, «совестливо» исследуемых Ламанским «по источникам», а также то, что «несколько счастливых выследок сделано им о древнем присутствии славян в Малой Азии и Испании» [Там же. С. 129]. «Настолько же, думаю, достойно одобрения и его старание присоединить к решению вопроса общие начала народознания и ими пользоваться в случаях более затруднительных» [Там же]. В качестве недостатков он указывал «неравномерность частей», увлечение частностями, находил «некоторую поспешность в сведении фактов к выводам» [Там же]. В заключение Срезневский не преминул намеком укорить автора в славянофильстве. По его словам, «в книге Ламанского недостатков несравненно менее, чем достоинств, хотя при внешнем обозрении они видны менее, чем были бы видны в труде того, кто или по природе, или по привычке умеет придавать своему труду внешнее приличие и боится всяких увлечений, как чумы» [Там же. С. 130].

Отзыв И.И. Срезневского о книге Ламанского оставляет несколько двусмысленное впечатление. Его нельзя назвать полностью положительным, поскольку в качестве главных достоинств книги рецензент находит не ее содержание и выводы, а молодость и трудолюбие автора и связанные с ним надежды. Срезневского явно не удовлетворял славянофильский подтекст исследования.

В.И. Ламанский в своей речи перед магистерским диспутом объяснял, каким образом пришел к основной идее своей диссертации. По совету И.И. Срезневского он собирался написать исследование о «Законнике» Стефана Душана, но, столкнувшись с нехваткой источников, а также зная о том, что аналогичное исследование готовит А.А. Майков, отказался от первоначального замысла. Ламанский призна-

вался: «Приготовительные работы по этому предмету, при помощи моих прежних занятий, позволили мне подглядеть ту основную идею и те связующие начала, которые как бы сплачивают в одно целое историю болгар, сербов и хорватов и историю русского народа до такой степени, что многие явления нашей народной жизни или необъяснимы, или мало понятны без знакомства с бытом наших южных соплеменников, и некоторые более или менее знаменательные события нашей истории имеют поразительную аналогию и сходство с таковыми же событиями их истории. Прямо явная связь южно-славянской истории с историей Венгрии, а ее — с историей Чехии и Польши, этой же последней — с историей России, те основные отношения, в которых издавна находились эти страны к миру греческому, — все эти данные заставили меня вслед за другими признать в истории новой Европы особую действующую группу народов, отличающуюся, подобно другой европейской группе — романо-германской, своим особливим характером, своим замечательным прошедшим, твердой, непоколебимой верой в свое великое будущее, несмотря на все тяготы настоящего» [9, с. 137].

В нумерованном посвящении, адресованном Ф. Палацкому и датированном 17 мая 1859 г., В.И. Ламанский развивал свою мысль и раскрывал мотивы своей работы: «Глубокое уважение к западноевропейским народам и их блестящей образованности, уважение, соединенное с чувством благодарности и с тем вместе чуждое всякого рабского поклонения авторитетам, непоколебимая уверенность в светлую будущность, ожидающую племя славянское, в самобытность предстоящих ему подвигов, на свершение которых призвало его Провидение, одарившее греко-славянский мир богатством творческого духа и необходимым поприщем для его проявления ничуть не менее, чем мир древний, классический и мир новый, романо-германский, — вот одно из тех основных побуждений, которые, твердо надеюсь, всегда неуклонно будут руководить моей скромной деятельностью как гражданина и писателя. <...> ...Постоянное мое стремление возбуждать самодетельность в отечественных и соплеменных читателях, всячески содействовать развитию еще медленно пробуждающегося в нас самосознания — все эти данные да послужат...

в оправдание той смелости, с которой я решил свой первый ученый труд украсить Вашим славным именем...» [1].

Основная мысль диссертации состояла в том, что, по словам Ламанского, «народы славянские, южные, западные, в силу единоплеменности и сходства своих языков, в течение всей своей исторической жизни не могли совершенно утратить памяти о своем общем происхождении и сознания своего первоначального, внутреннего единства – постоянно находились в более или менее близких сношениях» [9, с. 138]. Различия и столкновения между славянами были следствием «чужеземных влияний», «подчинения чуждым стихиям» (азиатской, византийской, римско-немецкой). В результате в XVIII в. «начался процесс разложения славянских народностей» [Там же], затронувший большинство славян, за исключением русских. Русский народ не только выстоял в этой борьбе и сумел подчинить иностранные влияния своей народной стихии, «но и совершил поворот в истории славянского мира. Как принцип и идею он заставил признать славянскую личность» [Там же. С. 139].

Ламанский первоначально сосредоточился на изучении отношения русского народа к его соплеменникам и обратил внимание на то, что западноевропейские воззрения на Россию и русский народ не отделяют их от прочего славянского мира, поэтому в круг исследовательских проблем вошел и вопрос об отношении славянского мира к романо-германскому и другим мирам (греческому, арабскому). Масштаб поставленной задачи и обширность материалов побудили его ограничиться рассмотрением отношения славян к испанцам, арабам и народам Малой Азии. В одном из поздних писем академику А.А. Шахматову Ламанский признавался, что его диссертацию «правильнее было бы назвать „Арабский период истории славян”»¹. Свою работу Ламанский не рассматривал только как научный труд. В речи на защите он касался и актуальных для него политических вопросов об отношении славян к немцам, с одной стороны, и романским народам (итальянцам, испанцам) – с другой, видя в последних союзников в борьбе с германской гегемонией

в Европе. Не бесполезным Ламанский считал свое сочинение и для русского самосознания, пытаясь обосновать важность «умственного и литературного общения» русского народа с южными и западными славянами, поскольку «в глазах большинства образованных русских людей [оно] поныне представляется как бы делом пустым, ничтожным и не стоящим почти никакого внимания» [1, с. 191].

Связь русской, как и вообще славянской, истории с историей Европы во времена Ламанского ни у кого не вызвала сомнений. Он же поставил задачей своего исследования обнаружить точки соприкосновения славянской истории с историей Ближнего Востока, Африки и той части Европы, которая долгое время входила в политический и культурный ареал арабского мира, – Испании. Такой подход был новым для отечественной науки. Если монгольское владычество на Руси было фактом известным, но еще не до конца осмысленным, если история Византии еще только входила в круг научных интересов русских ученых, то обращение Ламанского к еще более отдаленным историческим регионам выглядело откровенной экзотикой, если не сказать исследовательской авантюрой. Недостаток сведений и скудость материалов усугублялись требованиями набирающей силу позитивистской историографии строго опираться все выводы на проверенные факты. Не всегда имея такую возможность, Ламанский прибегал к своеобразной реконструкции, переводя проблематические факты в ассерторические. Для него постановка новых вопросов и формулирование оригинальных точек зрения были важнее того бедного синтеза, на который уполномочивал исследователя ограниченный круг источников и фактов.

«Нельзя не заметить, – рассуждал Ламанский, – что успешная обработка истории Древней Руси встречает... сильное препятствие в тех понятиях, что, с одной стороны, не позволяют исследователю принимать то, что весьма само по себе вероятно и даже необходимо, хотя *письменно* и не засвидетельствовано², а с другой стороны, поддерживают в нем мысль ограничи-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

² Исследователь в наше время ни на единый миг не должен забывать, что есть факты двоякого рода: явные и тайные – и что последние гораздо важнее. – *Примеч. В.И. Ламанского.*

ваться одними отечественными источниками, например летописями, тогда как они недостаточны. Сюда же надо отнести старую привычку обращать внимание только на одну жизнь государственную и политическую; как будто бы судьба русских, верных своей народности, не живущих, однако, в русской территории, не составляет органической части русской истории? Оттого забывают даже и упомянуть о той земле Русской, которая отошла к народу иноплеменному, хотя и сохранила свою народность» [1, с. 64]. В этом фрагменте Ламанский обозначает принципиальный для славянофилов приоритет истории народа над историей государства. Он изучает историю славянских народов вне зависимости от того, в состав какого государства входят эти народы или кому служат отдельные его представители и группы населения. Для столь мало изученного материала не всегда применим путь постепенного накопления фактов. Без систематической работы такие факты будут лишь случайными открытиями, но для начала такой работы необходимо дедуктивное утверждение, если хотите, вера в реальность самой истории. Без веры и убеждения, без определенной теоретической установки сами факты могут остаться незамеченными и непонятыми.

Содержание диссертации строится в строгом соответствии с ее заглавием. Три главы посвящены различным историческим сюжетам о славянах: в Малой Азии, и прежде всего в Западной Сирии; в Африке, и в первую очередь в Египте и турецких владениях в Африке; в Испании, преимущественно в арабский период ее истории. «Исторические замечания», дополняющие основное исследование, представляют собой отдельные заметки, очерки, рассуждения, статьи (в частности, в издание включена опубликованная в 1858 г. статья «О сношениях русских с греками»), которые были написаны уже во время подготовки книги к печати. В них содержатся более подробные сведения о некоторых сюжетах, рассматриваемых в монографии. Ламанский считал, что эти дополнения могут привлечь более широкий круг читателей, а не только ученых-специалистов. В них он выступал с критикой взглядов А.А. Куника, приводил исторические сведения о роксоланах, писал о чешских исторических деятелях (Иерониме Пражском и Жижке) и «чешском казачестве XV в.», на основе различных исторических при-

меров рассуждал о «русских гулящих людях», об отношении славян и русских к Пиренейскому полуострову и др.

Конечно, исследование Ламанского нельзя в строгом смысле отнести к философии. Для этого оно слишком фактологично, перегружено разнообразными сведениями, которые еще только должны послужить материалом для историософских обобщений. В своей магистерской диссертации исследователь еще далек от философско-исторического синтеза. Его славянофильство здесь нарочито декларативно и априорно. Значение этой книги в другом. Монография Ламанского стала одной из первых попыток в отечественной науке отказаться от европоцентрической точки зрения. Если для московских славянофилов это был только лозунг, то для Ламанского — исследовательская практика. Он предлагает исторически реабилитировать не только славян, но и, например, арабов, утверждая, что «место арабам в истории человечества суждено занять довольно видное» [Там же. С. 235].

В свет книга Ламанского вышла в 1859 г., и он считается годом рождения нового направления в науке — «психологии народов». В этом году в Германии был основан журнал «Психология народов и языкознание», в котором была опубликована программная статья М. Лацаруса и Г. Штейнтала «Вводные рассуждения о психологии народов». Немецкие ученые зафиксировали уходящее корнями в романтизм представление, что главной исторической силой выступает «дух народа», опознаваемый в языке, фольклоре, искусстве, религии, мифах и обычаях. Рассуждения Ламанского дают немало поводов для сопоставления его взглядов с мнением немецких ученых. Впрочем, говорить о заимствовании здесь едва ли уместно, поскольку они восходят к общему источнику — учению В. Гумбольдта [10–12]. Интуитивно и психологически Ламанский прослеживал у народов взаимные симпатии и антипатии, которые не поддаются измерению, но о которых свидетельствует история. Например, он находил много общих психологических черт в русском и испанском характерах, обосновывая успехи славянских переселенцев в арабской Испании (Андалусии) наличием у них таких черт характера, как «отсутствие всякой гордости и надменности в обращении с иноплеменниками, всегда столь

отталкивающих, живая восприимчивость, неразлучная с желанием и умением привлекать и привязывать к себе чужих» [2, с. 108–109], или проводил параллель между Россией и Америкой, эклектически соединяющей достоинства европейских переселенцев и, как юная нация, космополитически отвращающейся от прошлого [Там же. С. 112].

Среди новых для отечественной науки проблем, активно продвигаемых Ламанским, надо назвать византинистику. И позднее, уже будучи преподавателем в Санкт-Петербургском университете, затем деканом историко-филологического факультета, он всячески поддерживал и поощрял занятия историей Византии. Не случайно один из учеников Ламанского, Ф.И. Успенский, стал крупнейшим русским византинистом. У Ламанского не вызывало сомнения всемирно-историческое значение Византии, ее истории и культуры. Изучение Византии важно для уяснения не только русской истории, но и истории Европы в целом. «Кажется, ясно, — писал Ламанский, — что без основательного знакомства с образованностью византийской нам не понять вполне образованность романо-германского мира. После же Петра Великого, после же того тесного соприкосновения России с Европой Западной, основательное и многостороннее изучение ее истории стало одной из настоятельных потребностей наших» [Там же. С. 27]. «Изучение византийской истории, — продолжал он, — никому так не важно и необходимо, как русским; то же самое можно сказать и об изучении судьбы греков в господство турецкое и до новейшего времени» [Там же]. Совсем молодой в ту пору человек (в год публикации книги ему было 26 лет, а ведь писалась она ранее) предлагал ввести в высших учебных заведениях новогреческий язык и изучать греческую историю с IV в.

Еще одна из догадок Ламанского, оправданная последующим ходом развития исторической науки, была связана с монголами. Он предлагал реабилитировать монголов и, шире, кочевников, перестать смотреть на них только как на «бичей божиих». В книге приведены многочисленные факты взаимных влияний русских и монголов в XIII–XIV вв. (смешанные браки, переселения, крещение монголов) [1, с. 48–53]. Ламанский указывал на влияние «монголов на наше зодчество» [2, с. 94], писал о тесных свя-

зях русских с половцами [1, с. 60, 64–66, 73–74]. «Мы убеждены, — отмечал он, — что читателю не покажется парадоксом, если мы скажем, что *неволя татарская*, вредная для русских во многих отношениях, не стеснила, однако, их международных сношений, по крайности с Азией, и даже расширила их» [Там же. С. 53]. Обращаясь к более раннему историческому периоду (II–III вв.), Ламанский указывал на участие славянских племен в походах гуннов: «Грубость и жестокость гуннов не могут ни в каком случае служить опровержением верности предположения, что в рядах их принимали значительное участие славяне» [Там же. С. 149].

Наполненная редкими историческими фактами, оригинальными авторскими рассуждениями, монография Ламанского, в которой поставлены новые исследовательские проблемы, встретила довольно резкое отторжение со стороны представителей традиционной науки и господствующих исторических теорий. Она так и осталась маргинальной славянофильской экзотикой в отечественной историографии. Книгу не переиздавали, а самого автора стали обвинять в имперском экспансионизме, шовинизме и русском национализме. Такое мнение о труде Ламанского прозвучало уже в первом отзыве на него.

На книгу Ламанского откликнулся рецензией его университетский товарищ А.Н. Пыпин. Она была опубликована в журнале «Современник». В том же номере журнала были напечатаны статья Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» и материалы публичного диспута в Петербургском университете между М.П. Погодным и Н.И. Костомаровым о начале Руси. Несмотря на дружеские отношения с Ламанским, Пыпин никогда не разделял его славянофильских убеждений, что сказалось и в рецензии, тон которой был скорее насмешливым и фельетонным, а не критически-научным. Пыпин упрекал автора монографии в отсутствии научной строгости и доказательности, хотя этим грешила и сама рецензия. Отзывов о магистерском диспуте Ламанского не сохранилось. Тем ценнее звучит признание А.Н. Пыпина: «На этом защищении оказалось, между прочим, что петербургские ученые обнаружили заметную холодность к славянофильскому вопросу, весьма резко выставленному г. Ламанским; москвичи нас уверяли, что, явись диссертация в Москве,

она возбудила бы несравненно больше возражений с одной стороны и одобрений с другой. В самом деле славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и там оно ближе принималось к сердцу и друзьями, и врагами; в здешней столице книга г. Ламанского не произвела впечатления, которого бы можно было ожидать» [13, с. 309]. Указывая на равнодушие ученых и публики, присутствовавшей на защите, рецензент стремился подчеркнуть неактуальность самого исследования и его неорганичность, по крайней мере для столичной университетской науки. По мысли Пыпина, диссертация была защищена либо не на ту тему, которую считает достойной внимания академическая наука, либо не в том месте.

Рецензент сразу указал, что автор придерживается направления «Русской беседы», т. е. издававшегося в Москве славянофилами журнала. Не случайно один из основных упреков состоял в тенденциозности и партийности исследования. «В авторе было видимо желание высказаться со всех возможных сторон; ученая цель не раз скрывается за стремлениями пропагандиста» [Там же. С. 310]. По словам А.Н. Пыпина, Ламанский «приступил к труду с готовым взглядом, и факты принимают в его глазах такие необычайные размеры, что результаты выходят очень странными» [Там же].

Однако значение труда Ламанского критик видел именно в том, что в нем полнее всего высказаны взгляды славянофилов на славянство, которые в самом «московском кружке» до того оставались неопределенными. В чем же состояли эти взгляды? Ламанский, уточнял Пыпин, «старается доказать, что цивилизаторская роль славян начинается еще с так называемого мрака времен и с тех пор не прерывалась и до нашего времени. С этой мыслью он набирает сведения о поселениях славян в Малой Азии и в Африке, говорит о славянской цивилизации в Сирии и чрезвычайно хорошо округляет историю славянства» [Там же. С. 311]. «Главное, — продолжал он, — автору хочется установить на незыблемом основании славу славянского племени и обеспечить его будущее» [Там же. С. 318]. «Ему хотелось также выставить *славную* роль славянства в прошлые времена, убедить русскую публику в необходимости распространения русского языка вне пределов России и в необходимости „общения“ со славянами» [Там же. С. 321].

А.Н. Пыпин не может принять и понять славянофильскую аксиоматику Ламанского: идею славянского единства, общность языка, культуры и исторических судеб славян. Ламанский же, рассуждая о славянской взаимности, «исходит из положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедной борьбой, скреплялось и освящалось у других единоверием» [1, с. 236]. Рецензент не без издевки назвал подход Ламанского «всеславянским усердием» и отметил, что он «обобщает славянскую историю до такой степени, что все славянские народы ставит в тесные солидарные отношения, утверждая, что ими всегда руководило тайное сродство, вследствие чего подвиги одного племени столько же принадлежат другому, — и наконец в *гулящих людях...* видит великий подвижной элемент славянской истории, оказавший своему племени большие услуги» [13, с. 315]. Пыпин, со своей стороны, не прозревал оснований для такого единства и не считал народное начало, тем более «вольных и гулящих людей», в качестве одной из движущих сил славянской истории.

Поскольку с точки зрения федералистской концепции исторического процесса, разделяемой славянофилами, Русское государство формировалось путем колонизации, а не централизации, постольку движущей силой этой колонизации был именно вольно-народный элемент. Не признавая положительное значение колонизации, А.Н. Пыпин ернически попрекал Ламанского в страсти к завоеванию «новых земель». Между тем Ламанский в подвижном и восприимчивом, готовом к переменам и вступающем в межкультурные и межэтнические контакты вольно-народном элементе видел противоядие от национального самодовольства, узости восприятия других народов и культур, приводящих к национализму и шовинизму.

Как и Ю.Ф. Самарин в споре с представителями «государственной школы», Ламанский усматривал в этом народном элементе проявление самостоятельности и самодеятельности, присущих личности, на отсутствие которой в русской истории указывали оппоненты славя-

нофилов. По его словам, «воровская, бродяжная жизнь», открывая полный простор личности, более способна развивать известное чувство космополитизма, чем чувство национальности, доходящее иногда до какой-то фанатической исключительности в домоседах, живущих в глуши и вообще разобщенных с иностранцами» [1, с. 311]. В дополнении к своей диссертации Ламанский прямо назвал «колонизаторский, подвижный дух» прогрессивным элементом в русской истории [2, с. 151].

Согласно Ламанскому, в истории народов действуют силы центростремительные и центробежные. Собираение земель вокруг Москвы есть пример действия центростремительных сил в русской истории. Напротив, толковины, бродники, казаки, вольница, самозванцы, бродяги, воры-разбойники были представителями силы центробежной. Однако и она имеет свое положительное значение в русской истории, выступает началом гражданской, общественной жизни, не нуждающейся в избыточной опеке и контроле со стороны государства. «Историки наши (Карамзин, Соловьёв и пр.), – писал Ламанский, – обратили преимущественное внимание, так сказать, на центростремительную силу нашей истории, почти вовсе опуская из виду значение силы центробежной. Но без нее невозможно было бы и *собираение* земли русской – нечего бы и собирать было. Почтив уважением труд собирателей, историк не должен умалчивать об отваге, удали и предприимчивости тех, кто отыскивал новые земли, распространял русский язык и знакомил с русским именем самые отдаленные края. Эта центробежная сила нередко представляет таких же *грозных* деятелей, как и противоположная ей. Самые дикие ее обнаружения доказывают только, что в русском народе всегда жило, хоть и смутно, сознание в необходимости существования в стране, помимо государства – гражданского общества. <...> Нередко страшные проявления этой центробежной силы в нашей истории – не что иное, как протест ее против излишних притязаний силы ей противоположной» [Там же. С. 155, примеч.].

Следующий упрек рецензента был направлен на методологию исследования, которую он считал далекой от стандартов научности. «В его критическом методе обыкновенные доказательства занимают очень мало места. <...>

Обыкновенно он находит их мало для подкрепления своих мнений: он заменил их совершенно отвлеченными рассуждениями, отдаленными аналогиями, таинственным сродством и множеством диалектики» [13, с. 311]. Умозрительность и бездоказательность – вот на чем, по мнению А.Н. Пыпина, держится вся работа Ламанского. Он обвинял автора в фантазиях, в писании «на авось», отсутствии достаточного количества фактов, критиковал за многочисленные отступления, которые заменяют исследование фактов, и «бесплодные натяжки над историческими фактами» [Там же. С. 318].

Упрек в недостаточной фактической обоснованности диссертации Ламанского едва ли справедлив. Привлекаемый молодым ученым круг источников обширен; никто до Ламанского не проделал столь масштабной источниковедческой работы по собиранию сведений о славянах в Малой Азии, Африке, Испании. Другое дело, что Ламанский для подтверждения верности этих фактов нередко приводит данные из современной жизни, стараясь показать живучесть многих форм славянского быта, преемственность славянской истории и сохранение славянства как особого этнического и культурного типа. Однако А.Н. Пыпин как раз и не видел этого единства и преемственности, полагал все аналогии лишь методологической уловкой. Ламанский в этом случае действительно предстает как политический мыслитель, философ истории, в то время как Пыпин настаивает на необходимости оставаться на узкой почве ограниченных фактов. С этой стороны труд Ламанского сродни историческим разысканиям А.С. Хомякова, а не позитивистской историографии, на которую ориентировался его рецензент. Стоит отметить, что многие фактологически неубедительные данные, приведенные Ламанским и высмеянные Пыпиным, нашли подтверждение в последующих исторических исследованиях.

Кроме того, А.Н. Пыпин усмотрел в труде Ламанского «массу парадоксов» и «всеславянские мечтания», считал книгу «слишком эксцентричной» для научного исследования. В конце рецензии он примирительно и несколько снисходительно заявил, что в книге «рассеяно множество любопытных данных <...> новых в нашей литературе», которые «многое прибавят к истории славянства, но теорети-

ческие построения автора часто совершенно бездоказательны или ничего не доказывают» [13, с. 322]. Подробный обзор оценок взглядов Ламанского, данных А.Н. Пыпным, приведен в книге Е.П. Аксёновой «А.Н. Пыпин о славянстве» [14, с. 343–347].

Рецензия А.Н. Пыпина на диссертацию Ламанского не поколебала их студенческой дружбы, но и не способствовала дальнейшему сближению. Любопытно замечание Ламанского о встречах с Пыпиным в Праге во время своей первой заграничной командировки. «Здесь живет также Пыпин, — писал он родителям, — с которым я встречаюсь каждый день в „Чешской беседе“, но не говорю с ним ни слова. Чехи объясняют это тем, что он западник, а я восточник...»³ Ламанский не мог согласиться и с интерпретацией славянофильства, предложенной Пыпиным. В его статьях, полагал Ламанский, «можно ознакомиться с узкими и односторонними понятиями Пыпина о разных вещах и решительно нельзя почерпнуть верного и ясного представления о славянофилах» [15, с. 27–28]. Впоследствии Ламанский также выступал с рецензиями на работы Пыпина. Готовя рецензию для газеты «Русь» на второе издание «Истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича [16], он писал И.С. Аксакову: «Над Пыпиным немножко тут посмеиваюсь, кажется, не обидно. Для него. Не хотелось бы с ним ссориться, он человек хороший, хотя совсем несамостоятельный и вечно под чужим влиянием. Если что Вам резко покажется о Пыпине, смягчите, пожалуйста»⁴.

Книгу «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» В.И. Ламанский отправил многим славянским ученым и общественным деятелям в Европе. Так, через В.В. Ганку он передал экземпляры в чешский музей, П.П. Шафарику, К.Э. Эрбену и Ф. Палацкому. В ответном письме, благодаря за книги, Ганка отмечал, что «экземпляр для г. Палацкого опоздал, и [так] как он точно уехал в Вену, то я его отдал зятю его г. Ригру, который мне сказал, что жена его, дочь Палацкого, через несколько дней поедет тоже в Вену и вручит экз[емпляр] отцу

сама»⁵. Посвящение магистерского исследования Ф. Палацкому пришлось по душе чешской интеллигенции. В 1862 г. Ламанский писал министру народного просвещения А.В. Головнину о своем прибытии в Прагу: «В Праге меня уже знали. Чехам особенно польстило то, что я посвятил свою магистерскую диссертацию Палацкому. О моем приезде в Прагу было напечатано в журн[але]: „Милый гость живет теперь у нас“ и т. д.» [6, с. 191].

Заключение

Защита магистерской диссертации открывала Ламанскому путь в науку. Он перешел на службу в Министерство народного просвещения и получил возможность отправиться в командировку с научными целями в славянские земли. Эта командировка продлилась два с половиной года. Однако в Санкт-Петербургский университет Ламанский вернулся более чем десятилетие спустя после его окончания. В 1865 г. он приступил к чтению лекций в должности доцента кафедры славянской филологии. Изданные Ламанским позже монографии — «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник» (1915) — практически не имели откликов и последствий для философии или славистики. На эти работы не были опубликованы рецензии, и они остались почти незамеченными. Для коллег-славистов монографии Ламанского были слишком философскими, а славянофильство, сближавшееся в конце XIX в. с консервативно-националистической идеологией, было уже не способно принять высказанные в них идеи. Сам Ламанский понимал междисциплинарность своих исследований, поэтому относил их к разряду политической географии. Влияние В.И. Ламанского на отечественную славистику оказывалось через его учеников, созданную им «научную школу», в то время как в XX в. его идейное наследие, преданное забвению на родине, опосредованно было воспринято в эмиграции евразийцам.

³ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 24 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 145 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 1 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. 370 с.
2. Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. 230 с.
3. Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LXIII, № 5. С. 1–46.
4. Ламанский В.И. Несколько слов об отношении русских к грекам // Русская беседа. 1858. Кн. 12. Смесь. С. 103–140.
5. Малинов А.В. Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8 (116). С. 62–71.
6. Письма В.И. Ламанского К.С. Аксакову, А.В. Головнину, О.Ф. Миллеру, В.М. Владиславлеву, Л.Н. Майкову // Вече. 2009. № 19. С. 172–209.
7. Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 25 июня 1865 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. 408 с.
8. Срезневский И.И. Разбор сочинения В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Двадцать девятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 16 июня 1860 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. С. 125–130.
9. Ламанский В.И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19, № 1. С. 135–148.
10. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношении русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (10). С. 89–94.
11. Куприянов В.А. Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28. С. 213–216.
12. Куприянов В.А. Геополитическая культурология в трактате В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» // Россия в глобальном мире. 2016. № 2 (32). С. 582–586.
13. Пыпин А.Н. Новые славянские исследования // Современник. 1860. Т. LXXX. Отд. III. С. 309–328.
14. Аксёнова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М.: Индрик, 2006. 504 с.
15. Ламанский В.И. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1884. 51 с.
16. Ламанский В.И. История славянских литератур А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича // Русь. 1880. № 1, 3, 5, 7; 1881. № 8.

Малинов Алексей Валерьевич

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.11.2017 г., принята к публикации 14.12.2017 г.

REFERENCES

- [1] V.I. Lamanskiy, O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain], St. Petersburg, 1859.
- [2] V.I. Lamanskiy, Istoricheskiye zamechaniya k sochineniyu «O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii» [Historical comments on the work “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], St. Petersburg, 1859.
- [3] V.I. Lamanskiy, [On the dissemination of knowledge in Russia], Sovremennik, LXIII (5) (1857) 1–46.
- [4] V.I. Lamanskiy, [A few words about the attitude of Russians to the Greeks], Russkaya beseda, 12 (1858) 103–140.
- [5] A.V. Malinov, [Political Slavic Studies V.I. Lamanskiy], Klio, 8 (116) (2016) 62–71.
- [6] [Letters V.I. Lamanskiy to K.S. Aksakov, A.V. Golovnin, O.F. Miller, V.M. Vladislavlev, L.N. Maykov], Veche, 19 (2009) 172–209.
- [7] Tridsat' chetvertoye i posledneye prisuzhdeniye uchrezhdennykh P.N. Demidovym nagrad. 25 iyunya 1865 goda [Thirty-fourth, and the last award of the awards, established by P.N. Demidov, on June 25, 1865], St. Petersburg, 1865.
- [8] I.I. Sreznevskiy, Razbor sochineniya V.I. Lamanskogo «O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii» [Analysis of the works of V.I. Lamanskiy “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], in: Dvadsat' devyatoye prisuzhdeniye uchrezhdennykh P.N. Demidovym nagrad. 16 iyunya 1860 goda [Twenty-ninth award of the awards, established by P.N. Demidov, on June 16, 1860], St. Petersburg, 1860, pp. 125–130.
- [9] V.I. Lamanskiy, [Speech delivered at the St. Petersburg University on January 31, 1860 with the public defense of the thesis for a master's degree: “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], Russkaya beseda, 19 (1) (1860) 135–148.

[10] V.A. Kupriyanov, A.V. Malinov, ["I serve the people ..."] (to the publication of "Historical letters on the relations of the Russian people to his fellow tribesmen" of V.I. Lamansky)], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (10) (2016) 89–94.

[11] V.A. Kupriyanov, [The structure of Europe in the philosophical and historical teachings of V.I. Lamansky], *Veche*, 28 (2016) 213–216.

[12] V.A. Kupriyanov, [Geopolitical culturology in the treatise V.I. Lamansky "The Three Worlds of the Asian-European Continent"], *Rossiia v global'nom mire*, 2 (32) (2016) 582–586.

[13] A.N. Pypin, [New Slavic Studies], *Sovremennik*, LXXX (III) (1860) 309–328.

[14] Ye.P. Aksenova, A.N. Pypin o slavyanstve [A.N. Pypin about the Slavs], Indrik, Moscow, 2006.

[15] V.I. Lamanskiy, O tom, chto budto nemetskoy kul'tury net, nikogda ne byvalo i byt' ne mozhet [There is never, and can not be, the fact that there is no German culture], St. Petersburg, 1884.

[16] V.I. Lamanskiy, [History of Slavic literatures Pypin and V.D. Spasovich], *Rus'*, 1, 3, 5, 7 (1880), 8 (1881).

Malinov Alexey V.

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Received 13.11.2017, accepted 14.12.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

Философия

Проблемы XXI века

DOI: 10.18721/JHSS.8405

УДК 130.2 Философия культуры

ТРАНСПОРТ КАК СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

И.П. Березовская¹, М.В. Иванов²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

В работе предложен социокультурный анализ феномена транспорта, который рассматривается не только как неотъемлемая часть материальной культуры человеческого общества, но и как часть его духовной культуры. Анализируется, каким образом транспорт взаимосвязан с духовной культурой общества, включен в деятельное поле многочисленных культурных смыслов и символов, становится объектом художественного изображения и непосредственным участником культурного процесса, значительно влияющим на него. Обосновывается необходимость такого анализа в связи с тем, что транспорт оказывается универсальным инструментом, с помощью которого человечеству удается сводить воедино, уравновесить и оптимизировать две противоположные по своему направлению тенденции общественного развития – непрерывную тягу цивилизации к своему внешнему распространению и необходимость всё более плотного внутреннего стяжения отдельных ареалов и пространственных сегментов глобальной цивилизации. В заключение указывается, что перспективы развития человечества во многом зависят от способа преодоления пространства и «сокращения» расстояния между взаимодействующими субъектами, что обеспечивает транспорт, понимаемый не только как часть материальной культуры, но и как важная ее духовная составляющая.

Ключевые слова: транспорт; пространство; время; хронотоп; коммуникация

Ссылка при цитировании: Березовская И.П., Иванов М.В. Транспорт как социальное и культурное явление // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.8405

TRANSPORT AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON

I.P. Berezovskaya¹, M.V. Ivanov²

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

² Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper proposed a sociocultural analysis of the phenomenon of transport. The phenomenon of transport is considered not only as an integral part of material culture in

human society, but also as a part of spiritual culture; namely, we have analyzed how transport is linked to the spiritual culture of society that is included in the active field of numerous cultural meanings and symbols, becomes the object of artistic representation and a direct participant in the cultural process, significantly affecting it. The article substantiates the need for such analysis due to the fact that transportation is a versatile tool through which humanity manages to bring together, to balance and optimize two opposite trends of social development, i.e., the civilization's continuous desire for external distribution and for a denser internal concretion of individual areas and the spatial segments of the global civilization. In conclusion, we have established that the prospects for human development largely depend on the method of overcoming space and on reducing the distance between the interacting entities, which is ensured by transport, understood not only as a part of material culture but also as an important spiritual component.

Keywords: transport; space; time; chronotope; communication

Citation: I.P. Berezovskaya, M.V. Ivanov, Transport as a social and cultural phenomenon, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.8405

Введение

В настоящее время транспорт играет столь важную роль, что его разрушение привело бы к распаду современной цивилизации. Потребитель транспортных услуг не только получает «результат» работы системы (газ, свет, тепло в доме, письмо в почтовом ящике, послание на мониторе компьютера), но и участвует в «процессе» — в работе транспортного средства, перемещается. И тем самым попадает в иное пространство и время.

Постановка проблемы и цели исследования

В 1920-х гг. выдающийся физиолог А.А. Ухтомский выдвинул идею хронотопа — пространственно-временного континуума, организующего поведение организма [1, с. 195]. Другой видный филолог — М.М. Бахтин уже в 1930-х гг. положил идею хронотопа в основу культурной типологии, связав пространство и время с типом личности [См.: 2, с. 34]. Прояснение роли транспорта в современной культуре открывает новые перспективы в понимании человеческого общества в целом и отдельной личности в частности.

Методология

Методологической базой для нашего исследования выступает социокультурный анализ.

Результаты исследования

Развитие человеческого общества осуществлялось как непрерывная борьба с простран-

ством и расстоянием, которые отделяли друг от друга людей, социальные элементы, центры различных видов социальной жизни. Одна из важных задач в развитии человеческого общества — максимально возможное соединение различных его элементов в системное единое целое, сближение их. Вместе с тем эволюционное развитие человечества имело пространственно-раздвигающийся (центробежный) характер. Со временем земная ойкумена расширялась, человек стремился заселить те территории, которые были так или иначе пригодны для жизни. И чем дальше распространялся такой процесс, тем актуальнее и значимее становилась проблема взаимосвязи расходящихся друг от друга человеческих ареалов. Система таких внешне-внутренних коммуникаций расширялась параллельно историческому общественному развитию. Таким образом, процесс общественно-исторического развития — это центробежно-центростремительный процесс расширения и внутреннего уплотнения социальной сферы. И для одной, и для другой составляющей этого процесса транспорт являлся одним из основных инструментов.

Политическую, социальную, экономическую консолидацию общества внутри самого себя, соединение географически удаленных стран и народов обеспечивали транспортные системы. Да и само раздвижение границ человеческой ойкумены, заселение не освоенных

ранее ареалов с включением их в существующие экономические и культурные системы практически не могли, да и сейчас не могут, происходить без сопровождения транспортного освоения этих территорий. Процесс расширения человеческого пространства может быть представлен как процесс, сущностью которого выступает результат проникновения транспорта в новые области земной ойкумены.

С помощью транспорта человечеству удается сводить воедино, оптимизировать и уравновешивать две противоположные по своему направлению тенденции общественного развития – непрерывное стремление цивилизации к своему внешнему распространению и необходимость всё более плотного соединения отдельных ареалов и пространственных сегментов глобальной цивилизации. Обе эти тенденции транспорт по мере своего развития и развития цивилизации реализовывает всё эффективнее. «Скорость, надежность, комфорт, минимизация человеческих усилий, адресность – основные характеристики транспортного перемещения, усовершенствование которых позволяет судить о том, насколько транспорт с течением времени всё более эффективно справляется со своими социальными обязанностями» [3, с. 45].

Еще одна форма «соединительной» ткани общества, обеспечивающая его внутреннее единство, организованность и способность нормально функционировать, – это связь, которая по сути своей является спецификацией транспортировки. Для трансляции информации в разное время и в разных обществах до настоящего времени использовались «обычные» транспортные средства. Корреспонденция перемещалась по тем же дорогам (торговым путям), с караванами или на кораблях, перевозивших торговые грузы и путешественников. Соответственно и скорость такой транспортировки оставалась в границах, определенных техническими возможностями той или иной транспортно-коммуникационной системы.

Но если возникала необходимость в экстренном получении того или иного сообщения, то, как правило, вырабатывались знаковые системы передачи информации. Примером такой системы может служить цепочка костров (транспортно-информационное изобретение древнего мира и средневековья, наряду с системой зеркал, почтовыми голубями), с помо-

щью которых наиболее важные новости-вести в считанные часы передавались на достаточно большие расстояния. Но в целом создание таких систем оставалось редкостью.

Положение не изменилось и с наступлением Нового времени. До середины XIX в. информация распространялась со скоростью парусного и гужевого транспорта. С появлением телефонной связи ситуация начинает меняться, появляется возможность быстрой транспортировки информации. А благодаря современным телекоммуникационным и компьютерно-электронным средствам формируется система связи, осуществляющейся мгновенно. Но и в настоящее время способы функционирования транспорта и связи уже далеко разошлись, хотя всё еще есть часть корреспонденции (письма, бандероли, посылки), которую продолжают передавать через транспортную сеть.

Величина социальности пространства и уровень развития транспорта во многом связаны. Социальное пространство представляет собой сложную систему центров и ареалов. Формирование центров – это во многом результат и развитости транспорта, многообразия видов транспортных средств. Развитость транспорта определяется плотностью коммуникаций. Территории, которые находятся далеко от системы магистральных линий современного транспорта, обречены на провинциальное положение, сказывающееся на экономической и социально-культурной сфере этих территорий. И расстояние от центров играет в этом вопросе не такую серьезную роль, как, казалось бы, должно было играть. Важным фактором выступает не просто наличие возможности добраться за короткое время до какого-либо места, а сумма экономических и культурных производных данного места, во многом обусловленная как раз положением, которое оно занимает в сети транспортных линий. Плотность транспортных линий и комплексность, представленная многообразием форм современного транспорта, выступают важными факторами для определения центральности или провинциальности того или иного места.

Чем выше плотность сети транспортных коммуникаций и чем более многообразны современные формы транспорта, представленные в данном пространстве, тем выше оно в социальной иерархии. Для центров столично-

го уровня характерны наиболее высокая плотность магистральных линий и самый полный комплексный набор транспортно-коммуникационных сетей, в котором ярко выражено преобладание самых современных форм транспорта. В крупных центрах национального масштаба комплекс разнообразия транспортных средств достаточно полный (авиационный, железнодорожный, автомобильный транспорт), но масштабы пассажирских перевозок и грузооборота меньше и интенсивность эксплуатации ниже. Для небольших центров характерны фрагментарный набор транспортных форм, невысокие интенсивность перемещений и обеспеченность транспортом. В сельской местности коммуникационно-дорожные сети и по интенсивности, и по плотности обладают наименьшими величинами. Таким образом, уровень плотности транспортной системы, ее эксплуатационная интенсивность и комплексность выступают теми параметрами, по которым можно определить место того или иного населенного пункта в политической, административной и экономической иерархии общества.

Значимость транспорта в уровне социализации пространства прослеживается и от обратного. Когда встает задача сохранения «неосвоенности», «первозданности» какого-либо участка земного пространства, то изолированность этого пространства от производственных структур и от транспорта дает возможность ограничить их воздействие на окружающую среду. Таким образом создаются заповедники. Но, кроме целенаправленно создаваемых заповедников, еще остаются на земле естественные территории, сохраняющие свои природные характеристики благодаря удаленности от транспортных магистралей.

Транспорт не только во многом определяет уровень социальности пространства, он выступает также фактором, обуславливающим уровень материально-производственной сферы общества и формирование специфических хозяйственно-культурных типов человечества. Результатом неолитической транспортной революции, произошедшей около 3 тысяч лет назад, можно назвать появление такой крупной историко-культурной ветви человечества, как кочевые скотоводы. Кочевники отличались от первобытных охотников и собирателей, тоже активно передвигавшихся в поисках пропита-

ния, масштабом своих перемещений и более устойчивым характером подвижного образа жизни. Для людей такого хозяйственно-культурного типа транспортные средства были одним из центральных элементов материальной культуры. Связанная через множество каналов с материальной жизнью, духовная составляющая культуры во всех своих основных формах (от фольклора до мифологически конструируемой картины мироздания) отражала этот элемент культуры. Транспорт, выступая главным приспособлением для преодоления расстояний, часто являвшихся препятствием на пути реализации человеческих планов, во многом задавал ритм жизни и мышлению. Поэтому можно говорить о том, что он был важнейшим параметром, структурировавшим определенным образом поведенческие стереотипы, и тем самым участвовал в формировании общественного мировоззрения и национального менталитета.

Но транспорт задействован в культурном процессе и более непосредственно. Результаты творческой деятельности человека (книги, картины, скульптуры, театральные постановки и т. п.) нуждались и нуждаются в передвижении в пространстве, т. е. они связаны с транспортно-коммуникационной системой. Конечно, в этом случае транспорт выступает внешним фактором по отношению к содержательной стороне культуры, но всё-таки важным инфраструктурным элементом культурного цикла.

Кроме того, транспорт необходим для передвижения не только культурных ценностей, но и их создателей. Известно, что некоторые литературные, музыкальные произведения и даже произведения изобразительного искусства создавались их авторами во время поездки или путешествия. В таких случаях корабль, поезд или дилижанс играли роль одного из внешних условий творческого процесса. Но не менее существенно и то, что поездки часто становились катализатором творческой фантазии, дорожно-транспортные впечатления рождали сам замысел, определяли его базовые характеристики.

Наконец, транспорт нередко становился объектом творческого интереса и предметом изображения (литературного, живописного, пластического, музыкального), занимая в культурном произведении (его сюжете, композиции, ритмике, структуре и т. п.) центральное

или второстепенное место, фиксируясь в качестве конкретной транспортной формы или символа какого-либо значимого явления или процесса (страны, человечества, общественно-го прогресса и т. п.).

Путешествие «расширяет» пространство, позволяет создать цельный зрительный образ обширной территории. Не случайно в древности большие расстояния измерялись днями пешего, конного или корабельного перемещения. Время перестает подчиняться часовым и суточным циклам, оно подчиняется направленному движению, разрывая привычный круговорот бытовых периодов, становясь космологическим символом «в формировании представлений о гармонии обитаемого мира» [4, с. 95]. И путешественник претерпевает метаморфозу. Будучи очевидцем разворачивания необъятного пейзажного полотна, он при этом оказывается в стесненном пространстве обитания. Транспортное средство устраняет «средний пояс», пролегающий между домом и горизонтом и позволяющий человеку свободно перемещаться из малого мира в большой. У вагона, корабля и самолета нет крыльца и палисадника.

Издревле известен в искусстве хронотоп дороги. Путешествие рассматривалось как символ жизненного пути (физическое перемещение выступало в параллелизме с духовным созреванием). Такова, например, судьба Одиссея, главного героя великой поэмы Гомера:

*И, покинув корабль, натрудивший
в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством
и временем полный* [5, с. 109].

Столь же значим и сон молодого протопопа Аввакума, предсказавший ему страдальческую и подвижническую судьбу: «И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и всё злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: „Чьи корабли?“ И они отвечали: „Лукин и Лаврентиев“. Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо (пепельного цвета. — *И. Б., М. И.*), — его же ум человек не вмести красоты его и доб-

роты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хошет. И я вскричал: „Чей корабль?“ И сидя на нем отвечал: „Твой корабль! На, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!“ И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое и что будет плавание?» [6, с. 32].

Путешествие доставляет много неудобств (пространственная бытовая стесненность, вынужденное соседство с незнакомым спутником, невозможность заняться приятными домашними делами). Психологической основой тревожного отношения к странствию является смена контекста жизни путника: он вырывается не просто из сферы обыденных привычек, но и из системы устоявшихся межличностных отношений, его личность подвергается проверке в изменившихся условиях. «Нарушение ситуативной закономерности ведет к разрушению привычных схем поведения, вызывает сбой в поведении» [7, с. 239]. Именно затруднения в поддержании своей Я-концепции в измененной ситуации и определили появление такого жанра, как античный авантюрный роман воспитания. Подвиг странствующего героя состоит именно в верности самому себе. «Люди и вещи через что-то прошли, что их, правда, не изменило, но потому именно их, так сказать, подтвердило, проверило и установило их тождество, их прочность и неизменность. Молот событий ничего не дробит и ничего не куёт, — он только испытывает прочность уже готового продукта. И продукт выдерживает испытание. В этом — художественно-идеологический смысл греческого романа» [8, с. 257].

Для путешественника дорога выступает как противопоставление дому в частных оппозициях «внутреннее — внешнее», «интимное — публичное», «свое — чужое». Оторванность от привычного бытового пространства вызывает тревогу и усиливает тоску по уюту, например в стихотворении А.С. Пушкина «Дорожные жалобы»:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

*Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,*

*На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом...*

<...>

*То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!.. [9, с. 451]*

Путешествие как слом обычной жизни предрасположено сочетаться с экзистенциальной проблемой – проблемой смерти. Видимо, ее возбудителем является информация об авариях, катастрофах, пиратских захватах и террористических актах, которые угрожают безопасности каждого из нас. Аналогия смерти и путешествия как перехода в мир иной восходит к глубокой древности. Достаточно вспомнить лодку Харона, который, по верованиям древних греков, перевозил души умерших через реку Ахерон в подземное царство Аида, и горящие погребальные ладьи, возносящие погибших викингов в мир Одина. Так как идея смерти в культуре прямо связана с идеей смысла жизни, путешествие не может быть сведено к механическому транспортному перемещению. «Индустрия туризма» нуждается в весьма серьезном осмыслении, потому что чисто потребительское отношение к «перемене мест» соединяет легковесность и безответственность поведения, ставящие под угрозу благополучие, а иногда и безопасность многих людей (некритический выбор разрекламированного туроператора, пьянство, развлечения «на грани риска», несоблюдение правил гигиены, отказ от следования местным традициям). Но не менее сомнительно и стремление компенсировать с помощью путешествия жизненные трудности, неудачи и утраты. В предельном случае путешествие выступает как широковещательная демонстрация достигнутых деловых успехов, увенчанных заслуженной наградой отошедшего от дел бизнесмена.

Об одном из таких людей, не оставивших в памяти других даже имени, писал И.А. Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско»: «Господин из Сан-Франциско – имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил – ехал в Старый Свет на целых два года, с женой

и дочерью, единственно ради развлечения. Он был твердо уверен, что имеет полное право на отдых, на удовольствие, на путешествие долгое и комфортабельное, и мало ли еще на что. Для такой уверенности у него был тот резон, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а лишь существовал» [10, с. 53]. Таково начало пути к полному счастью самообольщающегося безымянного дельца. Конец же рассказа демонстрирует полную бессмысленность потребительского стремления господина, смерть которого угрожала нарушить интересы прочих жадных до удовольствий потребителей транспортных услуг и поставила в унижительное положение его близких. «Тело же мертвого старика из Сан-Франциско возвращалось домой, в могилу, на берега Нового Света. Испытав много унижений, много человеческого невнимания, с неделю пространствовал из одного портового пакгауза в другой, оно снова попало, наконец, на тот же самый знаменитый корабль, на котором так еще недавно, с таким почетом везли его в Старый Свет. Но теперь уже скрывали его от живых – глубоко спустили в просмоленном гробе в черный трюм... Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменных ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утес, но еще громаднее его был корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем» [Там же. С. 69–70].

В ином положении находится работник транспорта. Профессиональная сфера при удачном выборе деятельности становится для человека важнейшей областью самореализации. И поэтому транспортник в дороге обретает дом. (В старой притче говорится, что один человек спросил моряка: «Как ты не боишься плавать по морю? Ведь твой отец утонул с кораблем». И тот ответил: «А как ты не боишься спать на кровати дома? Ведь на ней умер твой отец».) Только дом этот имеет другие измерения, вырастает в своем масштабе.

В знаменитом романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» затронуты проблемы самого разного уровня: от достоинства человека до национальной памяти и ответст-

венности за космический порядок. Миф и легенда соседствуют с техникой XX в. Древность и современность проникают друг в друга. Но не случайно главные герои романа профессионально связаны с железной дорогой (первоначально он назывался «Буранный полустанок»). Координаты этому миру, миру наших дней, задает она. И именно она располагает к рассмотрению всех привычных вопросов в планетарном и философском масштабе. «Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток... А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства – Сары-Озеки, Срединные земли желтых степей. В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана...» [11, с. 390]. Так сказано на первых страницах романа.

«Ментальная карта» путейца делает его личное пространство предельно широким, духовно освоенным и потому – сферой нравственной ответственности. Поддержание порядка на транспорте подчиняется требованию, в соответствии с которым герой «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери начинал утро с того, что «прибирал свою планету». Не случайно издревле транспортное средство мифологизировалось. До сих пор торжественно отмечается спуск корабля на воду. Боги, герои и волшебные существа украшали нос судна. В названиях марок автомобилей допускается употребление имен и фамилий – Форд, Мерседес. В английском языке единственный неживой предмет заменяется личным местоимением *she* (она, женщина), а не *it* (неодушевленное «оно») – это корабль. Обретение судном имени ассоциируется с крещением. Даже лишенный совести пират Джон Сильвер из романа Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» побаивается переименования судна. «То были люди Робертса, и погибли они потому, что меняли названия своих кораблей. Сегодня корабль называется „Королевское счастье“, а завтра как-нибудь иначе. А по-нашему – как окрестили судно, так оно всегда и должно называться. Мы не меняли названия „Кассандры“, и она благополучно доставила нас домой с Малабара, после того как Ингленд захватил вице-короля Индии. Не менял своего прозвища и „Морж“, старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну» [12].

За последние два века сервис на транспорте явно продвинулся, но от ролевых конфликтов не избавился (достаточно вспомнить роман А. Хейли «Аэропорт»). И их нужно уметь эффективно разрешать. Теоретическая основа указанных конфликтов заключена именно в природе транспортного бытия. Транспорт отрывает человека от условий привычной жизни и тем самым деформирует ролевую структуру личности. В пути пассажир в очень урезанном виде является покупателем, пешеходом, носителем профессии.

Но у путешественника есть и преимущества: ознакомление с широким «внешним» пространством (за пределами вагона или самолета), свобода общения в ситуации повышенной анонимности (исповедь перед случайным соседом), возможность беспрепятственно подумать о главных вопросах своей жизни. Личность освобождена и от мелочного контроля плотной привычной социальной среды (друзей, родственников сослуживцев). Путешествие располагает к мыслям о прошлом и, возможно, к переосмыслению его. Таков настрой одного из самых ранних русских романсов на «железнодорожную тему», созданного В. Абазой на стихотворение И.С. Тургенева «В дороге»:

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно забытые.*

<...>

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое* [13, с. 42].

Путешественник получает больше возможностей осознать свои потребности, не удовлетворяемые, подавленные в обычных обстоятельствах, обратиться к обсуждению рискованных тем и собственных сомнительных поступков. И железнодорожный вагон начинает напоминать исповедальню. О своем страшном преступлении (убийстве жены) рассказывает незнакомому спутнику герой «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. О своей напряженной и болезненной любви сбивчиво, лихорадочно вспоминает Рогожин перед князем Мышкиным в дороге на первых страницах романа Ф.М. Достоевского «Идиот», что служит завяз-

кой трагического сюжета. «Завязался разговор. Готовность белокурого молодого человека в швейцарском плаще отвечать на все вопросы своего черномазого соседа была удивительная и без всякого подозрения совершенной небрежности, неуместности и праздности иных вопросов» [14, с. 6]. Эмоциональная открытость – большое дело. Способность к сильному сопереживанию, духовное величие Мышкина немедленно разрушило барьер между ним, нищим и больным скитальцем, и наследником миллионного состояния – мрачным и страстным купцом Рогожиным, который навсегда полюбил своего случайного собеседника. Чем был силен князь Мышкин? Он обладал необычайным талантом сопереживания. И любой собеседник князя чувствовал в нем свое второе Я.

Заключение

Если учесть, что транспортировка как способ преодоления пространства и «сокращения» расстояния между взаимодействующими субъектами (т. е. как способ сжатия времени, необходимого для осуществления этого вза-

имодействия) имеет своей идеальной целью стяжение всего общества в единую точку, то всю историческую эволюцию транспорта можно условно представить как постепенное приближение к этой цели. У общества гораздо больше шансов достичь максимально желаемого социоэкономического результата, если все планируемые взаимодействия отдельных элементов происходят в наиболее короткое время (какими бы расстояниями они не были разделены). Существует много гипотетических построений, анализирующих перспективы человечества на различных стадиях его будущего развития, – от достаточно «приземленных» до самых смелых научно-фантастических вариантов, таких, например, как «надфизический» итог развития человечества в концепции Тейяра де Шардена – слияние с Богом в точке Омега, венчающей эволюцию земной цивилизации. Но это уже какой-то качественно иной переход, снимающий (радикально трансформирующий) основные параметры цивилизации, в том числе ее важный элемент – транспортную систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ухтомский А.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1950.
2. Березовская И.П. Феноменология поступка: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005.
3. Подуст С.Ф. Транспорт в поле культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2001.
4. Шипунова О.Д., Мурейко Л.В. Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 93–101. DOI: 10.5862/JHSS.250.11.
5. Мандельштам О.Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси: Мерани, 1990.
6. Житие Аввакума и другие его сочинения. М.: Сов. Россия, 1991.
7. Аллавердов В.М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология, т. 1). СПб.: ДНК, 2000.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
9. Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1985.
10. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1988.
11. Айтматов Ч. И дольше века длится день. СПб.: Азбука-классика, 2003.
12. Стивенсон Р.Л. Остров сокровищ. URL: http://librebook.ru/treasure_island (дата обращения: 01.02.2017).
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений. В 28 т. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1960.
14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973.

Березовская Ирина Петровна

E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Иванов Михаил Васильевич

E-mail: mvifp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.06.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.A. Ukhtomskiy, *Sobranie sochineniy* [Complete works], in 3 vol., of vol. 1, Leningradskiy univ. Publ., 1950.
- [2] Berезовская I.P. *Fenomenologiya postupka. Dokt. dis.* [The phenomenology of the act. Doct. diss.], St. Petersburg, 2005.
- [3] S.F. Podust, *Transport v pole kul'tury. Avtoref. kand. dis.* [Transport in the field of culture. Abstr. cand. diss.], Rostov-na-Donu, 2001.
- [4] O.D. Shipunova, L.V. Mureyko, [Cognitive scenarios in the design of mass consciousness], *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 3 (250) (2016) 93–101. DOI: 10.5862/JHSS.250.11.
- [5] O.E. Mandelshtam, *Stikhotvoreniya. Perevody. Ocherki. Stat'i* [Poems. Translations. Essays. Article], Merani, Tbilisi, 1990.
- [6] *Zhitiye Avvakuma i drugiye yego sochineniya* [The life of Avvakum and other of his works], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 1991.
- [7] V.M. Allakhverdov, *Soznanie kak paradoks (Eksperimental'naya psikhologika, t. 1)*. [Consciousness as a paradox (Experimental psychology, of vol. 1)], DNK Publ., St. Petersburg, 2000.
- [8] M.M. Bakhtin, *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1975.
- [9] A.S. Pushkin, *Sochineniya* [Complete works], in 3 vol., of vol. 1, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1985.
- [10] I.A. Bunin, *Sobranie sochineniy* [Complete works], in 6 vol., of vol. 4, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1988.
- [11] Ch. Aytmatov, *I dol'she veka dlitsya den'* [And lasts longer than a century tribute], Azbuka-klassika, St. Petersburg, 2003.
- [12] R.L. Stivenson, *Ostrov sokrovishch* [Treasure Island]. Available at: http://librebook.ru/treasure_island (accessed 01.02.2017).
- [13] I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works], in 28 vol., of vol. 1, Nauka, Moscow, Leningrad, 1960.
- [14] F.M. Dostoyevskiy, *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works], in 30 vol., of vol. 8, Leningrad, 1973.

Berezovskaya Irina P.

E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Ivanov Mikhail V.

E-mail: mvifp@mail.ru

Received 13.06.2017, accepted 7.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8406

УДК 930.85+008.2

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ТЕХНОГЕННЫХ УГРОЗ

И.В. Аладышкин, С.В. Ефремов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены категориальные основания проблемы безопасности современного общества, и в первую очередь ключевых понятий «безопасность», «опасность», «угроза» и «риск». Проанализированы причины и обстоятельства, в которых в отечественной историографии складывалась ситуация предельной неоднозначности и противоречивости трактовок опорных понятий вопросов безопасности. Особое внимание уделено ключевым историческим этапам трансформации представлений об опасностях и угрозах с возрастающей в них ролью техногенных измерений. На основе проведенного исследования авторами статьи предложен обобщающий вариант понимания дефиниции «безопасности» с определением условий ее использования. Они приходят к выводу о том, что мир отнюдь не стал безопаснее и что разветвленные и многоуровневые системы безопасности являются лишь следствием приумножения угроз и опасностей, порожденных социокультурными трансформациями прошлого столетия. В то же время идентификация качественно новых параметров технической действительности и тенденций ее дальнейшего развития в соотношении с окружающей средой и человеком должны вести к становлению таких исследовательских направлений, которые отвечали бы современным вариантам их восприятия.

Ключевые слова: опасность; техногенная угроза; риск; безопасность; техническая действительность

Ссылка при цитировании: Аладышкин И.В., Ефремов С.В. Проблемы безопасности в современном мире техногенных угроз // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 56–67. DOI: 10.18721/JHSS.8406

SECURITY PROBLEMS IN THE MODERN WORLD OF MAN-MADE THREATS

I.V. Aladyshkin, S.V. Efremov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with the categorial foundations for the problem of safety of the modern society and, in the first place, with the key concepts: 'safety', 'danger', 'threat' and 'risk'. We have analyzed the reasons and circumstances in which the basic concepts of safety have become extremely ambiguous and have gained contradictory interpretations in Russian historiography. Particular attention is paid to the key historical stages of transformation of the notions of dangers and threats with the growing role of technological dimensions in them. Based on the study, we suggest a generalized understanding of 'safety', defining the conditions for using the concept. It is concluded that the world has by no means

become safer, that branched and multi-level security systems are only a consequence of multiplying threats and dangers posed by the social and cultural transformations of the past century. At the same time, the identification of qualitatively new parameters of technological reality and trends of its further development in relation to the environment and mankind should lead to the formation of the research directions that would correspond to modern variants of their perception.

Keywords: danger; technological threat; risk; safety; technological reality

Citation: I.V. Aladyshkin, S.V. Efremov, Security problems in the modern world of man-made threats, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 56–67. DOI: 10.18721/JHSS.8406

Введение

Исторически широко известная и вполне тривиальная мысль о принципиальной противоречивости технико-технологического развития к исходу прошлого столетия превратилась в своего рода непреложный факт, не подлежащий сомнению. Редкий исследователь не приходит сегодня к соответствующим выводам, рассматривая технико-технологические процессы в социоприродном контексте. С одной стороны, техника позволяет человеку решать широкий круг проблем и задач, обеспечивает благосостояние населения и выступает, по сути, основанием современного общества. С другой стороны, с развитием техники количество проблем и нерешенных задач, подтачивающих основы этого общества, только увеличивается вместе с числом техногенных угроз и опасностей.

Лейтмотивом работы немецкого социолога У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну», ставшей классическим трудом в «рискологии», служило как раз убеждение в том, что в обществах позднего или высокого модернизма присущие им технико-технологические системы социально-экономических отношений отличаются систематическим воспроизводством угроз, опасностей и рисков [1]. Складывается впечатление дурной бесконечности, когда технологии, призванные разрешать те или иные проблемы, при их разрешении рожают новые проблемы, которые призваны устранять новые же технологии, и так без конца в круговороте технологий и проблем. Между тем подобное, крайне упрощенное, описание не учитывает присущих обозначенному круговороту тенденций к ускорению, расширению и усложнению как технологий, так и связанных с ними проблем.

Актуализация проблем безопасности в сложившихся условиях не вызывает удивления. В последние десятилетия закономерно росло количество исследований в данной области, что привело к определенной «научной моде», вносящей свои, далеко не всегда положительные, коррективы в научное пространство. К сожалению, пока количество не определяет качество исследований, что особенно заметно в отечественном интеллектуальном пространстве. Вне утилитарных установок прошлого (прежде всего советского прошлого с преобладанием прикладной конкретики охраны труда, пожарной, гражданской и других безопасностей, заканчивая государственной) изучению теории безопасности и серьезной ее историко-философской рефлексии уделялось незначительное внимание. Например, далек от решения один из главных вопросов данной сферы научного пространства: что же есть опасность/безопасность и что понимать под угрозами и рисками? Впрочем, проблемам категориальных оснований, терминологии, этимологии и генезиса соответствующих понятий посвящается всё больше статей, в последние годы усилился интерес и к западным категориальным параметрам вопросов безопасности [2–4 и др.].

Постановка проблемы и цели исследования

Всплеск интереса к природе феномена безопасности во всем многообразии его проявлений пришелся на сложный для отечественной науки период. Пересмотр прежних постулатов, освоение западных наработок и качественное обновление теории в постсоветском интеллектуальном пространстве — всё это оказалось скоропостижным и в известной мере хаотич-

ным. Последнее неизбежно влекло за собой некоторое снижение научного уровня изучения как частных нюансов, так и общей теории безопасности.

Конечно, недоработанность является закономерным этапом становления любой теории. Следует учитывать также, что теория безопасности как область исследований – разноуровневая конструкция, предназначенная для отражения в понятиях неоднородных «пластов» действительности. Однако бесчисленные за последние десятилетия попытки вписать ее в современный социокультурный контекст за счет «обогащения» разнородными, якобы отвечающими текущим реалиям, концептуальными ингредиентами без прочного теоретико-методологического фундамента обернулись лишь бессистемностью и сумятицей. Неуклонно расширяющийся круг вопросов по безопасности лишился единого понимания объекта изучения, а соответственно и прочной методологической базы исследований и управленческих документов доктринального статуса, в адрес которых слышны сплошные упреки в невыверенности понятийного аппарата и «разночтении многих основополагающих терминов».

В отечественном техноведении для термина «безопасность» до сих пор не выработано четкого и строгого определения. Безопасность рассматривается то как цель, то как концепция или научная программа. Мало того, в конкретных областях технической мысли в разрешении вопросов безопасности имеют дело с набором различных проблем и с различными историческими и философскими контекстами. Цель настоящего исследования видится в попытке ответить на вопрос: как следует понимать безопасность, чтобы использовать ее в качестве опорной категории? Не менее важным представляется и вопрос о том, какую роль в современном обществе играют различные содержательные характеристики терминов «опасность» и «угроза»?

Методология

Схожая ситуация сложилась и в методологии исследований рассматриваемой научной области, где законодательная практика в известной степени опережает науку. По крайней мере, для значительной части исследователей в интерпретации безопасности чуть ли не по-

следней инстанцией долгое время являлся федеральный закон «О безопасности» в редакции 1992 г., в котором безопасность предстает состоянием «защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [См.: 5, с. 193]. Не говоря уже о том, что законодательная практика отнюдь не является методологическим основанием для теоретической работы, скорее наоборот, приведенное, весьма аморфное, определение безопасности апеллирует чуть ли не ко всем мыслимым угрозам. Тем более «интересы личности, общества и государства» в силу субъективности и чрезвычайной изменчивости не могут быть определены с требуемой для юридической практики точностью, поэтому выстраиваемые на основании данного закона интерпретации, как правило, далеки от «работающих» дефиниций.

В результате отличительной особенностью многих современных исследований остается так называемое «допредметное» состояние целого ряда ключевых понятий и определений. Неопределенность и многозначность их содержания и объема, остатки узкоутилитарного подхода способствуют актуализации в относительно рационализированном виде расхожих представлений обыденного порядка с известной долей идеологизированности, морализаторства и мифотворчества. Нередко содержание безопасности заменено ссылками на толковые словари «живого языка» Даля, Ожегова и др., громоздкими схемами и таблицами или же перечнями разновидностей безопасности (а насчитывается их уже не один десяток) с внушительными списками угроз, в хитросплетениях которых окончательно теряется содержание основополагающей категории.

Складывается впечатление, что рассматриваемой области научных изысканий недостает как минимум конкретики и унификации категориальных оснований проводимых исследований. Представляется, что существенным подспорьем необходимой категориальной конкретизации может послужить эвристический потенциал интеллектуальной истории и истории понятий с сопутствующим набором лингвистических, социально-психологических методов или методов семиотики. В целом наработки последних лет в области неклассической эпистемологии и лингвистической аналитики,

которые также использовались в проводимом исследовании, удачно согласуются с изучением содержательных, контекстуальных аспектов интерпретации терминов вопросов безопасности и той роли, которую они играют в современном техногенном обществе.

Результаты исследования

Утверждение амбивалентности технико-технологического развития сопровождалось признанием очевидной насущности если не системы управления технической действительностью (надежды на полноправный контроль и управление давно в прошлом), то хотя бы осмысленных, корректирующих и направляющих воздействий на нее. В любом случае констатировалась ситуация, когда масштаб технико-технологических процессов делает их неконтролируемостью опасной, не говоря уже о глубинных техногенных изменениях окружающего мира, грозящих потерей социоприродного равновесия [6]. В то же время ограниченность необходимых для технологической переработки естественных ресурсов ведет к неизбежным ограничениям и качественным, но пока слабо различаемым трансформациям как технико-технологических, так и зависимых от них социокультурных систем. Подобные нюансы технического праксиса, во всеуслышание заявившие о себе во второй половине прошлого столетия, вызывали всё больше опасений [7] и с небывалой остротой утверждали необходимость своевременного и как можно более полного предвидения совокупности влияния техники на общество, человека и природу. Что только не предрекали обществу и миру в целом на исходе прошлого тысячелетия!

Однако со временем относительность средне- и долгосрочных прогнозов становилась очевидной, а многочисленные исследования только подтверждали, что точность прогностики в отношении технических систем невелика, особенно в условиях аккумулятивного характера усложнения технической организации, изменяющего законы самого развития и ускоряющего его темпы. Подчас поражающая эффективность и популярность прогнозов лишней раз указывают на то, что зависят они не столько от степени совпадения с искомым будущим, сколько от адекватности представлениям о нем, доминирующим на момент прогнозирования. Про-

гнозы адресуются человеку настоящего, а для человека будущего они важны совершенно в ином качестве, подобно тому, как сегодня вызывают некоторый интерес предсказания прошлых столетий. Те или иные прогнозы потому и правдоподобны, что укладываются в систему представлений о будущем современного человека, они придают ему уверенности (пусть даже в ожидании худшего), служат подспорьем в его деятельности и оправданием тех или иных форм технической активности.

К сожалению, ни предвидеть, ни представить, что будет через какой-то промежуток времени, пока невозможно. Техника влечет за собой всё больше именно непредвиденных последствий, «внешних» факторов, которые нельзя ни прогнозировать, ни контролировать. Именно это и вызывало всё больше беспокойства, подогреваемого осознанием степени технико-технологической зависимости современного общества [8]. Чем более прогрессирует техника, тем больше она создает противоречий, препятствий, несовершенств: загрязнение окружающей среды, истощение невозобновляемых ресурсов, глобализация потенциальных опасностей, мгновенность мощнейших разрушений... Перечислять можно долго. Непрерывная интенсификация и расширение масштабов хозяйственной деятельности человека, сопровождаемые неуправляемым ростом производства и нарушением экологического равновесия, грозили и по-прежнему грозят невиданными техногенными коллизиями.

Увеличивающееся число стихийных бедствий, аварий и катастроф с многочисленными человеческими жертвами, огромными материальными потерями и нарушениями условий жизнедеятельности поддерживало в конце прошлого столетия возраставший алармизм и феномен «великого страха» в открывавшемся мире опасностей и угроз. Однако опасности и угрозы всегда сопутствовали жизнедеятельности человека и неотступно сопровождали развитие общества. Им давали различные имена и названия, они персонифицировались или отождествлялись с конкретными явлениями окружающего мира, но всё же их объединяло то, что они вынуждали задумываться и принимать конкретные меры по безопасности рода, семьи, человека, их прав и собственности, охране социальных институтов и правопорядка, а в

конце концов и по безопасности окружающего мира. Будучи по сути своей вечными вопросами, вряд ли предполагающими окончательное разрешение, вопросы безопасности приобрели в современном обществе иные масштабы и иной социальный статус.

В условиях становления глобального коммуникационного пространства часть опасностей и угроз «высвободились» из локальных контекстов с определенной пространственно-временной привязкой и приобрели мировой масштаб, угрожая не отдельным индивидам, социальным группам, а нациям, населению государств и мира в целом [9, с. 19–20]. Изменения заключаются не просто в увеличении количества и масштабов опасностей, а прежде всего в смене позитивной логики общественного развития на негативную. Мышление в понятиях опасности, угроз и риска превратилось в свойство и экспертного, и массового сознания. Логика непрерывного обновления, лежащая в основе современной культуры, беспрерывно воспроизводит всё новые опасности, причем производство это вполне легитимное, включенное в экономику, политику и осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества. Общество осознает себя в соответствующих категориях, при этом признается, что опасностями чревата любая ситуация, а бездействие также рискованно, как и инновационное действие. Будущее и настоящее сравнивались в том, что они всё чаще переживаются в форме риска, осознанной возможности угроз и опасностей [10, 11].

Однако гипертрофированный катастрофизм в новом тысячелетии заметно ослаб. В условиях торжества презентизма наметился своеобразный поворот от переживания о будущем к заботе о настоящем, от прогнозов угроз грядущего к наличным проблемам и конкретным мерам по их разрешению, которые в конечном итоге предлагаются в качестве предупреждающих мер. Прежние прогнозы и сформулированные ими угрозы утратили свою остроту, к ним привыкли, потребовались новые ориентиры, чтобы регулировать настроения общественности. Исследователи не заставили себя ждать, и в последние десятилетия наблюдается своеобразная рокировка научных приоритетов: на первый план вышли вопросы текущей безопасности, заметно потеснившие во многом самодостаточное смакование грядущих несчастий и катастроф.

Угрозы, опасности и, как следствие, проблемы безопасности, давно превратившись в институализированную составляющую жизни общества, в современных условиях приняли статус универсальных социальных и соответственно личностных характеристик [12]. Современное общество – своеобразный заложник порожденных им угроз и опасностей, заложник, который печется не столько о процветании, сколько о сохранении. Причем это сохранение чисто техническое (техника безопасности, технологии защиты, опека технических систем и т. д.), да и ведет оно лишь к дальнейшему наращиванию технико-технологического потенциала. Ведь бóльшая часть опасностей, как и перспективы их преодоления, так или иначе связаны с технико-технологическими составляющими современного общества. Так что же понимают под технико-технологической безопасностью или, согласно принятому в отечественном научном пространстве обороту, техносферной безопасностью?

Под безопасностью часто понимают, в согласии с официальными установками, некую «защищенность» потребностей или интересов личности, общества и государства, произвольно дополняемых соотносимыми с ними техническими процессами, различными элементами технической инфраструктуры и окружающей среды. Определение безопасности, обыгрывающее защищенность, сводится к состоянию любого объекта, в котором ему не угрожает опасность [13, с. 95]. Однако мыслима ли абсолютная защищенность, как и полное отсутствие опасностей? Соответственно определение на проверку апеллирует к некоей идеальной ситуации, в которой безопасность выступает как желательная, но недостижимая цель.

Против подобной интерпретации выступают исследователи, придерживающиеся деятельностного подхода и склонные видеть в безопасности не состояние защищенности, полагая, что она вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность представляется ими в качестве деятельности или своеобразного ее аспекта [14]. Обеспечение безопасности выступает активностью ее субъекта (личности, социальных институтов, государства и т. д.) во внешней среде с целью самосохранения посредством целесообразной адаптации к ее условиям или целесообразного ее изменения

и преобразования. Иными словами, обеспечение безопасности оказывается созданием благоприятных условий, т. е. таких условий, которые субъект в состоянии контролировать в процессе своей деятельности. Если безопасность есть определенный, соотносимый с конкретным субъектом, в конкретном времени и месте набор условий, тогда встает вопрос о критериях безопасности тех или иных условий и принципов соотнесения.

Всё же следует признать, что термин «безопасность» выстраивается на представлениях об опасностях, но в их отношении действуют те же силы неопределенности и многозначности. С одной стороны, под опасностью часто понимают потенциальную возможность возникновения процессов или явлений, способных вызывать поражение людей, наносить материальный ущерб и разрушительно воздействовать на окружающую атмосферу. С другой стороны, в опасности видят угрожающее событие, вероятность возникновения потенциально разрушительных явлений или же ситуацию, процесс, свойство, состояние окружающей среды, при котором это оказывается возможным. В результате остается только недоумевать, что же такое опасность – состояние, ситуация, свойство или событие? Более широкие определения опасности вносят еще больше неопределенности. Предлагая, например, считать опасность «негативным свойством живой и неживой материи, способным причинять ущерб самой материи: людям, природной среде, материальным ценностям», такие определения по сути предлагают видеть в ней любые проявления живой и неживой материи.

В любом случае понятие опасности таит не меньше противоречий и вряд ли внесет ясность в вопросы безопасности. Насколько вообще оправданно надеяться на формулировку универсальных определений столь сложных и многозначных категорий, как «опасность»/«безопасность», которые непротиворечивым образом объясняли бы все случаи их употребления применимо и к производственным процессам, и к космическим полетам, и к личности, ее здоровью, состоянию, правам, свободам, и к многообразию окружающей среды? Конечно, универсальных определений ждать не стоит, но возможность частичного примирения различных точек зрения вполне реальна.

Феномен безопасности, как и опасности, дуален, так как предопределен принципами самосохранения и особенностями форм их проявления в человеческой жизнедеятельности. Пытаясь в определениях подобных категорий дать некие объективные и универсальные характеристики, нередко забывают одну существенную деталь – социокультурную природу безопасности, как и самих опасностей, рисков и угроз. В этом плане аналитические модели отечественных исследователей подчас разительно отличаются от исследовательских практик западных коллег. Иллюстративным примером могут служить британские авторы, склонные к поиску не объективных и непреложных характеристик опасности, рисков и угроз, а скорее социокультурных параметров последних. Так, по мнению известного британского исследователя М. Дуглас, изучение опасности и риска бесполезно без учета культурологических особенностей общества [15], а Э. Гидденс к этому условию добавил бы еще и конкретную «социальную среду» [11].

Представления об опасностях и возможной ситуации/состояния их отсутствия имеют свое начало, и этим началом выступает человек. Вместе с ним они появились на свет, и эволюция опасностей и защиты от них задана социальной и культурной динамикой, характером развития общества. Те или иные процессы могут быть сколь угодно разрушительными, определенные ситуации и возможности могут таить любые деструктивные силы, но вне их фиксации в качестве опасных процессов, ситуаций и возможностей опасностями, угрозами и рисками они не станут. Имеет ли место опасность вне ее фиксации? Может ли идти речь о безопасности вне ее артикуляции? Человек попросту не способен столкнуться с опасностью вне своих представлений о ней, люди могут быть окружены со всех сторон разрушительными для них силами, сами быть таковыми по отношению друг к другу, но именно опасности в них они не распознают.

Определения же опасностям, как правило, дают с точки зрения конечного результата, будто они не поддаются причинному объяснению и не нуждаются в нем, тогда как содержание понятия опасности обусловлено в первую очередь конкретным носителем содержания и его социокультурной средой, а не произвольными «внешними», «независимыми» от сознания па-

раметрами (что полагаются тем же сознанием). Причем социокультурная природа опасности примиряет и объясняет все мыслимые ее облики (состояния, процесса, ситуации, возможности и т. д.), позволяя не впадать в сомнительные разграничения объективной (данных вне представления человека, определенных социальных институтов, общества) и субъективной безопасности (представлений субъекта о совокупности условий как безопасных, в действительности могущих такими и не являться).

Безопасность связана прежде всего с носителем данной категории (отдельный человек, группа людей, социальные институты и практики) и его представлениями о себе и окружающем мире. И не столь важно, что оказывается объектом безопасности — права личности, государственное имущество, окружающая среда, производственные процессы или же тривиальная безопасность дорожного движения. В любом случае безопасность будет деятельностью и достигаемыми результатами (ситуацией, состоянием, условиями) в выявлении, предупреждении, ослаблении, устранении (ликвидации) и отражении того, что принимается как опасность, угроза или же неприемлемые риски на основе культуры компромисса по поводу благополучия. В данном случае компромиссом оказываются как общепринятые нормы, так и индивидуальные предпочтения, как официальные документы и государственные организации, так и частные усилия. Все они тесно взаимосвязаны и предстают своего рода взаимными уступками, а следовательно, они компромиссны.

Забота о собственной безопасности и безопасности близких на протяжении всей истории человечества была краеугольной и неотъемлемой составляющей жизни человека. Забота о собственной безопасности на всех уровнях неизменно оказывалась среди ключевых приоритетов существования любого социального организма, будь то первично-родовые коллективы или же сложные формы современных государственных образований. Извечная, ревностная забота и не дает избавиться такие категории, как «опасность», «угроза», «риск», от социально-психологического «привкуса». И если в отношении категорий избавление все-таки возможно, то сами опасности, угрозы и риски так и останутся уделом специфики восприятия данных, наличных, либо гипотетических усло-

вий. Ведь не избавиться от изменчивости восприятия условий, всегда есть возможность их разночтения: как угрозы, опасности, так и отсутствие таковых.

Социокультурную относительность понятия «безопасность» подтверждает историческая изменчивость мира угроз и опасностей. Эволюция этого мира разворачивается не столько в открытии, сколько в порождении всё новых форм опасностей и противостоянии им. Современная номенклатура опасностей включает в себя свыше 150 наименований (и при этом не считается полной) с десятками классификаций (по источникам происхождения, локализации, последствиям, ущербу, сферам проявления, поражающему фактору и т. п.).

Собственно основные потенциальные источники опасностей остаются неизменными с момента появления на свет человека и зачатков его технического праксиса. Однако история распознавания, фиксации, интерпретации опасностей и борьбы с ними довольно многообразна и таит немало химер, подчас даже теснивших куда более реальные угрозы. В современном мире мало кто всерьез опасается гнева богов, действий черных магов, потусторонних сил, и вместе с тем несколько десятилетий назад наблюдался всплеск интереса к НЛО и связанным с ними иллюзорным угрозам. Если отбросить подобные «несерьезные» примеры и обратиться к серьезной научной сфере, то и там разносортных фантомов окажется немало. Сколько было прогнозов весьма уважаемых специалистов и еще большего числа их уважаемых апологетов, безуспешно предрекавших уже наступившее настоящее, с теми или иными якобы неминуемыми экономическими, военно-политическими или же техногенными параметрами, тех прогнозов, что так и остались далеки от реальности. А ведь все они в зависимости от времени, места, своей убедительности и правдоподобности рождали соответствующие опасения и опасности, все они содержали целый букет угроз, которые на время захватывали умы ученых, политиков, военных, а то и широких слоев населения. Но вопрос не столько даже о порожденных в разные времена химерических опасностях, коих всегда было и будет предостаточно. Вопрос о куда более реальных, и в первую очередь техногенных, опасностях, исторически заверивших свою состоятельность. Они также претерпевали

качественные изменения, играли разные исторические роли, первоначально практически не обращая на себя внимание, а впоследствии оказались на авансцене общественных настроений. Поэтому стоит попробовать выделить как минимум основные исторические этапы возраставшей роли и трансформаций техногенных опасностей согласно приведенной выше их классификации.

При обращении к началу начал, к первобытному миру, зажатому в исходной природной среде, видно, что последняя как раз и представляла тогда наибольшую угрозу. В мире, изобилующем проявлениями разрушительных сил природы, общество с относительно низким развитием инфраструктуры неизбежно пребывает в «естественной» зависимости от изначальных природных уз. В то же время неразрывная связь первобытного человека и в известной степени самоотождествление с окружающей природой лишали его возможности выделить и придать самостоятельное значение этим опасностям. Для аграрного общества с первичными формами производящей экономики и обусловленностью хозяйства «естественными» факторами его развития природные опасности также играли определяющую роль. Со временем общественное развитие стало выдвигать на первый план группу опасностей, связанную с социально-политическими их источниками (вооруженными конфликтами, экономическими, общественно-политическими кризисами и т. д.). Техногенные опасности, формирование которых оправданно отсчитывать с изначального становления технического праксиса человека (т. е. с момента появления самого человека), оставались в тени и долгое время не играли существенной роли. Это связано со многими причинами, но прежде всего с низким уровнем развития и обособления технико-технологических практик в картине окружающего мира, подчиненностью социоприродным порядкам и неустойчивостью технической инфраструктуры, легко разрушаемой социальными, военно-политическими коллизиями, миграционными процессами или же природной стихией.

Приоритеты в идентификации опасностей предопределяли и особенности представлений о безопасности, что в различных своих эквивалентах формируются опять же с появлением человека, изначально поглощенного защитой

от сил окружавшей его природы. Хотя следует согласиться с М.Ю. Зеленковым, отмечавшим, что в глубокой древности понимание человеком безопасности не выходило за рамки обыденного представления и трактовалось им просто как отсутствие для него опасности или зла [16, с. 23]. В таком житейском значении термин «безопасность» употреблялся, например, древнегреческим философом Платоном. В то же время эти представления обесценивались в свете представлений о судьбе и всеобщей предопределенности, о цикличном развитии космоса, общества, человека и культуры, к которым тяготело мифологическое сознание.

Формированию самозначимых представлений о безопасности мешали не только обусловленность бытия естественными началами и доминирование в сознании порядков предстания. Свою роль в этом играли преобладание бессознательной адаптации к окружающей среде при низком уровне развития технического праксиса и оформления социально-политических интересов, давление коллективных порядков при незначительности отдельной человеческой жизни. В результате опасности, меры предупреждения и борьбы с ними не получали какого-либо концептуального выражения, оставаясь имплицитными элементами дискурса, лишены самостоятельного значения в общем контексте жизни человека и общества. К тому же все сферы доиндустриального общества были так или иначе вписаны в господствовавшие тогда формы мифологического и религиозного сознания, которым сопутствовали неотрафелированность, непосредственность и характерный иррационализм.

Предпосылки формирования научного дискурса безопасности с отдельными аналитическими категориями складывались, по сути, одновременно с формированием самой науки. Возможно, одной из первых известных современной науке областей, где наметилась постановка вопросов о безопасности в том ключе, который хоть как-то согласовался с современным комплексом техникосознания, стала античная медицина, обратившаяся к проблемам безопасности труда и здравоохранения, получившим свое дальнейшее развитие уже в Средние века. Основы же общей теории безопасности изначально складывались в социально-политической и экономических науках с частными

дополнениями анализа технико-технологических процессов. По крайней мере, в истории европейского мышления дальнейшее развитие представления о безопасности связано в первую очередь с социально-политическими аспектами (защита политического суверенитета, интересов религиозно-политических институтов и территорий, сословных привилегий, жизни и собственности населения), а также с определенными социально значимыми формами деятельности (ремесла, торговли и т. д.). Хотя в Средние века под безопасностью понимали и спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении термин не вошел прочно в лексику народов Европы и до XVII в. использовался редко [16].

В научных и политических кругах западноевропейских государств широкое распространение понятие «безопасность» получило благодаря работам Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спинозы и других мыслителей XVII–XVIII вв., означая состояние, ситуацию спокойствия, появляющуюся в результате отсутствия реальной опасности (как физической, так и моральной). Тогда же предпринимались первые попытки теоретической разработки этого понятия. Так, австрийский экономист, государственный и общественный деятель Й. Зонненфельс (1732–1817) считал, что безопасность – это такое состояние, при котором никому нечего опасаться. При этом он выделял личную (частную) и общественную (государства) безопасность. Акценты опять же ставились на те продуцируемые деятельностью самого человека и социальных групп опасности, которые были связаны с социально-политическими аспектами.

Ситуация менялась по мере повышения роли техники и возрастания зависимости от нее ключевых социально-политических процессов, а со временем и состояния окружающей среды. Поступательная урбанизация и рост/усложнение промышленной сферы в Новое время закономерно вели к ускорению развития пожарной безопасности, санитарии и гигиены. Следом в отдельное направление анализа в XVIII–XIX вв. оформилась техника безопасности на производстве (отдельные же, разрозненные ее элементы теряются в глубине веков), получившая широкое распространение в условиях

промышленной революции и форсированного развития промышленной инфраструктуры.

Логика экономического и социально-политического развития с растущими затратами на техническое оснащение производства и иных ключевых сфер жизни общества, образование, рост уровня самосознания и запросов населения требовали качественных изменений государственной политики в области здравоохранения, охраны труда, экономической и правовой безопасности. Всепоглощающий характер индустриализации утверждал одно из доминирующих отныне направлений анализа опасностей – это охрана труда в производственной сфере заодно с усовершенствованием и законодательно-правовой системы обеспечения безопасности имущества, в частности того же производства.

Техника и технологии создавали возможности для наращивания производства и удовлетворения материальных нужд в масштабах, каких человечество еще не знало. По мере углубления промышленного переворота техника пронизывала и подчиняла себе все сферы деятельности, превращаясь в доминирующий фактор развития, и, как следствие, она продуцировала основные проблемы и противоречия этого общества. Новоевропейская индустриальная культура постепенно концентрировалась на проблемах техногенного характера. Расширявшаяся технизация общества и оправдание установок на технико-экономическую результативность преобразования внешнего мира предопределили уже в XX столетии утверждение технико-технологических доминант и в системе безопасности. На это же время пришлось становление развитой системы научных исследований и образования в области безопасности.

Между тем эстафета опасностей в XX в. только ускорялась. Социально-политические коллизии, достигнув к середине века пика своего влияния, в условиях НТР и усиливающегося технопессимизма уступали место техногенным опасностям с осознанием практической беззащитности человечества перед лицом технико-технологической экспансии [17, с. 27–54]. Всё более наглядными становились негативные последствия расширения природохозяйственной деятельности человека, усиливавшие внимание к проблемам экологии, что привело к становлению экологической безопасности в качестве научного и практического направления.

Артикуляция самого представления о техногенном характере развития, растущие сомнения в технико-технологических перспективах и усиливающаяся критика связанной с ними системы ценностей внесли существенные коррективы в принципы разграничения опасностей. Стиралась прежде столь четкая грань между природными источниками опасностей и теми, что порождены деятельностью человека, будь то социально-политические конфликты или же техногенные противоречия. За редким исключением (например, часть космических источников опасностей), в современном мире все опасности оказываются тесно взаимосвязаны. Даже конкретные проявления природной стихии на поверку оказываются сопряжены с деятельностью человека и его влиянием на биосферные процессы.

Заключение

XX столетие ознаменовалось рядом иных качественных изменений, которые коснулись как практики обеспечения безопасности, так и общих параметров ее восприятия. Речь идет, с одной стороны, о становлении международной системы безопасности, а с другой — об упоминаемых изменениях социального статуса опасностей, в частности их глобализации. В последние десятилетия всё чаще ставится вопрос о необходимости выработки концепции глобальной безопасности как системы взглядов, идей, целевых установок, объединенных одним определяющим замыслом ее обеспечения в условиях глобализации техногенных процессов. Сегодня итогом долгой истории проблем безопасности можно считать то, что вместо разрозненных образов и практик она выступает в виде многообразия правовых, законодательных и нормативно-технических порядков, реализуемых широкой сетью институтов и органов локального (государственного, регионального, областного и т. д.) или же международного уровня. Именно они вырабатывают и закрепляют конкретные социально значимые формы и направления разрешения соответствующих вопросов и определяют отношение к ним широких слоев населения. И, видимо, неоднозначность и противоречивость категориальных основ научного изучения проблем безопасности в России отражает, кроме прочего, и соответствующее состояние конкретных

государственных структур, отвечающих как за научное пространство страны, так и за вопросы ее безопасности.

Так стал ли мир безопаснее? Отнюдь. Это признает большинство современных исследователей [18]. Разветвленные и многоуровневые системы безопасности — это лишь следствие приумножения угроз и опасностей, порожденных социокультурными трансформациями прошлого столетия. Сферой опасностей (ноксосферой) занимается уже отдельная наука, оформившаяся в последние десятилетия, — ноксология. И, что примечательно, одним из ключевых ее постулатов выступает фиксация утраты господствующего значения биосферы в населенных людьми регионах, где та замещается техносферой с преобладанием техногенных опасностей.

Вопросы безопасности не случайно превратились в ключевые болевые точки современного сознания, в вопросы, определяющие текущую реальность. Информационная и военная, государственная и промышленная безопасность... Спектр направлений ее обеспечения и анализа всё расширяется — их количество приближается к полусотне и только продолжает расти. Идентификация качественно новых параметров технической действительности и тенденций ее дальнейшего развития в соотношении с окружающей средой и человеком должна вести к становлению тех исследовательских направлений, которые отвечали бы современным вариантам их восприятия. Тогда оформление ноксологии или же техносферной безопасности как новых научных направлений оказывалось бы вполне закономерным. Однако ситуация в отношении изучения угроз, опасностей и рисков, как и связанных с ними разнородных вариантов безопасности, выглядит несколько иначе. Признав историчность представлений о безопасности, ученым следовало бы попытаться выработать адекватные текущей ситуации категориальные измерения безопасности. Но нет. Наоборот, при анализе теоретических проблем безопасности российские исследователи, буквально смакуя все мыслимые недостатки в их изучении, повторяя и приумножая их под новыми вывесками, вновь и вновь сетуют на абстрактность, умозрительность, засилье административных норм и разрастание законодательной сумятицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
2. Алпеев А.С. Критически важные объекты. Терминология безопасности // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 72–76.
3. Гурлев И.В. Этимология и генезис термина «государственная безопасность» // Власть. 2013. № 2. С. 149–152.
4. Зорина Ю.В. Семантическая категоризация англоязычных терминов безопасности жизнедеятельности // Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. 2012. Т. 1, № 17. С. 41–45.
5. Волович В.Н. К вопросу об экологической безопасности страны // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 192–196.
6. Моисеев Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизации // Обществ. науки и современность. 1992. № 5. С. 89–91.
7. Кетов Ю.А. Перестройка представлений человечества о роли ноосферы в условиях разрастающейся технизации природы // Вестн. Пермского нац. исслед. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 2. С. 88–94.
8. Аладышкин И.В. Между традицией и новацией: о специфике постсоветского техноведения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 4. С. 47–51.
9. Чашин В.Е. Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме // Вестн. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1 (13). С. 18–25.
10. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.
11. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
12. Рукинов В.А. Общество и безопасность // Изв. РГПУ. 2010. № 124. С. 357–365.
13. Орлова А.В. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Науч. вед. Белгородского гос. ун-та. Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). Вып. 24/1. С. 93–97.
14. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1. С. 72–73.
15. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об оскверненности и табу / пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 288 с.
16. Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. М.: Изд-во Юр. ин-та МИИТа, 2002. 209 с.
17. Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. 250 с.
18. Матюх Е.Т. Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 33–37.

Аладышкин Иван Владимирович

E-mail: i-bez@yandex.ru

Ефремов Сергей Владимирович

E-mail: umk-tb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.07.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] U. Bek, [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. On the way to another modernity], Progress-Traditsiya, Moscow, 2000.
- [2] A.S. Alpeyev, [Critical objects. Security Terminology], Voprosy kiberbezopasnosti, 4 (17) (2016) 72–76.
- [3] I.V. Gurlev, [The etymology and genesis of the term “state security”], Vlast’, 2 (2013) 149–152.
- [4] Yu.V. Zorina, [Semantic categorization of English terms of health and safety], Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 17 (1) (2012) 41–45.
- [5] V.N. Volovich, [On the issue of environmental security of the country], Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana), 1 (2012) 192–196.
- [6] N.N. Moiseyev, [Natural factors and crises of civilization], Obshchestvennyye nauki i sovremennost’, 5 (1992) 89–91.
- [7] Yu.A. Ketov, [Restructuring concepts of mankind about the role of the noosphere in the conditions of an expanding mechanization of nature], Vestnik Permskogo natsional’nogo issledovatel’skogo politicheskogo universiteta. Kul’tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo, 2 (2016) 88–94.

[8] I.V. Aladyshkin, [Between tradition and innovation: the specifics of post-Soviet technological studies], *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*, 4 (2015) 47–51.

[9] V.Ye. Chashchin, [Formation of ideas about global problems of the modern world in the information society and sources of speculation on this topic], *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 1 (13) (2013) 18–25.

[10] G. Bekhman, [Modern society as a risk society], *Voprosy filosofii*, 1 (2007) 26–46.

[11] E. Giddens, [Fate, risk and safety], *THESIS*, 5 (1994) 107–134.

[12] V.A. Rukinov, [Society and Security], *Izvestiya RGPU*, 124 (2010) 357–365.

[13] A.V. Orlova, [Evolution of the concept of “economic security”], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Informatika*, 19 (138) (2012) 93–97.

[14] E.P. Litvinov, [Philosophical foundations of the concept of security], *Prostranstvo i vremya*, 1 (2012) 72–73.

[15] M. Douglas, *Chistota i opasnost': analiz predstavleniy ob oskvernennosti i tabu [Purity and Danger. An analysis of the concepts of pollution and taboo]*, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, Moscow, 2000.

[16] M.Yu. Zelenkov, *Pravovyye osnovy obshchey teorii bezopasnosti Rossiyskogo gosudarstva v XXI veke [Legal basis of the general theory of the Russian state security in the XXI century]*, Yuridicheskiy institut MIITa Publ., Moscow, 2002.

[17] D.V. Yefremenko, *Vvedeniye v otsenku tekhniki [Introduction to the evaluation of technology]*, MNEPU Publ., Moscow, 2002.

[18] Ye.T. Matyukh, [“Risk society” theories in modern humanities], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 7 (2012) 33–37.

Aladyshkin Ivan V.

E-mail: i-bez@yandex.ru

Efremov Sergei V.

E-mail: umk-tb@mail.ru

Received 13.07.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

Философские и культурологические исследования

DOI: 10.18721/JHSS.8407
УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

В.А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются философская концепция всеединства (полноты знания) В.С. Соловьёва и вклад мыслителя в формирование профессиональной философии в России во второй половине XIX столетия. Дан анализ аргументов его магистерской диссертации, направленных против позитивистской программы развития научного знания. Выявлены общие для времени Соловьёва и нашего времени проблемы, связанные с перспективами развития науки и гуманитаристики. Исследуется отношение религиозных установок, философского и научного знания. Прояснена роль практической (нравственной) философии в общем концептуальном контексте философии В.С. Соловьёва. Определено актуальное значение его философии в вопросе перспективы развития современного гуманитарного знания. Автор статьи приходит к выводу, что благодаря философии Соловьёва проблема отношения философии, религиозной веры и науки (позитивного знания) предстает как конструктивная модель их возможного взаимного дополнения. Анализируется отношение мыслителя к ницшеанской философии и к философии Сократа и Платона.

Ключевые слова: главный позитивистский тезис; несовместимость метафизики и научного мышления; нравственная философия; умный (охранительный) консерватизм; аксиоматика; модель гипотетического знания; метафизические вопросы

Ссылка при цитировании: Серкова В.А. Философия образования и цельного знания Владимира Соловьёва // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 68–76. DOI: 10.18721/JHSS.8407

VLADIMIR SOLOVYOV'S PHILOSOPHY OF EDUCATION AND INTEGRAL KNOWLEDGE

V.A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper discusses Vladimir Solovyov's philosophical concept of unity (fullness of knowledge) and the philosopher's contribution to the formation of professional

philosophy in Russia in the second half of the 19th century. We have analyzed the arguments of Solovyov's master's thesis, directed against the positivist programme of development of scientific knowledge. We have identified the issues associated with the development of science and humanities common for Solovyov and our time. We have examined the relationship of religious attitudes, philosophical and scientific knowledge. We have clarified the role of practical (moral) philosophy in the general conceptual context of Solovyov's philosophy. We have detected the importance of Solovyov's philosophy for the prospects of modern humanitarian knowledge. It is concluded that thanks to Solovyov's philosophy the relation of philosophy, religion and science (positive knowledge) appears as a positive model for their possible interconnection. We have analyzed Solovyov's attitude towards Nietzsche's philosophy and towards the philosophy of Socrates and Plato, detailed in the "Life drama of Plato" and in his articles in the philosophical section of the Brockhaus and Efron dictionary.

Keywords: positivist thesis; incompatibility of metaphysics and scientific thinking; moral philosophy; experience of clever (conservative) conservatism; axiomatics; hypothetical knowledge; metaphysical questions

Citation: V.A. Serkova, Vladimir Solovyov's philosophy of education and integral knowledge, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 68–76. DOI: 10.18721/JHSS.8407

Введение

Владимир Сергеевич Соловьёв является одним из основоположников российской философской традиции. Не с него начиналась профессиональная философия в России, здесь достаточно вспомнить, что защита магистерской диссертации Соловьёва (а магистранту был всего 21 год) превратилась в серьезное духовное событие в университетской преподавательской среде. Но с Соловьёва начался «*большой стиль*» в российской философии, именно он наметил программу и определил тематический горизонт российского философского духовного искания. Об этом говорит замечательный русский философ А.Ф. Лосев и цитирует В. Розанова, а тот, в свою очередь, развивает мнение Л. Лопатина (мы, таким образом, опираемся на согласованную оценку сразу трех выдающихся русских мыслителей): «Все они, русские философы до Соловьёва, были как бы отделами энциклопедического словаря по предмету философии, без всякого интереса и без всякого решительного взгляда на что бы то ни было. Соловьёв, можно сказать, разбил эту собирательную и бездушную энциклопедию и заменил ее правильной и единоличной книгой, местами даже книгой страстной. По этому одному он стал „философом”» [1, с. 42].

Философии В.С. Соловьёва посвящено великое множество исследований. основополагающей фактологической базой сведений о творчестве Соловьёва, об обстоятельствах его жизни и интеллектуальном круге, в котором он вращался, является двухтомное исследование С.М. Лукьянова [2, 3]. Соловьёву посвящены работы Э.Л. Радлова, Е.Н. Трубецкого, К.В. Мочульского, изданные до революции 1917 г. Возможность утолить интерес к философскому наследию Соловьёва у современных исследователей появилась уже в конце 80-х гг. XX в. Новая традиция исследования работ мыслителя была заложена А.Ф. Лосевым. Сначала он написал небольшую биографию Вл. Соловьёва, а затем расширил ее и издал в серии «Мыслители прошлого» [1]. Лосев явился не только замечательным интерпретатором и исследователем наследия Соловьёва, но и его конгениальным последователем. О современном состоянии соловьёвведения свидетельствует периодическое научное издание – журнал «Соловьёвские исследования», выпускаемый Ивановским государственным энергетическим университетом (вышло в свет уже 57 номеров). Постоянно расширяется и архивная база изучения наследия Вл. Соловьёва. Замечательными источниковедческими исследователями его

творчества являются А.В. Малинов, М.В. Максимов, Л.М. Максимова. Творчеству Соловьёва посвящен сборник из серии «Pro et contra», издаваемой в Российской христианской гуманитарной академии [4].

Постановка проблемы

Творчество Вл. Соловьёва многогранно. Он явился не только блестящим историком философии, способным еще на университетской скамье дать глубочайший анализ направлений европейской философии своего времени. Соловьёв принадлежит к тем редким оригинальным гениям, которые задали новое направление национальному философскому самосознанию, соединили и осмыслили многие отдельные проблемы российской духовной культуры. Но нас в этом исследовании будет интересовать только одна сторона философского опыта мыслителя – его отношение к вопросам образования, в частности философского. Главной проблемой, которая, на наш взгляд, управляет всем творчеством Вл. Соловьёва, является проблема осознания великой роли философии в духовном наполнении жизни человека, в пробуждении этой жизни, ее утверждении и возрастании. Побочными вопросами этой проблемы будут вопросы об отношении философии и науки и философии и образования.

Методология

В качестве исследовательского метода нами использован сравнительно-исторический подход, позволяющий сопоставить историческую ситуацию и университетскую среду второй половины XIX столетия с современными условиями, складывающимися в гуманитарном образовании в начале XXI в. Это дало нам возможность лучше понять в опережающей перспективе последствия той политики образования, которая проводится сегодня.

Результаты исследования

Образование принадлежит к базовым системообразующим общественным структурам, и потому всё, что в нем происходит, не может не иметь далеко идущих для всего общества последствий. Главный вопрос, стоящий сейчас перед высшей школой, – это определенность и ясность ее будущего как основа и результат принимаемых усилий в преобразовании высшей

школы, что особенно важно в том состоянии непрерывного реформирования, в которое она оказалась вовлеченной. С 2003 г., когда Россия присоединилась к Болонскому процессу, российское образование находится в состоянии перманентного преобразования и, как следствие, в состоянии тотальной неопределенности, поскольку цели, если они и осмысливаются как желаемый результат реформы ее разработчиками, остаются весьма туманными для исполнителей и в целом задаются перечнем определений, которые вряд ли кто-либо будет оспаривать. Разумеется, образование должно быть эффективным, инновационным, доступным, привлекательным и т. п. Как же этого можно достичь?

Между тем, как это ни покажется странным, проблема образования для России отнюдь не новая. Образование в российских университетах было предметом критики уже в XIX в. В частности, это относится к гуманитарному образованию. Во второй половине XIX в. требование радикальных перемен в системе образования в связи с ростом промышленного производства в России, капитализации ее экономики, а также с расцветом предпринимательства пришло в противоречие с консервативными охранительными традициями – основой «всего русского», включая культуру и мировоззрение той части российского общества, которая не готова была жертвовать глубинами национальной жизни во имя ее прогресса и развития. Споры между западниками и славянофилами, позитивистами и их идейными противниками и критиками лежали на поверхности интеллектуальной жизни российского общества, вовлекаемого в бурное экономическое развитие. Студенчество уже в силу своего возраста, в котором, как правило, проявляется склонность к отрицанию старого «отцовского» уклада («папиной культуры», как сказали бы сегодня), откровенно выражало свои симпатии и настроения в университетских аудиториях. Это вынуждало администрацию отчасти идти на компромиссы, но более всего обязывало ее противодействовать и сдерживать революционные настроения студентов.

Кроме того, русская культура вступала в стадию своего развития, которую принято называть «серебряным веком». По сравнению с веком «золотым», в котором начала, продолжения и концы были уравновешены, в нарождающейся новой эпохе стихия завершения, даже

упадка порождала предчувствие будущих катаклизмов. «Творческая жизнь переломной эпохи отмечена предвидением близящейся катастрофы, эсхатологическими настроениями, мрачными предчувствиями, с которыми соседствует вера в возможность нравственного преобразования мира, надежда на приближение новой эры духа...» [5, с. 380].

Карьера Вл. Соловьёва как университетского преподавателя оказалась краткой. Скорее можно утверждать, что эта карьера вообще не сложилась в силу разных обстоятельств. Соловьёв не любил преподавательскую деятельность, и она продлилась до памятной лекции в зале Кредитного общества, прочитанной 28 марта 1881 г., вскоре после убийства императора Александра II. Н.О. Лосский пишет: «Дважды Соловьёв имел возможность отделиться профессорской деятельности...» И приходит прямо-таки к парадоксальному утверждению: «Профессорская деятельность, требовавшая сосредоточенности на чисто научных исследованиях, его не удовлетворяла» [6, с. 95]. Между тем Соловьёв стремительно вошел в мир российского образования после защиты своей магистерской диссертации, прямо скажем, в весьма неподходящий для спокойного академического существования гуманитария момент. И сама эта защита, и дальнейшее недолгое преподавание Соловьёва сначала в Московском, а затем в Санкт-Петербургском университете проходили в обстоятельствах и общественных настроениях, которые несколько напоминают современные. Среди студентов и части преподавателей в то время утвердился дух позитивизма, что выражалось прежде всего в презрении к гуманитарным наукам и к ученым, в них подвизавшимся.

Вот как об этом в своих воспоминаниях пишет Н.К. Никифоров: «В полном соответствии с общественными симпатиями к „реальным знаниям“ и со всеобщим отвращением к затхлому классицизму, бывшим тогда в полном разгаре, подавляющее большинство студентов считало настоящими науками только естественные, а все остальные — лишь „терпимым художеством“. <...> Безусловно, не терпящее возражений презрение внушало науки историко-филологического факультета. На этот злосчастный факультет переносилась массой студенчества вся та ненависть, которая возникала в гимназиях к древним языкам. В среде „естественников“

слово „филолог“ было почти бранным. <...> Не лучшего мнения о филологических науках были и профессора физико-математического факультета» [4, с. 390].

О таком же удручающем общественном состоянии свидетельствует В.В. Никитенко: «В горный корпус и технологический институт потребовалось послать жандармов... Что значит эта эпидемия восстаний в школах? Молодым людям не нравится такое-то лицо в управлении школой или преподаватель, и они требуют его удаления. Разумеется, этого допускать нельзя. Но дело в том, что такие требования сделались возможными и почти повальными. Увы! Это только частные симптомы неурядицы, господствующей у нас повсюду, в администрации и обществе. Нравственность падает ниже и ниже; у молодых людей в сердцах есть благородство, но оно направлено против существующего порядка вещей. Главное зло состоит в том, что теперь ничему не верят...» [Цит. по: 2, с. 40–41].

В этой атмосфере пренебрежения к гуманитарным наукам Соловьёв пишет магистерскую диссертацию, смысл и назначение которой состоит в опровержении главного позитивистского тезиса о том, что научное мышление и философия не только представляют собой разные типы сознания, но состоят в неразрешимом противоречии, что философия изжила себя как прогрессивный тип мировоззрения, что «наука — сама себе философия». (Собственно, он сомневается не столько в возможностях науки, сколько в тех идеологических претензиях, которые следуют вместе с укреплением ее достижений. В «Трех разговорах» он пишет: «...Много толкуют о том, что на место идеального содержания старой жизни, основанного на вере, дается новое, основанное на знании, на науке; и пока эти речи не выходят за пределы общностей, можно подумать, что речь идет о чем-то великом. Но стоит только посмотреть поближе, какое это знание, какая наука, и великое очень скоро переходит в смешное» [7, с. 52].) В своей диссертации Соловьёв подвергает критике эту основную идеологему позитивизма, состоящую в убеждении, что философия исполнила свою миссию и должна уступить место «позитивному», или научному, знанию.

Кроме того, в своей магистерской работе Соловьёв скрупулезно изучает итоги как философского развития, завершившегося к середине

XIX в. расцветом немецкой идеалистической философии, так и программы о перспективах дальнейшего развития научного знания, объявленной О. Контом, зачинателем позитивизма. Соловьёв идет поперек течения, более того, вопреки настроениям основной массы студентов и преподавателей. Что же заставляет его усомниться в том, что философия как форма рациональности должна уступить место так называемым «естественным наукам»? Он исследует вопрос не столько о практической пользе точных наук, в которой трудно усомниться, но собственно о природе рационального знания. Если основой рациональности как способа изложения знания о чем-либо являются аргументация, демонстративность, доказательность, то соответствуют ли гуманитарные дисциплины этим критериям позитивности? Являются ли они науками или даже вообще знанием? Является ли философия «рациональной системой экспозиции своих представлений»? [8, с. 26].

Разумеется, в философии никогда не отрицается суть демонстративного разума, напротив, одной из своих основных задач философы полагают анализ и понимание природы этой демонстративности. Логика как основа философского знания как раз и решает проблему разнообразия и конкретного и действительного своеобразия возможных форм доказательности разума. При этом философия включает в себя элемент веры как особого рода знания — знания-предположения. Но и наука имеет его в качестве такой формы, как гипотетическое предположение. Следовательно, не в этом суть радикального различия философии и науки. В чем же? И здесь, в этом пункте, мы приближаемся к действительному пониманию сути различия между ними, тому различию, которое анализирует Соловьёв.

Философия, согласно Соловьёву, потому и является универсальной формой понимания, что в ней объединяются различные структуры рациональности, включая религиозные знания о трансцендентных предметах. Принцип всеединства, который он отстаивает, в том числе и на гносеологическом уровне, состоит в возможности рационального знания о божественных основаниях мира. И это после того, как со времен средневековой философии, казалось бы, отделение философии от религии произошло раз и навсегда. Вопрос о соотношении религи-

озных и философских истин представляет собой один из важнейших предметов исследования в магистерской диссертации Соловьёва.

Напомним еще раз, что Соловьёв поднимает этот вопрос именно тогда, когда он не встречает ни малейшего сочувствия в так называемой прогрессивной ученой среде. Это общая тенденция развития европейского человечества в конце XIX столетия, после объявления «смерти Бога». В философии Ф. Ницше это только метафора невозможности включать и удерживать трансцендентное знание в философской аналитике. Представители философии жизни, позитивизма, марксизма на все лады проповедуют угасание духа идеализма в философских системах. Философии в этом смысле противопоставляется, с одной стороны, религия, а с другой — наука. Но и внутри философии идеализму основательно, начиная с И. Канта, противопоставляется критическое знание как «оборонительная секта» (по выражению Р. Гайма) против идеализма, с одной стороны, и скептицизма, с другой.

Основной тезис, выносимый Соловьёвым на защиту, состоит в утверждении, что если позитивисты выдвигают систему «позитивных наук» «как единственное истинное познание и отрицают всякое безусловное начало, религиозное и философское, то это утверждение и это отрицание представляют только естественное следствие собственной ограниченности позитивизма» [9, с. 138].

Соловьёв считает, что без религиозной подоплеки знание пусто и бессодержательно. В статье «Тайна прогресса» он в форме притчи доносит до нас свою мысль о том, что прогресс невозможен без охранения святынь культуры, религиозных по преимуществу: «Кто не верит в будущность старой святыни, должен всё-таки помнить ее прошедшее. Отчего не понесет он ее из почтения к ее древности, из жалости к ее упадку, из стыда быть неблагодарным» [10, с. 557]. Философ укрепляется в этой мысли в своем фундаментальном труде «Оправдание добра», и здесь она приобретает еще измерение культурного наследования: «...Я не могу не чувствовать благодарности и благоговения к тем людям, которые своими трудами и подвигами вывели мой народ из дикого состояния и довели его до той степени культуры, на которой он теперь находится» [11, с. 182]. Прогресс возможен, если есть основа, которую можно разви-

вать дальше, отсюда задача «идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины. <...> Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [10, с. 557]. Это существенное дополнение к проблеме отношения науки и философии в современном мировоззрении. Теперь Соловьёв выступает защитником религиозной основы знания.

Очевидно, что мы имеем дело с особым видом идейного консерватизма, отличного и от славянофильского, и от консервативного в узком смысле этого слова. Отношение Соловьёва к славянофилам и консерваторам описывает в своей статье (с обширной библиографией по этому вопросу), помещенной в 54-м выпуске журнала «Соловьёвские исследования» А.В. Малинов [12, с. 114]. Консерватизм Соловьёва – особой природы. Здесь мы сталкиваемся с очень сложными вопросами относительно религиозных убеждений мыслителя, которые усугубляются его непростыми отношениями с православной церковью, отразившимися на спорах относительно его конфессиональной причастности к католицизму. Как представляется, Соловьёв пытался в одиночку разрешить проблему глубоких исторических разногласий внутри христианства, исторического расхождения между православием и католицизмом. Он пытался разрешить этот исторический и богословский конфликт в своей философской программе всеединства. По представлениям Соловьёва, разногласия должны быть преодолены в воссоединении двух христианских церквей на основе философии всеединства. Эта философия нашла большее сочувствие со стороны католического духовенства и совершенно не была принята православными богословами. А.Л. Казин, опираясь на авторитетное мнение Георгия Флоровского, так оценивает теософский и историософский опыт Вл. Соловьёва: «Отец Георгий Флоровский в своих „Путиях русского богословия” сказал о Соловьёве строгие слова: „Этот философ искал церковного синтеза нецерковными средствами”. Применительно к экклезиологии (учению о Церкви) это верно, но вот применительно к историософии России Соловьёв всегда оставался на стороне православия – и тогда, когда он писал о ложных божках интеллигенции, и тогда, когда говорил о русском расколе» [13, с. 143].

Более плодотворным оказалось обоснование Соловьёвым оснований нравственной

философии. Он обращается к самым истокам ее формирования в философской программе Сократа. При этом Соловьёву удается вполне соотносить ее с общим состоянием умов своего века. Сократ, которого его сограждане афиняне осудили и приговорили к смертной казни за нарушение благочестия, т. е. за отступление от святынь, с точки зрения Соловьёва, и был главным их охранителем: «Охранителям Сократ как бы говорил так: „Вы совершенно правы и заслуживаете всякой похвалы за то, что хотите охранять основы гражданского общежития, – это дело самое важное. Прекрасно, что вы охранители, беда лишь в том, что вы – плохие охранители: вы не знаете и не умеете, что и как охранять. Вы действуете ощупью, как попало, подобно слепым”» [14, с. 593]. Собственно этот опыт умного (охранительного) консерватизма в отношении самих оснований любой культуры и должен быть основой реформирования, в том числе и в области образования.

Пафос защиты святынь, якобы устаревших и отмирающих, который проявился уже в чрезвычайно зрелом для 21-летнего студента университета воззрении на назначение нравственной философии и религии в мировоззрении человека новой научно-промышленной эпохи, будет характеризовать ценностную позицию Соловьёва на протяжении всей его жизни. При этом следует учесть, что такая позиция философа вызвана не его принципиальным консерватизмом, как, скажем, в случае с К. Леонтьевым, которому Соловьёв посвятил блестящую статью, помещенную в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Принципиальный консерватизм Соловьёва аргументирован и основан на глубоком понимании духовного развития европейского человечества от античной эпохи и до современной ему действительности. На обширном историко-философском материале он доказал, а не просто принял как исходный принцип, идею о том, что трансцендентная основа не устраняется и в так называемых точных науках, в которых аксиоматика, по сути, является продуктивной моделью гипотетического знания. На этих основаниях Соловьёв не считал возможным жертвовать знанием, основанным на вере (тоже определенного рода интуиции), во имя особой полноты мировоззрения, которое он определяет понятием «всеединство». Что касается первого пункта его принципиальной идеалистической

позиции, то потребовалось четыре этапа развития позитивистской философии (начальный позитивизм XIX в., эмпириокритицизм, логический позитивизм и постпозитивизм), чтобы представитель последнего, П. Фейерабенд, с позиции принципа пролиферации признал вполне существенным мифологический тип знания в качестве одного из возможных способов выражения принципа рациональности. Еще раз повторим, что в философии Соловьёва проявляются не просто упорный консерватизм и принцип охранительства, но глубокая и выстроенная аналитика природы рациональности, научной, философской, мифологической и какой угодно еще.

Мы имели возможность убедиться, что в оценке перспективы движения философии по позитивистскому сценарию (преимущественного развития точных наук и истребления в них всех метафизических вопросов) Владимир Соловьёв проявил недюжинную прозорливость. Метафизические вопросы прорастают в любом типе знания, в том числе и научного. Это проявилось уже в споре Э. Маха, представителя второго позитивизма, с адептами атомистической физики. И это был спор «фактографов» и сторонников «физики моделей», которая, по представлениям первых, должна быть вытеснена из физической науки. Физика в XX в. развивалась преимущественно по антипозитивистскому сценарию, и в конце этого столетия потребовалось объединенное усилие в деле строительства, скажем, большого адронного коллайдера, чтобы подтвердить гипотезу, возникающую в «физике моделей»

И теперь уже совершенно очевидно, в чем именно в век укреплявшейся науки Соловьёв видел значение религиозных убеждений, почему он выступал защитником христианства вопреки духу времени и усугублявшемуся атеизму второй половины XIX в., кризису религиозного мировоззрения и христианской веры. В своем позднем сочинении «Русская идея» (1888) он пророчески свидетельствовал о грядущей эре атеизма и истощения национальной духовной жизни: «Фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цене оппортунистической прессой, еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинной русской идеи. За этим не надо далеко ходить: она здесь,

близко — это истинная русская идея, засвидетельствованная религиозным характером народа, преобразованная и указанная важнейшими событиями и величайшими личностями нашей истории» [15, с. 44]

Заключение

Таким образом, оказывается, что духовный кризис во многом является следствием кризиса научного мировоззрения, лишившегося в одном случае метафизического, а в другом — трансцендентного измерения. Связаны ли эти кризисы с системой образования? Разумеется, если процесс образования будет исходить исключительно из утилитаристских запросов и ориентироваться только лишь на практические нужды. Это в первую очередь влияет на гуманитарную компоненту образования, ее удельный вес в общем объеме знания. Как следствие, мы будем получать все возможные виды кризисов, начиная от мировоззренческих (все вариации трансгуманизма и все прилагающиеся к ним перверсивные формы переименования физической и нравственной природы человека) и заканчивая кризисами коллективного действия этих переименованных существ в их совокупном действии (глобальные катастрофы: военные, политические, экологические, финансовые).

Есть еще одна миссия философов, которую они осуществляют непрерывно, с большим или меньшим успехом. Именно об этом говорит категорично и даже сердито современный философ и преподаватель А. Перцев: «Каиново политехническое племя наступает — и христианский храм, недавно возведенный на противоположной горе, тоже не может сдерживать его. Разрешить эту программу мог бы только философ. <...> Российская машина двинется с места только тогда, когда в этом движении философ увидит бытийный смысл и соработничество чему-то Высшему, Трансцендентному... <...> *Только философ сможет объяснить богослова политехнику, а политехника — богослову*» [16, с. 252].

Продуманная профессиональная системная гуманитаристика отвечает на главный вопрос, воспроизводящийся на всех этапах образования. Образование кого? Нравственного гражданина, нравственного ученого, нравственного человека. Это не придет само собой. Это — стратегическая и непрерывная работа всей системы образования, и высшей школы *par excellence*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Вл. Соловьёв. М.: Мысль, 1983. 208 с. (Мыслители прошлого).
2. Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3 кн. Кн. 1. Пг.: Сенат. тип., 1916. 442 с.
3. Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3 кн. Кн. 2 и 3. Вып. 1. Пг.: Сенат. тип., 1921. 442 с.
4. Вл.С. Соловьёв: pro et contra / сост. В.Ф. Бойков. В 2 т. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. 896 с.
5. **Философия** и искусство Серебряного века в судьбе России: моногр. / под ред. М.И. Панфиловой, Е.А. Трофимовой. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012. 390 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.
7. Соловьёв В.С. Избранное. М.: Сов. Россия, 1990. 496 с.
8. Серкова В.А. Ценностная основа русской религиозной философии // Генеалогия ценностей в русской философии Серебряного века. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2013. С. 11–30.
9. Соловьёв В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Соч. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 3–138.
10. Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соч. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
11. Соловьёв В. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–549.
12. Малинов А.В. «Он может и должен принести большую пользу» // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2 (54). С. 110–128.
13. Казин А.Л. Первый и последний. Учебник русского. СПб.: Изд-во НППЛ «Родные просторы», 2015. 376 с.
14. Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона // Соч. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 583–625.
15. Соловьёв В.С. Русская идея. СПб.: София, 1991. 96 с.
16. Перцев А. Русский пейзаж в свете всемирной философии // Русский мир. Пространство и время русской культуры: альм. № 8. СПб.: Рус. культура, 2013. С. 236–252.

Серкова Вера Анатольевна

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.F. Losev, Vl. Solovyev, Mysl', Moscow, 1983.
- [2] S.M. Lukyanov, O Vl. Solovyev v yego molodyye gody. Materialy k biografii [About Solovyov in his young years. Materials for the biography], in 3 vol., of vol. 1, Senatskaya typ., Petrograd, 1916.
- [3] S.M. Lukyanov, O Vl. Solovyev v yego molodyye gody. Materialy k biografii [About Solovyov in his young years. Materials for the biography], in 3 vol., of vol. 2, 3, Senatskaya typ., Petrograd, 1921.
- [4] V.S. Solovyev: pro et contra, in 2 vol., RKhGI Publ., St. Petersburg, 2002.
- [5] Filosofiya i iskusstvo Serebryanogo veka v sud'be Rossii [The philosophy and art of the silver age in Russia], monograph, SPbGIEU Publ., St. Petersburg, 2012.
- [6] N.O. Losskiy, Istoriya russkoy filosofii [History of Russian philosophy], Sovetskiy pisatel', Moscow, 1991.
- [7] V.S. Solovyev, Izbrannoye [Selected works], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 1990.
- [8] V.A. Serkova, [The value basis of Russian religious philosophy], in: Genealogiya tsennostey v russkoy filosofii Serebryanogo veka [The genealogy of values in Russian philosophy of the silver age], SPbGEU Publ., St. Petersburg, 2013, pp. 11–30.
- [9] V.S. Solovyev, Krizis zapadnoy filosofii (Protiv pozitivistov) [The crisis of Western philosophy (against the positivists)], in: Works, in 2 vol., of vol. 2, Mysl', Moscow, 1990, pp. 3–138.
- [10] V.S. Solovyev, Tayna progressa [Mystery progress], in: Works, in 2 vol., of vol. 2, Mysl', Moscow, 1990.
- [11] V. Solovyev, Opravdaniye dobra. Nравstvennaya filosofiya [Good excuse. Moral philosophy], in: Works, in 2 vol., of vol. 1, Mysl', Moscow, 1990, pp. 47–549.
- [12] A.V. Malinov, «On mozhет i dolzhen prinesti bol'shuyu pol'zu» [“It can and should be of great benefit”], in: Solovyevskiye issledovaniya, 2 (54) (2017) 110–128.

[13] A.L. Kazin, *Pervyy i posledniy. Uchebnik russkogo* [The first and the last. Textbook of the Russian language], *Rodnyye prostory*, St. Petersburg, 2015.

[14] V.S. Solovyev, *Zhiznennaya drama Platona*, in: *Works*, in 2 vol., of vol. 2, *Mysl'*, Moscow, 1990, pp. 583–625.

[15] V. Solovyev, *Russkaya ideya* [The Russian idea], Sofiya, St. Petersburg, 1991.

[16] A. Pertsev, *Russkiy peyzazh v svete vseмирной философии* [Russian landscape in the light of the world philosophy], in: *Russkiy mir* [Russian world], no. 8, *Russkaya kul'tura*, St. Petersburg, 2013, pp. 236–252.

Serkova Vera A.

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Received 12.10.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8408

УДК 140; 32

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

П.А. Петров

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена актуальной для социальной теории и практики проблеме управления стихийными процессами в публичной сфере. Цель статьи – анализ теоретических истоков методологии «управляемого хаоса» в социальной философии. Исследование проведено на базе системной методологии. Использован сравнительно-аналитический метод в анализе понятийного аппарата концепции «управляемого хаоса» в приложении к описанию социально-политических процессов. В этой связи рассмотрены существующие в науке теории хаоса, представленные в работах А. Пуанкаре, Ж. Адамара, основания математического моделирования деструктивных процессов в работах Э. Лоренца. В статье уточняются семиотический аспект соотношения понятий «кризис», «хаос» и «управляемый хаос» и возможность применения этой терминологии для характеристики социальной динамики. Особое внимание уделено концепции «управляемого хаоса», развиваемой в работах И. Пригожина и С. Манна. Рассматривается возможность использования теории «управляемого хаоса» для прогнозирования социально-политических событий.

Ключевые слова: социальные процессы; теория хаоса; кризис; динамические системы; управляемый хаос

Ссылка при цитировании: Петров П.А. Теоретические основания концепции «управляемого хаоса» в социальной философии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 77–87. DOI: 10.18721/JHSS.8408

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF OPERATED CHAOS IN SOCIAL PHILOSOPHY

P.A. Petrov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the problem of controlling spontaneous processes in the public sphere, which is important for social theory and practice. The purpose of the article is to analyze the theoretical origins of the methodology of operated chaos in social philosophy. The study is conducted on the basis of system methodology. The author uses a comparative and analytical method for exploring the conceptual framework of operated chaos as applied to describing socio-political processes. In this regard, the article considers the theories of chaos existing in science, presented in the works of Poincaré and Hadamard and the foundations of mathematical modeling of destructive processes in the works of Lorenz. The article refines the semiotic aspect of correlating the concepts of crisis, chaos and controlled chaos and the possibility of applying this terminology

to characterize social dynamics. A special focus is on the concept of operated chaos, developed in the works of Prigogine and Mann. The possibility of applying the theory of operated chaos to describing the forecasting of socio-political events is considered.

Keywords: operated chaos; chaos theory; operated criticality; dynamic systems; self-organized criticality; complexity theory

Citation: P.A. Petrov, Theoretical foundations of the concept of operated chaos in social philosophy, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 77–87. DOI: 10.18721/JHSS.8408

Введение

В работе проводится анализ теории хаоса, теории «управляемого хаоса», рассмотрена возможность применения понятийного аппарата теории «управляемого хаоса» для описания событий в социально-политической сфере. Теория хаоса описывает поведение сложных нелинейных систем в рамках постнеклассической философской парадигмы, методологические принципы которой заложены в теории самоорганизации, а объектом выступают сложные динамические неравновесные процессы в живой и неживой природе.

Обзор литературы. Теория хаоса зарождается в XIX в., но «золотые» годы ее приходятся на вторую половину XX столетия. «Источниками теории самоорганизации, изучающими единый алгоритм перехода от менее сложных и неупорядоченных состояний к более сложным и упорядоченным, стали работы в области математической теории катастроф (Р. Том, В.И. Арнольд), неравновесной термодинамики (И. Пригожин), согласованных (когерентных) процессов в физике (Г. Хакен)» [1, с. 208].

Отцом или дедом собственно теории хаоса (почему дедом, – см. ниже) принято считать А. Пуанкаре. Именно с его работ началось научное описание явлений хаоса. Чуть позже над этой темой работали Ж. Адамар и П. Дюгем. Ключевой заслугой этих ученых стало обнаружение зависимости и математическое описание чувствительности неперiodических динамических систем к начальным условиям [2, с. 5–9].

Проблемой хаоса занимались отечественные и западные математики, такие как А. Ляпунов (работавший в одно время с А. Пуанкаре), К. Мозер, А. Колмогоров, В. Арнольд, Я. Синай, С. Смейл. Итогом интереса математиков

стало создание теории Колмогорова – Арнольда – Мозера (КАМ-теории).

Второе рождение теории хаоса пришлось на вторую половину XX в. Этим мы обязаны американскому метеорологу Э. Лоренцу, главной заслугой которого является описание «эффекта бабочки» [3, с. 4]. Что это за эффект? «Эффектом бабочки» называют небольшие изменения, происходящие в системе и могущие приводить к сколь угодно большим и непредсказуемым последствиям в будущем. Этот феномен стал широко известен в 1972 г. после доклада Лоренца на тему «Может ли взмах крыльев бабочки в Бразилии вызвать торнадо в Техасе?» О чувствительности системы к начальным условиям писал еще Пуанкаре, но чем результаты Лоренца отличаются от результатов Пуанкаре? Заслуга Лоренца в этом вопросе состоит в том, что он представил компьютерную модель, которая наглядно подкрепляла все его результаты.

Однако понятие «теория хаоса» в научный обиход ввел Дж. Йорк [Там же. С. 34]. После Лоренца ключевой фигурой в изучении хаоса стал И. Пригожин. Чем нам интересны работы Пригожина? Главным образом тем, что он критикует «традиционную» науку за ее чрезмерную увлеченность изучением устойчивости, однородности, равновесия и порядка, за то, что она сосредоточена в основном на замкнутых системах и линейных отношениях, в которых всё просчитывается достаточно просто. Действительно, некоторые системы в нашей Вселенной можно просчитать. Но это по большей части закрытые системы, в то время как социальная или же экологическая система относятся к открытым. Пригожин переносит физические и математические методы на описание социальных и биологических систем и задает тем самым новое направление их исследованию.

С. Манн, опираясь на работы Пригожина, создал свою социально-политическую концепцию «управляемого хаоса», или «управляемой критичности», которая тут же стала популярной у большого числа наших авторов [4]. Суть концепции Манна состоит в анализе факторов, создающих ситуации для «управляемой критичности» в отдельно взятом регионе, на основании сочетания принципа чувствительности к начальным условиям, о котором говорили Пуанкаре и Лоренц, и классических принципов либерализма (свободный рынок, права человека и т. д.).

Разработка этой концепции проводилась на базе американского Института междисциплинарных исследований Санта-Фе. Среди главных идеологов концепции «управляемого хаоса» чаще всего называют имя Дж. Шарпа, с его работами «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью» и «От диктатуры к демократии» [5]. Однако в них представлен лишь набор методов, а не цельная концепция. Для понимания специфики «управляемого хаоса» интерес представляют в первую очередь работы С. Манна «Теория хаоса и стратегическая мысль» и «Реакция на хаос».

Основой концепции «управляемого хаоса» стали анализ способов перехода относительно устойчивой сложной системы в критическое состояние неустойчивости (точку бифуркации) и возможный дальнейший переход на новый уровень упорядоченности. При этом могут наблюдаться радикальные изменения системы в заданном (или ином) направлении. Как было отмечено выше, теоретическим фундаментом концепции «управляемого хаоса» стала работа И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» [6], но следует упомянуть и работу М. Уолдропа «Сложность: новая наука на рубеже порядка и хаоса» [7].

Постановка проблемы и цели исследования

Статья посвящена актуальной философской проблеме, связанной с анализом и теоретическим описанием процесса управления стихийными социальными процессами в современном мире.

Цель статьи — анализ теоретических истоков методологии «управляемого хаоса» в социальной философии.

Методология

Исследование понятийного аппарата концепции «управляемого хаоса» проводится на базе системной методологии, развивается междисциплинарный подход к проблеме социального управления в публичной сфере, применен сравнительно-аналитический метод в анализе инструментов концепции «управляемого хаоса» в приложении к социально-политическим процессам. В работе используется историко-философский материал, методы интерпретации, сравнения, обобщения.

Результаты исследования

Развитие представлений о хаосе. Представления о хаосе зарождаются во времена греческой античности. Первые письменные упоминания хаоса известны из древнегреческих источников, из работы Гесиода «Теогония». Его поэма была посвящена рождению богов и сотворению мира. Хаос, по Гесиоду, — это состояние мира в его изначальной форме до появления чего-либо. Вот что написано у Гесиода: «Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный» [8, с. 273–274].

Однако хаос не стал философской категорией. Понятие стало образом беспорядка, антиподом упорядоченности. Оно употреблялось в литературе как обозначение сумятицы, неразберихи, бесформенности и т. д. Хаос так и остался бы «бытовым» явлением греческой культуры, если бы не математика. Благодаря Пуанкаре хаос стал образом-концептом.

Начало систематического изучения хаоса связано с именем М. Барнсли (феномен «папоротника Барнсли»). Кроме него теория хаоса разрабатывалась такими учеными, как А. Пуанкаре, Ж. Адамар, П. Дюгем, Э. Лоренц, К. Мозер, А. Колмогоров, В. Арнольд, Я. Синай, С. Мейла, Р. Мэй, Дж. Йорк, Д. Рюэль [9], М. Фейгенбаум, в русле разных наук — математики, биологии, метеорологии, химии и физики. Теория хаоса началась с одной частной нерешенной проблемы — проблемы устойчивости Солнечной системы и с конкурса короля Оскара.

В 1885 г. король Норвегии Оскар II объявил математический конкурс. Цель конкурса — решение задачи трех тел. Участникам нужно было доказать или опровергнуть принцип устойчивости Солнечной системы. В классической фи-

зике, в механике Ньютона, были созданы математические модели, которые стали впоследствии законами. Они связывали физические величины и скорости изменения движения планет: расстояние, пройденное объектом, скорость объекта и ускорение объекта. Эти законы описывали динамические системы и выражались в виде дифференциальных уравнений, где дифференциалы были мерами скорости изменения. Как известно, дифференциальные уравнения делятся на линейные и нелинейные. «Линейные дифференциальные уравнения описывают события, в которых действие совокупности причин равно совокупному действию этих причин по отдельности. В нелинейных уравнениях, напротив, подобное соотношение между причинами и следствиями не наблюдается, и совокупность двух причин может привести к неожиданным последствиям» [9, с. 4]. Тема линейных уравнений была разработана достаточно быстро. С нелинейными возникли проблемы, именно тогда и потребовалось понятие «хаос». До Пуанкаре преобладала установка, которую очень хорошо выразил П. Лаплас: «Разум, которому в настоящий момент были бы известны все силы, движущие природой, и относительное положение всех существ, ее составляющих, и который был бы достаточно обширным, чтобы подвергнуть все эти данные анализу, подытожил бы в одной и той же формуле движения величайших тел Вселенной и мельчайших атомов: для этого разума ничто не было бы неопределенным, и грядущее, равно как и прошлое, предстали бы перед его глазами...» [Там же].

Пуанкаре поставил под сомнение эту установку в конкурсной работе. Он не смог решить задачу трех тел, однако был признан победителем, и последующие его работы дали толчок для развития науки. В своих исследованиях он показал, что при незначительном изменении начальных условий (положения и скорости) траектории тел очень сильно меняются. Выявилось, что они имеют неперидические орбиты, которые и не удаляются, и не приближаются к конкретной точке. Два близких набора начальных условий давали различные результаты. Пуанкаре не смог обнаружить порядок в системе, но его там и не было. И в этом состоял главный результат его исследований. Вот что он писал об этом: «Если бы мы точно знали законы природы и положение Вселенной в начальный момент,

мы могли бы точно предсказать положение той же Вселенной в последующий момент. Но даже если бы законы природы открыли нам все свои тайны, мы и тогда могли бы знать начальное положение только приближенно. Если бы это позволило нам предсказать последующее положение с тем же приближением, это было бы всё, что нам требуется, и мы могли бы сказать, что явление было предсказано, что оно управляется законами. Но это не всегда так; может случиться, что малые различия в начальных условиях вызовут очень большие различия в конечном явлении. Малая ошибка в первых породит огромную ошибку в последнем. Предсказание становится невозможным, и мы имеем дело с явлением, которое развивается по воле случая» [Цит. по: 2, с. 273–274].

Именно на этом результате, полученном Пуанкаре, базируется принцип чувствительности системы к начальным условиям, который стал основным в теории хаоса. Впоследствии он преобразовался и стал называться «эффектом бабочки» Лоренца.

Дело Пуанкаре продолжил Ж. Адамар. В статье «Бильярд Адамара» он математически доказал справедливость теоремы о чувствительности к начальным условиям, т. е. показал, что в неперидических динамических системах небольшое изменение начальных условий может привести к сколь угодно большим трансформациям в развитии системы в будущем.

Отцом теории хаоса принято называть Э. Лоренца. Этот американский метеоролог исследовал проблему возможности точного предсказания погоды. До Лоренца существовало два подхода к прогнозированию погоды. Первый подход был сформулирован П. Лапласом еще в конце XVIII в. Суть его позиции состоит в том, что чем больше информации мы соберем об объектах, тем точнее будет прогноз. Второй подход к пониманию возможности точного прогнозирования погоды выдвинул А. Пуанкаре. Его подход ставит во главу угла зависимость состояния системы от начальных условий. В итоге победил Пуанкаре. В 1960-х гг. Лоренц, используя компьютерное моделирование, пытался создать модель для прогнозирования погоды. В ходе своих исследований он установил, что система, которую он моделировал, была крайне неустойчива: незначительные изменения начальных условий приводили к тому, что конечные со-

стояния системы оказывались принципиально разными. Компьютерное моделирование сыграло ключевую роль для Лоренца в описании «эффекта бабочки». Подробно об этом можно прочесть в книге Дж. Глейка «Хаос. Создание новой науки» [3]. В 1972 г. Лоренц опубликовал научную статью «О возможности предсказаний: может ли взмах крыльев бабочки в Бразилии вызвать торнадо в Техасе?» В ней он представил компьютерную модель земной атмосферы, которая показывала, что небольшие изменения, происходящие в атмосфере или аналогичных ей моделях, могут приводить к непредсказуемым и масштабным изменениям в последующем. Еще одной заслугой Лоренца стало открытие первого «странного аттрактора», или аттрактора Лоренца.

Простой аттрактор – это область притяжения фазовых траекторий. Проще говоря, это место притяжения. Например, аттрактор для обычного маятника – его нижняя точка, на которой он окажется в момент остановки. А странный аттрактор, в свою очередь, – это точка притяжения, попадая в которую, невозможно просчитать дальнейшее поведение системы, когда состояние системы может стать хаотическим или более упорядоченным. Как пример: революционная ситуация может быть странным аттрактором.

Вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются значительные флуктуации. Такие системы как бы колеблются перед выбором одного из нескольких путей эволюции, и знаменитый закон больших чисел перестает действовать в обычном смысле. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении.

Представление об «управляемом хаосе» в междисциплинарном аспекте. Дальнейшее развитие теории хаоса связано с работами И. Пригожина. Он ввел понятия флуктуации и точки бифуркации. В работе «Порядок из хаоса» Пригожин пришел, в частности, к важному для нас выводу, что все системы содержат подсистемы и они непрестанно флуктуируют. Это означает, что существует вероятность случайного отклонения от изначальной величины. Бывают случаи, когда отдельная флуктуация или несколько флуктуаций могут быть настолько сильными, что это приводит к разрушению существующей орга-

низации. В этот момент система оказывается в точке бифуркации. Дальнейшее направление развития оказывается принципиально непредсказуемым, а новое направление может резко изменить всё поведение макроскопической системы. Неизбежно напрашивается аналогия с социальными явлениями и историей. Мы далеки от мысли противопоставлять случайность и необходимость, но считаем, что оба аспекта играют существенную роль в описании нелинейных сильно неравновесных систем [10, с. 23].

Понятия «революция» и «кризис» приобретают новый смысл, когда их начинают рассматривать в системе терминов Пригожина, таких как «флуктуация», «положительные обратные связи», «диссипативные структуры», «точка бифуркации». Эта терминология и методы, использованные Пригожиным, очень хорошо подходят для описания процессов, происходящих в социальных системах. Например, если, эволюционируя, система достигает точки бифуркации, описание в терминах детерминизма становится непригодным. Флуктуация предполагает, что система как бы выбирает одну из возможностей дальнейшего поведения системы. Поведение в ситуации бифуркации протекает по такому же случайному сценарию, как подбрасывание в воздух монеты. Возможно только вероятностное описание. Не обязательно это приведет к катастрофическим последствиям в существовании системы, флуктуация может внести незначительные поправки. Можно ли управлять такой системой? Можно, варьируя начальные условия. При этом в изолированной системе аттракторы определяют неравновесные состояния. Беспорядок (энтропия) может быть одним из сценариев развития событий для изолированных систем [Там же. С. 113, 236].

Инструменты управления хаосом. Второй инструмент управления – каналы связи внутри системы. В своей книге Пригожин пишет о том, что на характер флуктуации влияет отношение зоны флуктуации и системы. Чем лучше связь внутри элементов системы, тем меньше влияния оказывает флуктуация, чем связь хуже, тем сильнее последствия флуктуации.

Как задается направление развития системы? В качестве примера Пригожин приводит воздействие на раковые клетки. Чем больше мы знаем о каждой конкретной клетке, о процессе

ее развития и лечения, тем более точный прогноз можно сделать о ее флуктуации.

Чем сложнее система, тем больше флуктуаций она предполагает. Но чем больше флуктуаций, тем больше рисков для устойчивости системы. Особенный смысл эта зависимость приобретает в социальных структурах. «Человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации могут усиливаться и изменять всю структуру систем (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу — потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишен гарантий стабильных, непреходящих законов» [10, с. 276].

Пригожин задался вопросом: почему возможно существование таких сложных систем, как социальная и экологическая? Флуктуаций там огромное множество, и они очень разрушительны. Что спасает эти системы от всеобщего хаоса? Пригожин приходит к выводу, что стабилизирующее влияние оказывают связи между частями системы. В сложных системах (социальных и экологических) взаимодействия множественны, как вертикальные, так и горизонтальные. В такой ситуации, когда каналов связи много, отношения между различными частями системы не могут не быть интенсивными. Эффективность связи — залог устойчивости системы. Борьба между устойчивостью, которая обеспечивается эффективной связью, и неустойчивостью, вызываемой флуктуациями, формирует пороги стабильности системы.

Трудности в «управлении хаосом» заключаются в большом числе взаимодействующих между собой элементов. Любое влияние на одну часть системы тут же сказывается на остальных частях. Невозможно предсказать масштабы и характер реакции на влияние извне. Отклик системы может оказаться противоположным тому, что ожидается. В Массачусетском технологическом институте даже придумали термин «контринтуитивный» для характеристики типа

ожиданий. Как пример, Пригожин приводит программу ликвидации трущоб, которая вместо улучшения ситуации только усугубила ее. Как такое может произойти? Старые дома сносят, строят новые. Новые дома вмещают больше людей, чем старые, население увеличивается. Но если вместе с новыми домами не создавать новую инфраструктуру и новые рабочие места, мы получим еще большее сосредоточение количества необеспеченных людей. Пример свидетельствует о том, что мы приучены мыслить в терминах линейной причинности, но нуждаемся в новых «средствах» мышления. Такие доктрины и парадигмы развития, как свободный рынок А. Смита с аналогичной формой управления «невидимой и направляющей рукой» и другие модели прогрессивистского правления, осуществленные по модели так называемой «оптимизации», предполагают рациональное преобразование по матрице управляемой и упорядоченной истории развития. Однако история имеет открытый характер, в ней присутствует множество неожиданных событий, которые мы не в состоянии предсказать, поэтому приходится признавать ее фундаментальную неопределенность. «Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь то же чувство умеренной надежды, которое некоторые талмудические тексты приписывают богу Книги Бытия: двадцать шесть попыток предшествовали сотворению мира, и все они окончились неудачей. Мир человека возник из хаоса обломков, оставшихся от прежних попыток. Он слишком хрупок и рискует снова обратиться в ничто. „Будем надеяться, что на этот раз получилось!“ — воскликнул бог, сотворив мир, и эта надежда сопутствовала всей последующей истории мира и человечества, подчеркивая с самого начала этой истории, что та отмечена печатью неустрашимой неопределенности» [Там же. С. 273–274].

Концепция «управляемого хаоса» в приложении к анализу социально-политических процессов в современном мире. Основываясь на работах Пригожина, С. Манн в 1990-х гг. создает концепцию «управляемого хаоса». В 1992 г. выходит статья Манна «Теория хаоса и стратегическая мысль», в которой он закладывает базис этой концепции. В отличие от своих предшественников Дж. Шарпа (систематизировал ме-

тоды ненасильственного свержения власти) и Э. Лютвака (еще до Шарпа описал механизмы осуществления государственного переворота), чьи работы исследовали только инструментарий, достаточно жестко привязанный к конкретным условиям, Манн предлагает использовать механизмы для создания этих исходных условий (или чувствительных начальных условий). В этой статье Манн пишет: «Даже при отсутствии внешних потрясений успешная сложная система включает в себя факторы, которые толкают систему за пределы стабильности... Международная среда является превосходным примером хаотической системы... „самоорганизованная критичность“... соответствует ей в качестве средства анализа... Мир обречен быть хаотичным, потому что многообразные акторы человеческой политики в динамической системе... имеют разные цели и ценности... Каждый актор в политически критических системах производит энергию конфликта... которая провоцирует смену статус-кво, участвуя, таким образом, в создании критического состояния... и любой курс приводит состояние дел к неизбежному катаклизменному переустройству» [4, с. 1].

Что следует из концепции Манна? Именно то, о чем писал Пригожин, – социально-политическая система содержит зоны флуктуации. И если определенным образом воздействовать на них, можно подтолкнуть к хаосу какую угодно систему, например своих геополитических противников. Но как это сделать? Шаг первый: сделать ставку на индивида. Определяющей формой конфликтности является индивидуализм. «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур...» [6, с. 1]. Основой механизмов флуктуаций внутри общества является система связей или отсутствие их, о чем говорил И. Пригожин. Связи внутри системы конкурируют с флуктуацией. Чем сильнее связи, тем слабее флуктуация. Индивид без сильных связей – сильная флуктуация. Но как сделать индивида источником флуктуации? Вот что пишет Манн: «...идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей... направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное

обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с „вирусом“. Но не есть ли идеология лишь другое название для программного человеческого вируса?.. С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека. С сильными американскими обязательствами, расширенными преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения вирус будет самовоспроизводящимся и будет распространяться хаотическим путем. Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культуры, которые отличаются от нашей. Это единственный путь для построения долговременного мирового порядка (хотя, как мы видим, никогда нельзя достичь абсолютной постоянности)... Если мы не сможем достичь такого идеологического изменения во всем мире, у нас останутся спорадические периоды спокойствия между катастрофическими переустройствами» [4].

Итак, демократия, рыночная экономика и права человека стали способами манипуляции сознанием людей и инструментами, с помощью которых «правообладатель» в лице США может ослаблять других игроков на мировой арене. И всё ради «построения мирового порядка». В этом аспекте политика США очень хорошо коррелирует с методологическими идеями синергетики. Вот что об этом пишет один из исследователей концепции «управляемого хаоса» С.П. Курдюмов: «С синергетической точки зрения одним из основных подходов к решению глобальных проблем является смена императива: не силовая политика, а поиск способов коэволюции сложных социальных и геополитических систем... Попытка военного решения многочисленных проблем, встающих перед современной цивилизацией в процессе формирования глобального мира, опасна по многим причинам» [11, с. 1].

Вернемся к Манну. Международные отношения, которые, согласно Манну, представляют собой нелинейную динамическую систему,

состоящую из множества акторов (наций, религий, политических движений, государств), которые сами по себе динамические системы, дают большие возможности для манипуляций. Именно здесь проявляется прагматический смысл теории хаоса в области национальной стратегии. Так как международная система — превосходный пример возможности увеличения энтропии, «эффект бабочки» здесь проявляется наиболее ярко. Манн даже вводит для этого специальный термин «self-organized criticality» [11, с. 1].

В качестве странного аттрактора здесь выступают революции и кризисы. И, на взгляд Манна, именно кризисы и революции («демократические», «цветные», майданы) являются наиболее распространенными механизмами «самоорганизованной критичности». Поэтому ключ к успешной мировой политике для Манна — в определении и умелом использовании этого критического состояния. В одних случаях его нужно избегать, в других — усиливать: «Мы должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам — например, при уничтожении иракской военной машины и государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, кода развиваем средства массовой информации через частный сектор» [Там же].

Методология «управляемого хаоса». Инструменты хаотизации публичной сферы. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что, согласно С. Манну, существуют следующие средства создания начальных критических условий:

1. Содействие установлению либеральной демократии, по сути являющейся структурой проамериканской оппозиции для давления на сильную государственную власть, или же установлению «управляемого» правительства [12, с. 2].

2. Поддержка рыночных реформ, т. е. получение преимущества в экономической сфере путем манипулирования экономическими факторами. Отличным примером этого является характеристика «рынка» в России в 1990-е и последующие годы. Рыночные реформы со-

здали монополии, которые и убили рынок (как в старом анекдоте про Маркса, Смита, лодку и невидимую руку рынка) [13, с. 2].

3. Повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит. Продажная и коррумпированная элита легко поддается управлению, и против нее гораздо проще настроить население [Там же].

4. Вытеснение традиционных ценностей и идеологии. Культура и традиции создают определенные связи, которые в свою очередь помогают скоординировать действия в кризисных ситуациях [Там же]. Пример: революция 1917 г. не состоялась бы, если бы существовала община. Народники и прочие революционные элементы не видели в ней необходимости. Следствием уничтожения общины стало нарушение связи внутри крестьянства — и революция стала возможна. Происходит манипулирование сознанием, и эта манипуляция воспринимается потом индивидом как самостоятельный осознанный выбор [14, с. 162].

Это что касается начальных условий. Теперь обратимся к проблеме усиления флуктуации. Манн указывает на изначальную форму системы, ее структуру, на единство или разрозненность интересов акторов и на энергию конфликта индивидуальных акторов [6, с. 2].

Первое, что необходимо, — это знание о состоянии социально-политической системы. Второе — достаточное время для приведения системы к точке бифуркации. Моделирование «управляемого хаоса» — это не оперативный и не тактический метод. Это стратегия на десятилетия. Третье условие — достаточное количество средств управления развитием системы и возможность прогнозирования результатов усиления воздействия на нее. Средствами и ресурсами здесь окажутся части системы, работающие на ее разрушение или ослабление (группы или отдельные деятели). Возможности прогнозирования также связаны с возможностью получения информации изнутри системы. И всё это для обеспечения нового «мирового порядка» в ситуации общей глобализации мира.

В заключение хотелось бы затронуть две темы, связанные с хаосом, — это глобализация и терроризм. В отношении роли глобализации в состоянии усиления критичности есть две позиции. Первая: осуществляется естественный

процесс отбора всей цивилизацией тех идей, принципов, ценностных установок, которые менее конфликтогенны, не усиливают риски и помогают решению глобально-экономических и других общепланетарных проблем (например, экологической) [15, с. 1]. Вторая: она «производит террор как свой собственный продукт. Постмодернистский фундаментализм террора стал ответом на неолиберальный фундаментализм США, современный терроризм имманентен постиндустриальному обществу. Как выразился один философ, международный терроризм – „недостойный двойник” ТНК. Террористический ответ на террор нового мирового порядка питается ненавистью всего многообразия социальных и культурных идентичностей, которые репрессированы и унижены нынешней глобализацией» [16, с. 1].

Более интересна с точки зрения «производства хаоса» вторая позиция. Ее придерживается абсолютное большинство отечественных исследователей теории «управляемого хаоса» (в его социально-политическом аспекте), которые рассматривают процессы глобализации и вытекающие из них явления как процессы, усиливающие флуктуации. «...Устойчивость международных транспортных коммуникаций – одна из главных сфер „глобальной критичности”. Наконец, наша цивилизация – очень энергоемкая. К знаменитой формуле „деньги – кровь экономики” давно добавлено еще одно слагаемое, и она звучала так: „деньги и нефть – кровь экономики”. Мы видим, что даже небольшие изменения в поставках на мировые рынки первичных энергоносителей – нефти и газа – серьезно дестабилизируют мировую экономику и мировую финансовую систему» [12, с. 1].

Очевидно, что сегодня исламский фундаментализм и радикализм представляются наиболее активной и серьезной глобальной антисистемной силой. Об этом свидетельствует укрепляющаяся «пассионарная» идеология мировой мусульманской уммы как мощная сила влияния на мировую систему, как потенциальный фактор ее критичности [Там же].

Какие выводы можно сделать? Концепция Манна получила свое дальнейшее развитие, соединившись с принципами «мягкой силы». Она нашла свое применение в международной практике, став, наверное, главной геополитической концепцией современности. И хотя пик «популярности» пришелся на 2010-е гг. и арабскую весну в частности, интерес к этой теме не иссякает, слишком много фактов попадает в орбиту влияния теории управляемой критичности. Пример тому – недавнее интервью профессора МГИМО Елены Пономарёвой, которая отмечает, что деятельность Навального прекрасно вписывается в концепцию «управляемого хаоса» [17, с. 1].

Заключение

Теория хаоса и все выводимые из нее побочные программы описания социальных процессов свидетельствуют о ее концептуальной продуктивности, в том числе и с позиций геополитики. Основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод о том, что теория динамических систем И. Пригожина в форме ее социального приложения как теория «управляемого хаоса» предоставляет большой методологический и концептуальный потенциал для исследований в социально-политической, культурной и экономической сферах. Проекция методов изучения хаоса на социально-политическую сферу, осуществленная С. Манном, позволила ему концептуально оформить внешнеполитические методы управления США. Естественно-научные наработки теории хаоса были очень хорошо адаптированы к социально-политической сфере, соединившись с наработками с позиции «мягкой силы». Понимание этой концепции дает возможность разрабатывать методы противодействия ей. Методологический потенциал, созданный Пригожиным и адаптированный Манном, позволяет рассматривать и анализировать многие события прошлого и настоящего в «нелинейном», динамическом ключе, а также прогнозировать и моделировать события будущего, используя методологию «управляемого хаоса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шипунова О.Д.** История и методология науки. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 256 с.
2. **Карлос М.** Бабочка и ураган. Теория хаоса и глобальное потепление. URL: <http://vagrius.ru/nauchno-obrazovatel'naya/b-3455.html> (дата обращения: 26.08.2017).
3. **Глейк Дж.** Хаос. Создание новой науки. URL: http://royallib.com/book/gleyk_dgeyms/haos_sozdanie_novoy_nauki.html (дата обращения: 26.08.2017).
4. **Манн С.** Теория хаоса и стратегическая мысль // Parameters. 1992. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml> (дата обращения: 01.08.2017).
5. **Шарп Дж.** От диктатуры к демократии. М.: Новое изд-во, 2005. 82 с.
6. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1986.
7. **Waldrop M.** Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. N. Y.: Simon & Schuster, 1992. URL: <http://uberty.org/wp-content/uploads/2017/04/Waldrop-M.-Mitchell-Complexity-The-Emerging-Science-at-Edge-of-Order-and-Chaos.pdf> (дата обращения: 26.08.2017).
8. **Эллинические поэты VII–III вв. до н. э.** Эпос, элегия, ямбы, мелика / отв. ред. М.Л. Гаспаров, пер. В.В. Вересаева. М.: Ладомир, 1999.
9. **Рюэль Д.** Случайность и хаос. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2001.
10. **Кузнецов С.П.** Динамический хаос. М.: Физматлит, 2001.
11. **Курдюмов С.П., Князева Е.Н.** Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и хаоса. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/koevoljuciya-slojnyh-socialnyh-struktur/html> (дата обращения: 26.08.2017).
12. **Батчиков С.А.** Дыхание хаоса. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18608.htm> (дата обращения: 26.08.2017).
13. **Манн С.** Реакция на хаос // Complexity, Global Politics, and National Security. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/reakciya-na-chaos/html> (дата обращения: 26.08.2017).
14. **Философия коммуникации.** Теоретико-методологические аспекты: моногр. / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 272 с.
15. **Лепский В.Е.** Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69–78.
16. **Делокаров К.Х.** Глобализация и теория хаоса // Глобализация: синергетический подход. М.: Изд-во РАГС, 2002.
17. **Пономарёва Е.Г.** Кто спонсирует Навального? URL: <http://www.vnd12.ru/news/obschestvo/12513-navalnyy-kak-faktor-razrusheniya-strany.html> (дата обращения: 26.08.2017).

Петров Петр Андреевич

E-mail: kalinin11823@gmail.com

Статья поступила в редакцию 27.08.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] O.D. Shipunova, Istoriya i metodologiya nauki [History and methodology of science], Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2016.
- [2] M. Karlos, Babochka i uragan. Teoriya khaosa i global'noye potepleniye [The butterfly and the hurricane. Chaos theory and global warming]. Available at: <http://vagrius.ru/nauchno-obrazovatel'naya/b-3455.html> (accessed 26.08.2017).
- [3] Dzh. Gleyk, Khaos. Sozdaniye novoy nauki [Chaos. The creation of a new science]. Available at: http://royallib.com/book/gleyk_dgeyms/haos_sozdanie_novoy_nauki.html (accessed 26.08.2017).
- [4] S. Mann, [Chaos theory and strategic thought], Parameters, 1992. Available at: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml> (accessed 01.08.2017).
- [5] Sharp D. Ot diktatury k demokratii [From dictatorship to democracy], Novoye izdatel'stvo, Moscow, 2005.
- [6] I. Prigozhin, I. Stengers, Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos. Man's new dialogue with nature Heinemann], Progress, Moscow, 1986.
- [7] M. Waldrop, Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos, Simon & Schuster, New York, 1992. URL: <http://uberty.org/wp-content/uploads/2017/04/Waldrop-M.-Mitchell-Complexity-The-Emerging-Science-at-Edge-of-Order-and-Chaos.pdf> (accessed 26.08.2017).

- [8] Ellinskiye poety VII—III vekov do nashey ery. Epos, elegiya, yamby, melika [Hellenic poets VII—III centuries BC. Epic, elegy, iambic, malik], Ladomir, Moscow, 1999.
- [9] D. Ryuel, Sluchaynost' i khaos [Accident and chaos], Regul'yarnaya i khaoticheskaya dinamika Publ., Moscow, 2001.
- [10] S.P. Kuznetsov, Dinamicheskiy khaos [Dynamic chaos], Fizmatlit, Moscow, 2001.
- [11] S.P. Kurdyumov, Ye.N. Knyazeva, Koevoljuciya slozhnykh cotsial'nykh struktur: balans doli samorganizatsii i khaosa [Coevolution of complex social structures: balance of self-organization and chaos]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/koevoljuciya-slojnyh-socialnyh-struktur.html> (accessed 26.08.2017).
- [12] S.A. Batchikov, Dyxaniye khaosa [Breath of chaos]. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article18608.htm> (accessed 26.08.2017).
- [13] S. Mann, The Reaction to Chaos, in: Complexity, Global Politics, and National Security. Available at: <http://spkurdyumov.ru/networks/reakciya-na-chaos.html> (accessed 26.08.2017).
- [14] Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty [Philosophy of communication. Theoretical and methodological aspects], S.V. Klyagin, O.D. Shipunova (eds.), Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2017.
- [15] V.Ye. Lepskiy, [Technologies of controlled chaos – weapons of destruction of subjectivity of development], Informatsionnyye voyny, 4 (16) (2010) 69–78.
- [16] K.Kh. Delokarov, Globalizatsiya i teoriya khaosa [Globalization and the theory of chaos], in: Globalizatsiya: sinergeticheskiy podkhod [Globalization: a synergetic approach], RAGS Publ., Moscow, 2002.
- [17] Ye.G. Ponomareva, Kto sponsiruyet Naval'nogo? [Who is sponsoring of Navalny?]. Available at: <http://www.vnd12.ru/news/obschestvo/12513-navalnyy-kak-faktor-razrusheniya-strany.html> (accessed 26.08.2017).

Petrov Petr A.

E-mail: kalinin11823@gmail.com

Received 27.08.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8409

УДК 159.954.5:101.2

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Г. Саакян

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В начале XXI в. вопросы, связанные с изучением проблем идентичности, привлекли к себе много внимания, вокруг их изучения в историческом аспекте развернулось большое количество дискуссий и споров. В статье рассматривается проблема культурной идентичности в современном обществе. Дан анализ роли идентичности как фактора консолидации общества, значения национально-культурной связи идентичности в контексте глобализации, национального сознания, территориальной идентичности. В понятии «идентичность» отражается связь философии с актуальными сферами социальной теории и практики. Проблема культурной идентичности всегда была и остается злободневной, поскольку в ней отражаются отношение человека к культуре, наличие у людей культурного своеобразия, присущего как группам, так и отдельным индивидам. Философское осмысление проблем идентичности является актуальным как никогда, поскольку именно сегодня самоидентификация и отношение к иным культурным особенностям (национальным, религиозным, этническим, возрастным) определяют характер многовекторных отношений в современной действительности.

Ключевые слова: культурная идентичность; глобализация; национальное самосознание; религиозное сознание; территориальная идентичность

Ссылка при цитировании: Саакян А.Г. Культурная идентичность в современном российском обществе как объект исследования // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 88–95. DOI: 10.18721/JHSS.8409

CULTURAL IDENTITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY AS A RESEARCH OBJECT

A.G. Saakyan

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

At the beginning of the 21st century, studying the problems of identity has drawn a lot of attention, with a lot of discussions and disputes around studying these problems from a historical standpoint. The problem of cultural identity in modern society is considered in the article. The role of identity as a factor of consolidation of society and value of national and cultural communication of 'identity' in the context of globalization, national consciousness, territorial identity is analyzed. The identity is a concept reflecting the communication of philosophy with relevant spheres of social theory and practice. The problem of cultural identity always has always been and remains important as it reflects the relationship between the person and the culture, the presence of a cultural originality inherent both to groups, and individuals. Gaining a philosophical understanding of

problems of identity is now crucial more than ever, as today self-identification and the attitude towards other cultural features (national, religious, ethnic, age-specific) defines the character of multivector relations in modern reality.

Keywords: cultural identity; Russian society; national identity; national spirit; national consciousness; religion; territorial identity; globalization

Citation: A.G. Saakyan, Cultural identity in modern Russian society as a research object, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 88–95. DOI: 10.18721/JHSS.8409

Введение

Понимание проблем культурной самоидентификации и факторов ее формирования не может быть продуктивным без характеристики понятий «идентичность» и «глобализация», которые давно уже стали объектами интереса ученых разных сфер знания. В условиях современного глобального взаимодействия и взаимовлияния оно подвергается существенной корректировке.

Обзор литературы. Анализу этих взаимосвязанных проблем, механизмам идентификации и глобальному контексту, посвящены работы таких авторитетных отечественных исследователей, как А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, Н.Н. Моисеев, С.Г. Кара-Мурза, Л.Г. Ионин, В.Т. Пуляев, а также труды западных аналитиков Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Л. Фробениуса, А. Кребера, М. Херсковица, Л. Уайта, Л. Медоуза, М. Месаровича, Э. Пестеля, А. Печчеи, К. Лоренца, Я. Тинбергена, Э. Эриксона и др. В них представлен широкий спектр структурных теоретических концепций, проблемно-аналитических разработок и междисциплинарных исследований. Важные в этой связи вопросы относятся к пониманию факторов, способствующих формированию условий для успешной самореализации будущих профессионалов в ситуации непрерывной перестройки системы образования. Многие фундаментальные проблемы современной жизни коренятся в сфере культуры и представляют собой форму новых вызовов и угроз в XXI в. Важным для понимания проблемы идентичности и описания механизмов ее реализации является анализ этнической ее составляющей, в частности определение значимости понятия «народный дух», категорий «коллективное», «архетипическое», а также понимание значения аксиологиче-

ских структур как фундирующих ценностных ориентиров.

Постановка проблемы и цели исследования

В данном исследовании мы попытаемся осуществить философский анализ понятия «идентичность» и других понятий, а также определить их функциональные возможности и назначения, типологию и функции идентичности, рассмотреть классификацию научных законов и критерии научного знания.

Цели исследования предполагают решение следующих задач:

- проанализировать понятия «идентичность» в истории философии;
- охарактеризовать степень изучения смысла и значения социальной, этнической и политической идентичности;
- осмыслить роль идентичности как фактора консолидации общества;
- определить значение национально-культурного контекста понятия «идентичность»;
- установить степень влияния глобализации на характер и смысл понятия «идентичность».

Методология

Методология работы predetermined ее целью и задачами, а также самобытностью исследуемого материала. Базисом работы стал метод аналитического изучения источников, проясняющий их логику и содержание. Специфика постигаемого материала обусловила применение своеобразного подхода, требующего привлечения методов сравнительного и философского анализа для определения взаимосвязи научных идей, соотносящихся между собой в контексте преемственности либо противостояния.

Основными методами исследования проблемы идентичности явились историко-фило-

софский и герменевтический (контекстуальный) методы.

В статье проанализированы исторический и концептуальный аспекты проблемы идентичности.

Результаты исследования

Если в самом общем плане ставить вопрос о сущности глобализации, то опорным смыслом будет признание принципа конвергентности, сближения разных форм, структур и смыслов развития отдельных государственных, этнических, социальных и личностных образований в современном мире. Экономическое взаимодействие, и прежде всего роль финансового капитала, утверждение европейских ценностей в качестве универсальных, общечеловеческих, интернет-коммуникация, превалирование английского языка в качестве языка-медиума, преобладание массовой культуры как основы культурных стандартов – вот далеко не полный перечень факторов, определяющих глобалистические тенденции формирования современного общества. Все они во многом определяют вектор культурной идентичности российского общества в начале XXI столетия. Другими словами, перед российским обществом стоит проблема определения своей идентичности, и не важно, оказывается она осмысленной позицией или бессознательно определяющим фактором макро- и микропроцессов идентификации.

В таких условиях у людей с развитым самосознанием возникает потребность понять собственную идентичность как причастность к родовой культурной основе (языку, традициям, укладу жизни, формам творчества и т. д.), а у ученых – проанализировать механизмы этой культурной определенности [1, с. 208].

Принимая во внимание социокультурную ситуацию в современной России, где многообразие этих формообразующих элементов создает дополнительные сложности для выявления идентификационных ориентиров, становится понятной вся сложность решения проблемы определения идентификационных ориентиров [2, с. 61]. Причастность к определенной национальной культуре – это не заложенное в культуре самовоспроизводство заданных моделей идентичности. Это всегда осмысленное и деятельностное участие. Немцы, французы, англичане и представители других националь-

ностей могут быть «более русскими» по своему менталитету, чем русские по крови (достаточно вспомнить российского поэта А. Фета, или русского по крови и европейца по идеалам царя Петра I, или немецкую принцессу и русскую государыню Екатерину Великую). Человек становится представителем определенной национальной культуры, если он исповедует ценности, лежащие в ее основе.

Культурная и национальная идентичность и патриотизм – это стороны одной медали. Более того, национально-культурное самосознание и политическая стабильность государства являются тесно увязанными факторами государственной безопасности.

Проблема состоит еще в том, что российская национальная идентичность (как совокупность социальных норм, паттернов, установок, моделей поведения, нравственных ориентиров, национального характера) оказалась в критическом состоянии вследствие исторических потрясений и преобразований социальной структуры российского общества в ходе различных реформ, в том числе революционных, происходивших на всем протяжении XX в. Коллективистский и индивидуалистский рыночные принципы формирования идентичности одинаково глубоко повлияли на менталитет современного русского человека.

Здесь следует обратиться к авторитету Н.Я. Данилевского, полагавшего, что главный национальный интерес, соблюдение которого является высшей обязанностью государства, есть достойное существование каждого гражданина и всей нации в целом. «Государство есть такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества, а также жизнь, честь и свободу национальную» [3, с. 168].

Известно также, что, для того чтобы понимать душу этноса, его неповторимые черты характера, надо исследовать его жизнь в историческом аспекте. Поэтому в свое время И.Г. Гердер настаивал на самоценности национальных и исторических форм культуры, а разнообразие реализованных вариантов культуры рассматривал как единый процесс саморазвития человечества: «Культура есть господство человека над природой» [4, с. 302].

В представлении Г.В.Ф. Гегеля термин «культура» воплощается в понятии «объективного

духа» и означает объективацию «субъективного духа» в различных общественных институтах, в качестве которых выступают мораль, семья и право. «Это та точка зрения, которая показывает, что культура представляет собой имманентный момент абсолютного и обладает своей бесконечной ценностью» [Цит. по: 5, с. 365].

Подчеркнем, что в западной философии XX в. на первый план выдвигается формирование индивидуалистического типа идентичности, что в конце концов привело к утверждению персоналистских паттернов самоидентификации [6].

Нация – это еще одна из проблемных тем самоидентификации. Она является формой причастности к определенному человеческому сообществу. Дискуссии, разгоревшиеся в конце XX и начале XXI в. в отечественной и зарубежной философии, показывают, насколько сложно определить суть национальной идентичности. Главный вопрос, разделивший исследователей в области национальной идентификации, – это вопрос о сущностных основаниях национальной принадлежности. Служат ли суверенное государство, язык и территория основаниями для выявления национальной основы самоидентификации, или же нация, как полагает, например, Б. Андерсон, это «воображаемое сообщество» – это всё еще вопросы открытой дискуссии в целых областях гуманитарного знания [5, с. 84].

Разумеется, это не значит, что если она воображаема, то она нереальна, фиктивна и существует только в наших головах. Мнимость нации в этом случае означает лишь то, что каждый из составляющих ее индивидов непосредственно не знает и никогда не узнает всех ее членов, но это ничуть не мешает с ними себя соотносить. И это «воображаемое сообщество» – единство совсем иного порядка, чем виртуальное сообщество в Интернете. Нация всегда территориально определена (даже если ее границы гибкие или размытые), суверенна (имеет государство и независимость) и выражается в чувстве общей солидарности.

Если нация представляется («изобретается» или «конструируется»), то задача исследователя заключается в том, чтобы проследить процесс такого конструирования и выявлять причины формирования такого национального единства. В Советском Союзе на стадии фор-

мирования его государственности и идеологии союзных отношений шел интенсивный процесс «создания» этносов («Я сама родила множество узбеков», – свидетельствовала одна из участниц переписи населения в Самарканде в 1926 г.) [Цит. по: 7, с. 8]. Следует выяснить, в силу каких конкретных причин и под влиянием каких конкретных исторических факторов утверждается именно такой тип коллективной солидарности. Универсальных стандартов формирования нации и этноса просто не существует.

Так, исследователи национальных процессов Э. Геллнер и Б. Андерсон полагают, что национальная идентификация – это результат ряда модернизационных процессов. В этом отношении формирование национального сознания на современном этапе развития информационных технологий – это результат эволюции средств коммуникации. Факторами являются также функционирование массового рынка товаров, услуг и глобальная урбанизация

Точка зрения Э. Геллнера состоит в признании того, что изначально нации не существовали: «Нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей» [8, с. 35]. Другой исследователь, Хоми Бхабха, считает, что национальная идентичность не имеет под собой никаких других оснований, кроме духовных, и существует исключительно в форме рассказов и преданий различных народов о самих себе [См.: 9].

Принцип национальной идентичности – это в определенном отношении более конкретный и менее спекулятивный предмет анализа, чем включенные в традиционные подходы понятия национального самосознания и национального характера. Есть основания действительно развивать аналитику идентичности как «призму, через которую можно рассмотреть, оценить и изучить разные актуальные свойства и качества современной жизни» [8, с. 20].

Каждый индивид имеет потенциальную возможность выстраивать свою национальную самоидентификацию, во-первых, объективно, с учетом внешних заданных оснований своего государственного существования, и, во-вторых, субъективно, когда он реально осознает себя частью того или иного сообщества и свою причастность к национальной культуре. При этом нейтрализация данного типа самоидентификации делает национальное сообщество

аморфным, а признание его как субъекта исторического процесса нереализованным.

Традиционно нацию определяли как социальную общность, основанную на духовно-психологическом, историко-культурном, территориально-хозяйственном единстве. Такие факторы, как географическая локализация, единство хозяйственной деятельности, общая историческая судьба, национальный язык, хотя и определяют существование нации в мировой истории, однако являются только условиями, которые способствуют формированию внутреннего, экзистенциального осознания своей причастности к национальной жизни и культуре. Для своей реализации они должны переживаться и стать основой ценностных ориентиров, отношений и проявлений национального самосознания в конкретной жизненной стихии повседневности. Без такого живого участия национального самосознания в структурах повседневного самопроявления сообщество не сможет выступать в качестве активного субъекта исторического процесса.

Каждый человек является сопричастным национальной жизни общества только потому, что осознает свою принадлежность к ней, т. е. идентифицирует себя с национальным целым. Субъективные факторы выступают как силы, объединяющие национальный организм в единую целостность, они представляют собой действительную форму реализации национальной идентичности.

Среди факторов, существенно влияющих на формирование национальной идентичности, некоторые исследователи, например А.Д. Смит (A.D. Smith), выделяют национальный язык [7, с. 42] и, как следствие, определяют его влияние на ценности, традиции, обычаи и символы культуры.

Доминирующим фактором в формировании культурной идентичности в современном российском обществе была и остается религиозная самоидентификация. Сегодня религия, которая на протяжении многих веков была основополагающим интегрирующим фактором формирования самосознания в России, в основном эффективно выполняет эту функцию и в современной духовной жизни.

Традиционно религиозная определенность сознания находилась в тесной взаимосвязи с другими видами идентичностей человека: поли-

тической, национальной, социокультурной – и часто составляла основу для их формирования. Религия играла важнейшую роль в образовании европейских государств, способствовала легитимизации власти, установлению политического суверенитета. Также следует отметить историческую связь между вероисповеданием и осмыслением национальной причастности в контексте исторической региональной и территориальной принадлежности. Религиозные конклавы до сего дня имеют характер социокультурных границ.

Важнейшим является то, что религия, так же, как и любая другая действующая, активизированная мировоззренческая система, не может объединять современных людей, склонных к скептицизму, индивидуализму и разобщенности. «Сильная» идентичность – стабильная, составляющая основу для действия, определяющая поведение людей, – периодически сменяется «слабой», легко и быстро меняющейся, носящей декларативный и случайный характер. Эта тенденция в полной мере относится к религиозной идентичности, если религиозная причастность никак не влияет на мораль и нравственные поступки людей, совсем уходит в частную, приватную сферу жизни, становится формой существования «для внутреннего употребления».

На рубеже XX–XXI вв. после политики атеистического давления официальной идеологии в России можно отметить настоящее религиозное возрождение на всем постсоветском пространстве. Это произошло в силу разных причин – необходимости укрепления мировоззренческих ориентиров, заполнения духовного вакуума, очевидного на всех уровнях социальной действительности, в связи с духовной свободой, открывшей религиозные шлюзы. Указанные тенденции в формировании религиозной идентичности еще недостаточно изучены и требуют тщательного исследования и анализа.

Аксиологическая функция в формировании программы культурной идентичности и самоидентификации – это также определенный код понимания ее структурной и смысловой основы. Ценности возникают в форме привычек, на основе сложившихся обстоятельств существования, специфических форм поведения, они передаются от поколения к поколению как устойчивая структура определенного образа

жизни и определенного поведения. Ценности позволяют определяться в обществе разноуровневым мотивациям и целям, управляющим общей стратификацией его развития. Кроме того, ценности являются критериями поступков людей. Они выступают факторами развертывания политической истории. Ценности управляют человеком, его поступками, волей, чувствами, эмоциями, разумным выбором, отношением к материальным благам. Но есть еще одно измерение аксиологического содержания, включенного в процессы самоидентификации. Аксиология находится в прямой связи с этикой, философией нравственности. «Аксиологические истины, какими бы очевидными и бесспорными они ни казались и каким бы общечеловеческим содержанием ни наполнялись, остаются гипотетическими истинами до того момента, пока онтологически не закрепляются в нравственном действии», – отмечает В.А. Серкова [10, с. 131]. Действительно, аксиология «требует» (точнее, предполагает) своего разрешения в нравственном действии, в поступке. Это необходимая (и завершающая, в определенном смысле) стадия и форма самоидентификации. Это полная определенность идентичности.

Важнейшими основами формирования территориальной идентичности населения рассматриваются: географо-ландшафтный фактор и природные ресурсы территории; исторические особенности и условия развития; культурное наследие и этнические традиции; язык, диалекты, религиозная определенность, конфессиональная принадлежность; региональная включенность в хозяйственную и экономическую деятельность; качество жизни жителей определенной территории; политические основы жизни населения.

Особую актуальность приобретает анализ проблем, связанных с процессом формирования российской идентичности и интеграции мультикультурного российского населения для решения ряда насущных и неотложных государственных, экономических и политических задач. Как отмечают многие исследователи, именно сохранение российской идентичности способствует успешной интеграции России в мировое сообщество и позиционированию на международной арене. На личностном уровне это проявляется в утверждении общественных жизненно важных ориентиров и ценностей.

Принцип национальной идентичности формирует чувства защищенности в масштабах «своего» общества и устраняет ощущение тревоги и фрустрации [11, с. 10].

Процессы глобализации в начале третьего тысячелетия резко изменили характер и смысл процесса культурной идентификации, что отмечают ученые разных областей гуманитаристики – политологи, социологи, психологи, культурологи. Основными факторами, меняющими интенсивность этих процессов, явились формирование единого общемирового финансово-экономического пространства и возникновение новых интернет-технологий [12, с. 51]. В этом процессе, однако, существенную роль играет экспансия культурной «американизации» (вестернизации), которая во многих отношениях и является лицом глобализма.

«Идеологи» глобализации (как правило, выходцы из США) ассоциируют ее с утратой национальной и культурной определенности. Их футурологические прогнозы предвещают в дальнейшем усиление гомогенизации и унификации мира.

Копирование опыта, представленного передовыми высокотехнологичными государствами Запада, отдаление от собственных традиций могут иметь серьезные последствия, о чем еще в середине XX в. предупреждал идеолог модернизма, антрополог К. Леви-Стросс. Исследователь отмечал, что ему сложно даже предположить, каким образом одной цивилизации допустимо сделать попытку воспользоваться образом жизни других цивилизаций. Это, по мнению ученого, возможно только в том случае, когда цивилизация отказывается оставаться без изменений в традициях, культуре, ценностных ориентациях. По мнению исследователя, на самом деле попытки подобного переустройства могут спровоцировать появление двух результатов: либо дезорганизация и крах одной системы, либо оригинальный синтез, который ведет к возникновению третьей системы, не сводимой к двум предыдущим [13, с. 335].

Как уже отмечалось, еще Гердер утверждал, что наличие большого разнообразия культур является движущей силой эволюции культуры, и в то же время это залог полноценного интеллектуального и духовного развития отдельных представителей этой культуры.

Характеризуя процессы воздействия глобализации на формирование культурной идентичности, укажем на тот факт, что в научных источниках всё еще активно обсуждается возможность формирования некоей «мультикультурной идентичности», и это несмотря на кризис данной идеологии в европейских странах в связи с эмиграционными процессами и формированием целых культурных агломераций в традиционных европейских анклавах. «Мультикультурная идентичность» подразумевает сохранение своей прежней культурной определенности при вхождении в новую культурную среду [14, с. 63].

Анализируя влияние глобализации на формирование процессов национальной культурной самоидентификации, отметим ряд факторов. Среди них прежде всего наличие у народа совместной территории проживания, культурных традиций, исторической памяти, самосознания, совместного экономического пространства для хозяйственной деятельности, традиционной, освященной временем религии и базового, титульного языка. Каждый из этих факторов дифференцируется на ряд составляющих. Так, религиозный фактор предполагает процесс воцерковления, т. е. участие в традиционной, освященной временем и традицией приходской жизни, наличие важных для духовной жизни святых мест, укоренившихся праздников, религиозных, определенных догматикой обрядов и наличие институциональных структур, определяющих церковную иерархию.

Когда речь идет о культурных традициях, то имеются в виду общие обычаи, сложившаяся литературная, фольклорная, духовная основа мировоззрения, присущего той или иной общности. Весомую роль в консолидации на-

ции играет коллективная историческая память народа. Особенно актуальной она является в условиях наличия трагических катаклизмов в истории нации. Но проблема восстановления и утверждения исторической памяти требует знания не только негативных факторов исторической жизни общности, но и способов преодоления кризисов, предотвращения их. Процесс национальной идентификации носит отнюдь не спонтанный и стихийный характер. Он предполагает формы и способы активного формирования основ национальной идентичности, включая идеологическую, пропагандистскую, воспитательную и просветительскую работу.

Это залог стабильности государства, включенности его граждан в процессы культурного взаимодействия и национальной причастности к коллективной духовной жизни. Государство выступает в этом отношении конституционным гарантом и вдохновителем.

Особую важность имеет забота о сохранении и развитии национального языка, носителя истории народа. Именно поэтому изучение и сбережение чистоты русского языка является не праздным делом, а насущной необходимостью.

Заключение

Процессы национальной самоидентификации и глобализации самым тесным образом переплетаются в жизни современного общества. Именно на этом основании их изучение и понимание должно осуществляться во взаимосвязи. Процессы глобализации, неустранимые из современной культуры, являются как положительными, так и отрицательными факторами формирования культуры и культурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов И. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012.
2. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 550 с.
4. Гердер И.Г. Мысли, относящиеся к философской истории человечества, по разумению и на-

чертанию Гердера. СПб.: Б. и., 1829 (Тип. Н. Греча). 4, IV. 302 с.

5. Андерсон Б. Воображаемые общества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 365 с.

6. Сузова Е.А. Трансформация европейской модели идентичности в процессе глобализации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/transformatiya-evropeiskoi-modeli-identichnosti-v-protssesse-globalizatsii#ixzz4gTwMJeMz> (дата обращения: 14.04.2017).

7. **Smith A.D.** Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism. N. Y.; L.: Routledge, 1998.

8. **Геллнер Э.** Нации и национализм [пер. с англ.]. М., 1991.

9. **Руткевич М.Н.** Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 23–28.

10. **Серкова В.А.** Феноменология культуры: текст лекций. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. 138 с.

11. **Горшков М.К.** Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1.

12. **Делягин М.Г.** Мировой кризис: общая теория глобализации: курс лекций. М., 2003. 768 с.

13. **Levi-Strauss C.** Antropologiaestructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico, 1990.

14. **Ушанова И.А.** Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестн. Новгородского гос. ун-та. 2004. № 27. С. 61–65.

Саакян Ануш Генриховна

E-mail: anushsaakian@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 9.05.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

[1] I. Semenenko, Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki [Identity as a category of political science], ROSSPEN, Moscow, 2012.

[2] A.V. Miklyayeva, P.V. Romyantseva, Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержaniye, struktura, mekhanizmy formirovaniya [Social identity of the person: content, structure, mechanisms of formation], monogr., RGPU im. A.I. Gertsena Publ., St. Petersburg, 2008.

[3] N.Ya. Danilevskiy, Rossiya i Yevropa [Russia and Europa], Drevneye i sovremennoye Publ., Moscow, 2002.

[4] I.G. Gerder, Mysli, odnosyashchiesya k filosoficheskoy istorii chelovechestva, po razumeniyu i nachertaniyu Gerdera [Thoughts related to the philosophical history of mankind, by understanding and outline of Gerder], St. Petersburg, 1829 (Typ. N. Grecha). 4, IV.

[5] B. Anderson, Voobrazhaemye obshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined community. Reflections on the origin and spread of nacionalizm], Moscow, 2001.

[6] Ye.A. Surova, Transformatsiya evropeyskoy modeli identichnosti v protsesse globalizatsii [Transformation of the European identity model in the process of globalization], abstr. doct. diss. Available at: <http://www.dissercat.com/content/transformatsiya-evropeiskoi-modeli-identichnosti-v-protsesse-globalizatsii#ixzz4gTwMJeMz> (accessed 14.04.2017).

[7] A.D. Smith, Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism, Routledge, New York, London, 1998.

[8] E. Gellner, Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism], Moscow, 1991.

[9] M.N. Rutkevich, [The theory of the nation: a philosophical problem], Voprosy filosofii, 5 (1999) 23–28.

[10] V.A. Serkova, Fenomenologiya kul'tury [Phenomenology of culture], Polytekhnikal univ. Publ. House, St. Petersburg, 2010.

[11] M. Gorshkov, [Russian identity in the context of Western European culture], Vlast', 1 (2013).

[12] M.G. Delyagin, Mirovoy krizis: obshchaya teoriya globalizatsii [World crisis: the General theory of globalization], Moscow, 2003.

[13] C. Levi-Strauss, Antropologiaestructural: Mito, sociedad, humanidades, Mexico, 1990.

[14] I.A. Ushanova, [Globalization and multiculturalism: ways of development], Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 27 (2004) 61–65.

Saakyan Anush G.

E-mail: anushsaakian@yandex.ru

Received 9.05.2017, accepted 7.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8410

УДК 101.1:316.772

СМАРТМОБ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Д.С. Быльева, В.В. Лобатюк

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информационно-коммуникативные технологии породили новый социальный феномен, позволяющий соединять подчас незнакомых людей для определенных целей с помощью социальных сетей, мессенджеров и т. п. Однако данный феномен, получивший уже большое распространение в повседневной жизни, в научной литературе не имеет единого наименования. Не разделяя стремления многих исследователей расширить понятие флешмоба до любой совместной деятельности, организуемой через Интернет, авторы статьи ставят основной ее целью преодоление серьезной терминологической неясности, возникшей при определении таких понятий, как «смартмоб» и «флешмоб». Приведены результаты содержательного анализа более чем 1000 смартмобов/флешмобов, описанных на различных сайтах и форумах, а также представленных в формате видеозаписи. На их основе дано авторское определение понятия смартмоба как социальной группы, которая действует согласованно по времени с определенными целями, предварительно скоординировав свои действия с помощью информационно-коммуникативных технологий, а также понятия флешмоба как его разновидности, подразумевающей мгновенный сбор в определенном месте. Для пояснения возможностей и особенностей смартмоба представлена развернутая классификация его видов по целям, форме участия (классический, игровой, политический, девиантный, личный, коммуникационный, социальный, псевдосмартмоб), способу передачи информации участникам и инициаторам акции.

Ключевые слова: флешмоб; смартмоб; социальная группа; информационно-коммуникативные технологии; коммуникация; Интернет

Ссылка при цитировании: Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 96–107. DOI: 10.18721/JHSS.8410

SMART MOB: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

D.S. Bylieva, V.V. Lobatyuk

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Information and communication technologies have given rise to a new social phenomenon that, for certain purposes, allows to connect strangers with the help of social networks, messengers, etc. However, even the name of this phenomenon, which is currently quite widespread in everyday life, varies in the scientific literature. The authors see the main goal of this study in overcoming the serious terminological ambiguity that arose in the definition of such concepts as smart mob and flash mob. The article presents the results of a content analysis of more than 1000 smart mobs (websites, forums, video recordings). The authors define the concept of a smart mob as a social group that acts

coordinated in time with specific goals, having previously agreed the actions with the help of information and communication technologies. A flash mob is the smart mob's version implying an instant meeting in a certain place. To clarify the possibilities and features of the smart mob, the article presents a detailed classification of the types of smart mobs by purpose (classic, game, political, deviant, personal, communicational, social and pseudo smart mob), form of participation, the way information is transmitted to participants and initiators of the action.

Keywords: flash mob; smart mob; social group; information and communication technologies; communication; Internet

Citation: D.S. Bylieva, V.V. Lobatyuk, Smart mob: a socio-philosophical analysis, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 96–107. DOI: 10.18721/JHSS.8410

Введение

Широкое внедрение социальных сетей способствует социализации Интернета. Он стал той технологией, которая впервые сделала возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе, так как, согласно последним данным, сетью пользуются более 3,7 млрд человек по всему миру¹. В первую очередь это связано с шестой информационной революцией, свидетелями которой мы являемся. Она погрузила нас в глобальные сети виртуальной реальности, интегрировала мультимедийные технологии во все сферы жизни [1, с. 75]. Это подтверждает в своих исследованиях и Д.Г. Попов, отмечая также, что, благодаря активному развитию Интернета и мобильных технологий, «граждане и институты могут участвовать в процессе разработки решений и контроля над властью через новые системы коммуникации», а это отражает чаяния народа о будущем демократии [2, с. 46]. Н.В. Никифорова также связывает новые технологии с демократией и прозрачностью государственного регулирования [3, с. 100]. А в работе В.В. Фокиной отмечено, что влияние социальных сетей распространяется даже за пределы отдельных государств, вовлекая широкую общественность разных стран в процесс обсуждения актуальных мировых проблем [4, с. 65].

Новые технологии вносят значительные изменения в разные аспекты общественной

жизни, но в зависимости от вида их использования могут иметь как положительное и полезное влияние, так и отрицательное. Именно поэтому особое место в изучении проблем информатизации общества принадлежит социальной философии, которая включает в свою предметную область все сферы жизни на широкой междисциплинарной основе, рассматривая в системном и органичном единстве объективные и субъективные стороны жизнедеятельности человека, способствуя более полному и глубокому раскрытию закономерностей и механизмов информационных процессов в обществе, предельно сближая предметные поля философии, психологии, культурологии и социологии. Глобализация информационных процессов, внедрение в жизнедеятельность человека новейших информационных технологий, развитие личности в современных условиях неизбежно влекут за собой потребность в переосмыслении проблем, возникающих в связи с этим, с философской точки зрения.

Данное исследование посвящено социально-философскому анализу смартбоа как явления, порожденного современными информационно-коммуникативными технологиями и распространившегося на разнообразные сферы человеческой деятельности. В то же время можно говорить о том, что данный феномен недостаточно изучен в современной научной литературе, нет даже четкого разграничения таких понятий, как «смартмоб» и «флешмоб».

Термин «смартмоб» (англ. умная толпа) ввел в научный оборот социолог Г. Рейнгольд, опубликовавший в 2002 г. книгу «Smart mobs:

¹ *Internet World Stats*. Internet usage statistics. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 08.06.2017).

The next social revolution». В ней отмечается, что современные средства связи позволяют людям действовать вместе новыми способами и в ситуациях, в которых коллективные действия раньше были невозможны [5, с. 8], причем людям незнакомым между собой [Там же. С. 4].

По выходе этой книги Рейнгольда его теория в 2003 г. получила первое практическое приложение, которое получило название «флешмоб» (*англ.* flash – миг, мгновение, mob – толпа) – мгновенная толпа. П. Макфедрис в том же году определил флешмоб так: «большая группа людей, которая собирается в заранее определенном месте, представляет короткое действие и быстро исчезает» [6, с. 56]. В научном обиходе термин «флешмоб» также подменил собой термин «смартмоб», а последний используется (не всегда) для обозначения только политических акций.

Еще в 2011 г. П. Грейндж определил флешмоб как группу «мобильно связанных людей, которые неожиданно собираются, осуществляют некое особенное, но безобидное действие, затем быстро расходятся» [7, с. 165]. А в 2014 г. флешмобу было дано уже расширительное толкование: «современное общественное движение, где все участники связываются с помощью технологий, чтобы объединиться в группу» [8, с. 31].

В Оксфордском словаре флешмоб определен как «общественное собрание большого числа людей, которые выполняют необычное или кажущееся случайным действие, а затем быстро расходятся; чаще всего организовано средствами Интернета, социальных сетей»². В русскоязычных словарях используются похожие формулировки, например: «собрание большого количества людей в заранее установленном месте и в заранее установленном время для выполнения какого-либо заранее придуманного сценария»³, «новое движение, которое имеет уникальную идеологию и не имеет аналогов в

мировой истории»⁴ и далее следует традиционное описание.

Отечественные специалисты интересуются проблематикой смартмоба и флешмоба прежде всего в политическом и юридическом аспектах, реже – в маркетинговом. Существует также ряд описательных и публицистических работ. Некоторые авторы используют термины «флешмоб» и «смартмоб» как синонимы [См., например: 9, с. 173]. В русскоязычных статьях по политологии для обозначения акций с политическими целями стали использовать словосочетание «политический флешмоб» [10, с. 4; 11, с. 61] или «политмоб». Последний термин используется либо как синоним термина «политический флешмоб» [12, с. 157], либо как особая форма «умной толпы», отличная от флешмоба [13, с. 12]. Дополнительную сложность теоретическому определению придает то, что в массовом употреблении в России термин «флешмоб» используется для обозначения самой акции, а не собранных людей, как в оригинальном значении.

Однако изначально флешмоб подразумевал мгновенное собрание людей, что и зафиксировано в его названии, а кроме того, декларировалось отсутствие каких-либо политических, социальных или экономических целей. Недавно Б. Васик (организатор первого флешмоба) в 2005 г. объявил, что флешмоб умер. Е. Доуней объясняет это реакцией на коммерческие интересы и массовость использования [14, с. 132].

Проблема определения понятия в России имеет не только научный, но и юридический аспект, а проблематика отсутствия определения и регулирования «умной толпы» в российском законодательстве вызывает большие дискуссии [13, с. 13 и др.; 15]. Чаще всего смартмоб – это не шествие, не пикетирование, не демонстрация, не собрание и не митинг, и потому не регламентируется законодательством.

Зарубежные исследователи охватывают более широкий круг проблем, среди которых «родство» классического флешмоба и связанных с насилием смартмобов последнего десятилетия [16; 17, с. 130–132], исторические

² *Oxford english dictionaries online*. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/flash_mob (дата обращения: 08.06.2017).

³ *Словарь современной лексики, жаргона и сленга*. URL: <http://argo.academic.ru/5564/флешмоб> (дата обращения: 18.06.2017).

⁴ *Радченко И.А. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз / под ред. Е.Е. Топильской*. URL: <http://vocable.ru/termin/flashmob.html> (дата обращения: 18.06.2017).

предшественники флешмобов [14], философия музыки и танца в городской среде [18, с. 115–119], построение разнообразных моделей, описывающих зависимость участия в смартмобе от социологических факторов [19, с. 888–899], от особенностей стран проведения [Там же], с помощью логической структуры соотношения интереса и контроля [20, с. 4–5].

Постановка проблемы и цели исследования

Как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе существует проблема с терминологией, мешающая правильно определить положение нового социального явления.

Для преодоления имеющихся двусмысленностей надо выяснить, в чем разница между словами «флешмоб» и «смартмоб», дать определение этим понятиям и соответственно разобраться с их взаимосвязью. Кроме того, представляется необходимым составить развернутую классификацию смартмобов, что позволит полнее проанализировать разнообразные аспекты данного явления.

Методология

Использованы методы социального анализа (сравнительный, контекстный, содержательный), которые позволили изучить: сайты-форумы, объединяющие организаторов и участников флешмобов (общероссийские, крупных городов); видеозаписи на хостинге youtube, посвященные российским и зарубежным флешмобам; публикации в средствах массовой информации о разнообразных флешмоб-акциях; социальные сети на предмет объединяющих тегов #flashmob (в русской и английской части); политические акции, осуществлявшиеся по технологии смартмоб. Всего было рассмотрено более 1000 разнообразных флешмобов.

Результаты исследования

Представляется теоретически неверным использование широко известного общественности термина «флешмоб» для всех явлений, связанных с организацией людей с помощью интернет-технологий. Существует классическое определение флешмоба, признанное большинством исследователей и зафиксированное в Оксфордском словаре.

В то же время необходимо помнить, что понятие флешмоба возникло позже и под влиянием

теории смартмоба, потому закономерно использовать «смартмоб» как родовое понятие.

Критически важной чертой, объединяющей всё многообразие смартмобов, является предварительная организация с помощью информационно-коммуникативных технологий для определенных действий.

Сложный вопрос представляет собой отношение смартмоба к толпе, социальной группе или социальной технологии. С одной стороны, наличие цели, совместного плана действий, самоидентификации членов как принадлежащих к группе не позволяет считать смартмоб толпой. С другой стороны, анонимность членов – это традиционное свойство толпы. Однако анонимность приписывается исследователями [21, с. 242] смартмобу с точки зрения взаимодействия в физическом пространстве, а в интернет-пространстве участники являются идентифицируемыми и не анонимными.

Кроме того, для смартмоба длительное взаимодействие членов не обязательно, а для социальной группы это традиционно. Акции бывают одноразовыми и привлекают случайных, незнакомых и никак не связанных между собой членов, которые образуют ту самую «скоординированную толпу», описанную Г. Рейнгольдом.

Стоит отметить, что многие из исследователей смартмобов обращаются к неклассическому определению толпы, предложенному Г. Лебоном. Им было введено такое понятие, как «организованная толпа», т. е. толпа с четкой организационной структурой, упорядоченная (к ней, например, можно отнести даже армию). Лебон употреблял и термин «одухотворенная толпа», подчеркивая, что у толпы возникает своя собственная душа. Ряд исследователей также рассматривают флешмоб как действующую или экспрессивную толпу, ставят его в один ряд с такими культурными явлениями, как карнавал или религиозное действо. Большинство ученых всё же не соглашаются с этим расширенным толкованием и полагают, что толпой можно называть лишь неорганизованную массу народа. Однако любая толпа является квазигруппой, т. е. социальной группой, которая отличается непреднамеренностью, в которой отсутствуют устойчивые связи между членами и социальная структура, нет общих ценностей и норм, а взаимоотношения имеют односторонний характер. Квазигруппы существуют непродолжительное

время, затем они или окончательно распадаются, или под воздействием обстоятельств превращаются в устойчивые социальные группы. Эти характеристики вполне подходят для описания флешмоба в эпоху его зарождения, но смартфон уже в большей степени относится к социальной группе, потому что обладает такими ее признаками, как наличие внутренней организации, общая (групповая) цель деятельности, групповые формы социального контроля, образцы (модели) групповой деятельности, интенсивные групповые взаимодействия, чувство групповой принадлежности или членства, ролевые ожидания членов группы относительно друг друга.

По мнению исследователей, смартфон в общем смысле — это социальная группа с неопределенными границами членства, которая действует согласованно по времени с определенными целями, предварительно скоординировав свои действия с помощью средств Интернета и мобильной коммуникации.

Для уточнения положения различных явлений, связанных с организацией массовых мероприятий при помощи средств Интернета, и прежде всего социальных сетей, необходимо разработать классификацию смартфонов.

Зарубежные исследователи В. Чиоу-Пирнг, П.А. Деви и Ф.Б. Цынтхиа предложили деление понятия «смартмоб» на восемь типов: художественный, перформанс, деловой, политический, криминальный, образовательный, благотворительный, личный [8, с. 28]. В. Молнар выделил несколько других форм смартфонов: атомизированные (аналогичные классическому флешмобу), интерактивные (похожи на детскую игру, вроде боя на подушках), перформанс, политические и рекламные [22, с. 49–50].

Наиболее обширную классификацию можно обнаружить у отечественных авторов Г.В. Довжик и Е.И. Глухой [21]: неспектакльный моб (реальный флешмоб), i-моб, экстрим-моб, l-моб, small-mob, фан-моб, date-моб, моб-хаус, моб-игра, книговорот, фаршинг, монстрация. Эта классификация, по всей вероятности, имеющая источником участников акций, использует несколько оснований деления: длительность, степень театрализации, степень опасности, целеполагание и т. п. По-видимому, все предложенные виды выделены для того, чтобы указать их отличия от классического флешмоба.

Необходимо отметить, что возникают новые формы организации людей с помощью информационно-коммуникативных технологий. Например, в 2011 г. появилось наименование «flash robs» (или «флешмоб-ограбление», в Чили — «turbazo»). Мобильные технологии позволили не только легко организовать через социальные сети совместное нападение, но и быстро сбыть украденное. Другое новое название, «bash mob», возникло в Калифорнии в 2013 г., когда более сотни человек, собравшись с помощью социальных сетей, устроили хаос на рынке, грабя, причиняя материальный и физический ущерб [20, с. 2]. Или, например, наименование «golezinho», появившееся в 2013 г. в Бразилии, где сотни молодых людей из неблагополучных районов, скоординировавшись через Facebook, собираются вместе в торговых центрах, пугая их владельцев и охранников, однако не совершают противоправных действий. Бразильские исследователи считают, что golezinho «подчеркивает противоречия бразильского общества и делит пространство согласно политической логике» [16, с. 128].

С нашей точки зрения, необходимо произвести классификацию смартфонов по нескольким критериям.

1. По **целям проведения** смартфона можно разделить на семь типов:

1) *Классический тип (цель — удивить/шокировать)*. Эта цель была исторически первой и создала представление о классическом флешмобе, когда большая группа людей внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут они выполняют заранее оговоренные действия странного содержания и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, не вступая в контакт ни между собой, ни со зрителями. Цель смартфона на этом этапе была неясна стороннему наблюдателю. И именно эта иррациональность поведения массы людей привлекала участников акции. Целью акции являлась возможность «сломать» четкую и размеренную жизнь огромного города. Тайна, окружавшая участников акции, — обязательное условие, внимания СМИ они старались избегать.

Первые организаторы флешмобов установили принцип: «флешмоб вне религии, вне политики, вне экономики», т. е. он нарочно не использовался в корыстных целях. Организаторы акций стремились не повторять использованные

варианты. Их задачей было исказить городское пространство, создать уникальную, невозможную ситуацию. Это перформанс, художественное творчество, где объектом воздействия выступает социальное городское пространство. Как отмечает Р. Уолкер, флешмоб – это «глоток свежего воздуха в высоко контролируемом и предсказуемом обществе» [17, с. 130].

В России первые флешмобы прошли 16 августа 2003 г. в Санкт-Петербурге и Москве: их участники встречали на вокзале приехавших поездом пассажиров с табличками «Татьяна Лаврухина. Общество анонимных алкоголиков» (в Петербурге) и «NzR178qWe» (в Москве). В тот же день прошли первые акции в двух городах на Украине: в Киеве около 70 участников купили по сосательной конфете на палочке и пошли рассматривать витрины магазинов с 17.58 до 18.02, затем все собрались возле конфетного ларька и, облизывая свои конфеты, стали спрашивать у продавцов: «Скажите, пожалуйста, сколько нужно съесть таких конфет, чтобы поправиться на 7 килограммов?»; в Днепропетровске в 17.17 в торговый комплекс «Гранд Плаза» вошли 30 человек в бумажных шапочках, молча прошли через два этажа комплекса и пошли пить пиво.

2) *Игровой тип (цель – массовое совместное действие)*. Данный тип пришел на смену творческому, привлекая множество людей, не готовых соблюдать правила и секретность, а желающих простого совместного развлечения. Возможная численность участников возросла до многих тысяч человек. Особенно это характерно для танцевальных и «фигурных» смартмобов.

Суть танцевальных акций в том, что заранее договорившиеся участники начинают неожиданно танцевать все вместе в многолюдных общественных местах. Самый многочисленный флешмоб собрал около 20 тыс. человек на концерте «Black Eyed Peas» в Чикаго в 2009 г. В последние пять лет множество танцевальных смартмобов с огромным количеством участников проходили и в России: в Москве (одним из самых эффектных был смартмоб на Воробьевых горах под песню «Puttin on the Ritz» в феврале 2012 г.), Новосибирске, Казани, Санкт-Петербурге. Иногда танцы имеют какой-либо дополнительный социальный смысл. Например, в 2008 г. в Лондоне, Берлине, Париже, Урехте, а также в Канаде беременные женщины танце-

вали на улице брейк-данс. Целью декларировалась защита прав беременных в бедных странах, где они не получают должного медицинского обслуживания.

В нарушение правила «классического» флешмоба наиболее удачные идеи становятся регулярными. Например, традиционный зимний флешмоб под названием «Без штанов в метро» заключается в том, что сотни жителей Нью-Йорка, Атланты и Лос-Анджелеса все сразу спускаются в метро, где временно избавляются от штанов и совершают поездку в нижнем белье. Среди традиционных международных смартмобов можно отметить «Бесплатные объятия», «Много носков» (люди, принимающие участие в этом флешмобе, целый день ходят в носках разного цвета, что является символом инаковости), «Всемирная подушечная битва» и др.

3) *Политический тип (цель – сохранение, изменение или разрушение системы власти)*. Политические смартмобы могут существенно отличаться по форме проявления и целям. Они могут быть похожи на классические флешмобы, когда протестное поведение выражается в странных действиях с политической окраской. Так, в 2006 г. в центре Минска несколько участников раскрыли газету «Советская Белоруссия» и начали рвать ее на мелкие кусочки, другие 30 минчан демонстративно завязали глаза и отвернулись от установленного на площади экрана, по которому транслировалось выступление прокурора Белоруссии.

Однако некоторые политические смартмобы оказались серьезной политической силой, позволяющей осуществлять государственные перевороты («арабская весна – 2», «евромайдан», беспорядки в Англии в 2011 г. и многие другие эпизоды). В процессе «арабской весны» использовался хештег #LibiaFeb17, по которому легко отслеживались планируемые действия. Объединяемые через хештеги в сети недовольные люди неожиданно включались в акции на улицах многих городов во всем мире, от Нью-Йорка до Москвы, с хештегом #оссиру. Дж.Б. Лим исследовал недавние смартмобы в Малайзии в поддержку «чистых и честных выборов», которые имели серьезную интернет-поддержку за границей. А некоторыми акциями руководили лица, проживающие в других странах [23, с. 224].

4) *Девиянтный тип (цель — объединение и действие совместной разрушительной силой)*. К данной категории относятся прежде всего ограбления большой группой молодых людей магазинов в крупных городах, когда их продавцы и охранники не могут этому препятствовать из-за перегруженности покупателями.

Сюда же мы относим молодежные толпы в торговых центрах, причиняющие беспокойство, устраивающие хаос и/или наносящие материальный и физический ущерб. Явление возникло в Чикаго, Филадельфии и Вашингтоне в 2010 г., а затем распространилось на многие другие города и соседние страны (bash mob, «rolezinho»). Некоторые исследователи относят подобные смармобы к политическим [22, с. 51]. Осознавая, что главная причина появления подобных смармобов — социальное неравенство и что современные технологии позволяют бедной молодежи объединяться и демонстрировать силу, мы, тем не менее, выделяем их в отдельный специфический тип.

5) *Личный тип (цель — сделать человеку приятное)*. Примерами такого рода смармобов могут быть: предложение руки и сердца с привлечением массы участников, которые делают заранее оговоренные действия; приглашение более 1000 болельщиков на детский хоккейный турнир (Санкт-Петербург, 2015); разговор на языке жестов всех встречаемых, которые попались глухому на пути (Стамбул, 2015); поздравление водителя автобуса с днем рождения (Киркленд, 2011).

6) *Коммуникативный тип (цель — поделиться идеей, творчеством, успехом в общем задаваемом коммуникативном поле)*. К такому типу относятся смармобы в социальных сетях, блогах и на других интернет-площадках, когда все участники делают одно и то же «задание» и выкладывают результаты в сети (чаще всего с определенным тегом). Это могут быть разнообразные фотографии или видео, ответы на вопросы, литературные или художественные работы с заданными параметрами.

Интернет становится коммуникативной площадкой, где незнакомые люди вместе шутят, творят, выражают свои мысли. Теги позволяют легко найти единомышленников, посмотреть их пост, оценить, пообщаться. Темы коммуникативных смармобов могут быть разными. Например, в январе 2017 г. в социальных сетях

появились фотографии людей, притворяющихся мертвыми, с тегом #deadpose. В мае 2017 г. в российских сетях были размещены видео с тегом #ДеньФутбола, на которых разные люди бьют по мячу.

7) *Социальный тип (цель — привлечь внимание властей и заинтересованных людей к проблеме)*. Способность смармобов привлекать к себе внимание как обычных граждан, так и журналистов обусловила использование их в качестве социальных акций. Например, в Цюрихе состоялся антиядерный флешмоб, в ходе которого активисты организации «Greenpeace» смешались с обычными жителями, а после все упали на землю, изображая таким образом смерть из-за катастрофы от ядерного заражения. Или уже упоминавшийся флешмоб, посвященный защите прав беременных женщин в бедных странах.

Интересным является тот факт, что смармоб стал не только указанием на проблему, но и ее решением. Примером стихийного смармоба, начавшегося с предложения одного человека, может служить реальная помощь людям, которые не могли добраться домой из-за закрытия метрополитена после теракта в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 г. Тысячи владельцев автомобилей предлагали свою помощь в социальных сетях (с хештегом #домой) и автомобильных картах. Уже через несколько часов были созданы списки по станциям метро, в них автомобилисты отмечали, по какому маршруту они могут подвезти людей. Затем к процессу подключились коммерческие организации (водители такси предлагали бесплатную развозку, бензоколонки — бензин для развозящих, кафе — чай для тех, у кого не получилось уехать) и администрация города (бесплатный проезд в общественном транспорте, бесплатный проезд по платной автомагистрали).

Кроме того, необходимо выделить «псевдо-смармоб», который не соответствует базовому определению смармоба и является его имитацией, обычно в *коммерческих* интересах. Собственно, коммерческие «флешмобы» чаще всего организуются как обычное театрализованное представление, с приглашенными и оплаченными «актерами» или «статистами». Коммерческий эффект такого ложного смармоба рассчитан чаще всего на его видео-

версию, которая привлекает многотысячную аудиторию. В 2009 г. мобильный оператор организовал танцевальный «смартмоб» на вокзале в Ливерпуле. С этого момента танцевальные и «фигурные» «смартмобы» прочно завоевали свое место в арсенале специалиста по связям с общественностью. Иногда коммерческий «смартмоб» представляет собой массовое скопление пользователей товара (например, девушки, читающие один и тот же журнал, постепенно наполняющие вагон метро). Более оригинально выглядят смартмобы, связанные с продвижением фильмов. Например, в 2014 г. по лондонскому метро перемещались «300 спартанцев» в кожаных трусах, с копьями и щитами в руках.

2. По форме проведения и участия смартмобы делятся на четыре типа:

1) Смартмобы, в которых действия осуществляются *в реальном физическом пространстве в одно время и в одном месте*. Исторически это первая форма проведения классических флешмобов, а также политических, социальных и игровых акций.

2) Смартмобы, в которых действия производятся *в реальном физическом пространстве в одно время в любом месте*. Например, в 2017 г. в День космонавтики (12 апреля) в 09.07 (время старта корабля «Восток-1») в российских социальных сетях необходимо было разместить фотографию человека, смотрящего на небо, с тегом #поднимиголову. А 21 июня 2017 г., в день рождения В. Цоя, поклонники ехали в метро с плакатами, на которых были написаны цитаты из песен музыканта.

3) Смартмобы, в которых действия осуществляются *в реальном физическом пространстве в любое время и в любом месте*. Чаще подразумевается отчет в интернет-пространстве, где, собственно, и создается коммуникативное пространство смартмоба. Например, американский комик Дж. Киммел предложил, чтобы родители подарили своим детям на Рождество что-нибудь ненужное им (например, электрические лампочки или куклы мальчикам), запечатлели их разочарование на видео и выложили в сети.

Однако город также может быть местом, где постепенно создается демонстрационная площадка. Например, смартмоб «Город в снежках»

длился около месяца зимой 2004 г. Его участникам предлагалось лепить снежки и оставлять их в людных местах. Участники смартмоба «Мелки» брали в руки мелки и обрисовывали любые предметы на земле, как криминалисты очерчивают трупы.

4) Смартмобы, в которых действия производятся *в интернет-пространстве*. Возможны смартмобы, в которых вообще отсутствует элемент привязки к физическому пространству. Это может быть коммуникативный тип флешмоба.

3. По способу передачи информации о проведении акции можно выделить четыре типа смартмобов:

1) Смартмобы, сообщение о проведении которых передается *одновременно любой неограниченной аудитории* – через социальные сети или традиционные СМИ.

2) Смартмобы, сообщение о проведении которых передается *одновременно ограниченной аудитории* – через закрытые группы, специальные форумы, личными сообщениями или лично.

3) Смартмобы, сообщение о проведении которых передается *по эстафете от одного участника к выбранным им участникам*. Подобные мероприятия обычно имеют название «вызов» (challenge). В последние годы наиболее заметным (из-за участия в нем медийных персон) стал вызов с ведром холодной воды (Ice Bucket Challenge, 2016). Цель акции – информирование о заболевании нервной системы («боковой амиотрофический склероз»). Участники смартмоба должны были вылить на себя холодную воду, опубликовать запись в сети и бросить вызов своим друзьям. Каждый, кто получил вызов, должен был в течение 24 часов выполнить задание или пожертвовать в пользу благотворительного фонда 100 долларов.

4) Смартмобы, сообщение о проведении которых передается *по эстафете от одного участника другому при совершении этим другим некоего действия, запускающего эстафету*. Например, начавшийся в конце 2016 г. флешмоб с хештегом #вызовпринят состоял в том, что пользователи выкладывали в сети свои детские фотографии, и тот, кто нажал кнопку «нравится» под этой фотографией, получал сообщение, что должен также выложить свое фото.

4. В зависимости от того, кто является **инициатором акции**, смартмобы можно подразделить на шесть типов:

1) Смартмобы, инициатором проведения которых является *группа единомышленников вокруг специального форума, группы в сети и т. п.* Именно таким образом организовывались первые флешмобы. Зарегистрированные на специальных форумах люди вместе придумывали новые небанальные акции. Сегодня такие форумы уже не функционируют, однако данному типу будет соответствовать смартмоб, организованный среди участников определенного интернет-сообщества (например, среди поклонников творчества определенной музыкальной группы).

2) Смартмобы, инициатором проведения которых является *публичная персона*. Интерес к медийным персонам и желание им подражать делают этот тип смартмобов довольно распространенным. Например, дизайнер М. Джейкобс разместил в Instagram снимок своих накрашенных ногтей с хештегом #Malepolish, и у него нашлись сотни последователей. А журналистка и активистка М. Алинеджад призвала мужчин поучаствовать во флешмобе в поддержку иранских женщин и выложить в сети свои снимки с платком на голове с хештегом #MenInHijab.

3) Смартмобы, инициатором проведения которых является *организация*. Если не принимать во внимание коммерческие псевдосмартмобы, то следует отметить, что наиболее часто к смартмобам прибегают экологические организации, фонды поддержки, благотворительные организации. Например, 29 апреля 2017 г. волонтеры «Гринпис» России предложили провести смартмоб как протест против нефтеразливов, приводящих к пагубным последствиям для коренных народов Севера, — сфотографироваться с плакатом под хештегом #НеЗаливайМнеТут.

4) Смартмобы, инициатором проведения которых является *один обычный пользователь сети*, чья идея, чаще всего появившаяся в социальной сети с определенным хештегом, оказалась подхваченной множеством людей. Чаще всего инициатора акции в таком случае сложно определить, смартмоб оказывается «народным». Но в некоторых случаях имя автора становится известным. Так, американская школьница К. Ювик начала флешмоб с

хештегом #nobranoproblem. Его цель — отстоять право девушек ходить без верхней части нижнего белья.

5) Смартмобы, инициатором проведения которых является *скрытый инициатор*. К этому типу относятся протестные политические смартмобы, которые должны выглядеть стихийными, но, как правило, имеют инициаторов и руководителей (иногда они находятся за рубежом).

6) Смартмобы, инициатором проведения которых является *руководство организации*. Это наиболее формальный вариант флешмоба, когда руководство определенной, чаще всего государственной, организации предлагает участие в акции своим подчиненным или зависимым людям. Проводится обычно в форме танцевального смартмоба или построения определенного символа, фигуры, слова из людей, автомобилей, шаров и т. п. Например, 8 марта 2016 г. в Челябинске на территории Госавтоинспекции 25 служебных автомобилей с включенными проблесковыми маячками были выстроены в форме восьмерки, а сами полицейские изображали распускающийся цветок.

Заключение

В последние десятилетия благодаря развитию информационных технологий мир необратимо изменился. Для обозначения новых явлений в общественной жизни исследователям пришлось создавать абсолютно новые термины. К ним относятся смартмоб и флешмоб. Цели таких мероприятий могут быть различными: шокировать, создать массовое совместное действие, привлечь внимание к проблеме, изменить систему власти, объединиться ради разрушительного воздействия, сделать приятное человеку, поделиться идеей, творчеством или успехом, т. е., с одной стороны, смартмоб — это естественное социальное явление, а с другой — девиантное, даже революционное. Если исторически первые флешмобы объединяли большие группы людей, внезапно появившиеся в общественном месте (в течение нескольких минут они выполняли заранее оговоренные действия странного содержания, а затем быстро расходились, не вступая в контакт ни между собой, ни со зрителями), то в настоящее время участники флешмоба часто даже не собираются в одном месте, но охотно обсуждают проис-

ходящее. При этом цель первых акций обычно была неясна стороннему наблюдателю, ведь организаторы рассматривали их как возможность внесения иррациональности в размеренную общественную жизнь и действовали вне религии, политики и экономики. Но эволюция сильно изменила этот феномен. Смартмоб как новая технология объединения людей прошел сложный путь развития: от одиночных шокирующих творческих актов до массовой технологии, активно эксплуатируемой в собственных интере-

сах организациями и политическими силами. Если прежде с относительной легкостью только правительство имело возможность координировать действия больших групп людей, то теперь обычные граждане почти так же легко могут объединяться в группы и координировать свои планы. Сегодня наметилась тенденция, позволяющая предположить, что смартфон может дать людям возможность оказывать влияние на современное общество без каких-либо посредников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гашкова Е.М.** Киберцентризм современного образования // Образование в условиях интеграции мирового сообщества: тр. межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 75–79.
2. **Попов Д.Г.** Информационно-коммуникационная функция эффективной власти в современных концептах демократии // Управленческое консультирование. 2014. № 7 (67). С. 40–47.
3. **Никифорова Н.В.** Наука и техника как пространство информационного манипулирования // Петерб. весна культуры: матер. XIV Междунар. форума. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 99–102.
4. **Фокина В.В.** СМИ как акторы мировой политики // Вестн. МГИМО. 2013. № 1 (28). С. 61–65.
5. **Rheingold H.** Smart mobs: The next social revolution. Cambridge, MA: Perseus Publ., 2002.
6. **McFedries P.** Mobs R Us. // Spectrum IEEE. 2003. 40. 56. 56. DOI: 10.1109/mspec.2003.1235629.
7. **Grainge P.** A song and dance: Branded entertainment and mobile promotion // Intern. J. of Cultural Studies. 2011. No. 15 (2). P. 165–180.
8. **Chiou-Pirng W., Devi P.A., Cynthia F.B.** Flash Mobs in the 21st Century: Mobile Technology Shapes Human Collective Behavior // Intern. J. of Business, Humanities and Technology. 2014. Vol. 4, no. 3. P. 24–32.
9. **Токсоналиева Р.М.** Современные технологии информационно-психологического воздействия // Вестн. Кыргызско-Российского славянского ун-та. 2016. Т. 16, № 6. С. 172–175.
10. **Володенков С.В., Федорченко С.Н.** Флешмоб как сетевая технология современного политического менеджмента (на примере России и США) // Вестн. Московского гос. обл. ун-та (электрон. журн.). 2015. № 3. URL: www.vestnik-mgou.ru. (дата обращения: 3.06.2017).
11. **Федорченко С.Н.** Российский политический флешмоб // Науч. эксперт. 2011. № 9. С. 61–67.
12. **Ямельницкий О.Я.** Политический флешмоб как форма горизонтальной коммуникации // Науч. вест. Белгородского гос. ун-та. История. Политология. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 154–159.
13. **Гузий А.Е., Трубочев Д.О.** О некоторых вопросах реализации непосредственной демократии при проведении публичных мероприятий // Вестн. Омской юр. акад. 2014. № 3 (24). С. 11–14.
14. **Downey E.M.** Glee, Flash Mobs, and the Creation of Heightened Realities // J. of popular film and television. 2016. Vol. 44, no. 3. P. 128–138. DOI: 10.1080/01956051.2016.1142419.
15. **Карпенко Т.А.** К вопросу о законодательной регламентации спонтанных массовых мероприятий в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 12. С. 66–68.
16. **Lima F.C. de, Baumgartel S.A.** Flash mob and rolezinho: considerations on the aesthetic construction of a collective political body in a space of capitalist ostentation // Urdimento-revista de estudos em artes cenicadas. 2016. Vol. 1, no. 26. P. 128–143. URL: http://dx.doi.org/10.5965/1414573101262016128.
17. **Walker R.A.** Fill/Flash/Memory: A History of Flash Mobs, Text and Performance Quarterly. 2013. No. 33 (2). P. 115–132. DOI: 10.1080/10462937.2013.764002.
18. **Brejzek T.** From social network to urban intervention: On the scenographies of flash mobs and urban swarms // Intern. J. of Performance Arts and Digital Media. 2010. 6:1. P. 109–122.
19. **Seo H., Houston J.B., Knight L.A.T., Kennedy E.J., English A.B.** Teens' Social Media Use and Collective Action // New media & society. 2014. Vol. 16 (6). P. 883–902. DOI: 10.1177/1461444813495162.
20. **Al-khateeb S., Agarwal N.** Analyzing Flash Mobs in Cybernetic Space and the Imminent Security Threats: A Collective Action Based Theoretical Perspective on Emerging Sociotechnical Behaviors, Sociotechnical Behavior Mining: From Data to Decisions? the 2015 AAAI Spring Symposium Series. 2015. P. 2–5.
21. **Довжик Г.В., Глухова Е.И.** Социально-психологическая сущность флешмоба // Вестн. университета (Гос. ун-т управления). 2014. № 21. С. 239–243.

22. **Molnár V.** Urban Youth Culture Reframing Public Space Through Digital Mobilization: Flash Mobs and Contemporary // *Space and Culture*. 2014. No. 17. P. 43–58.

23. **Lim J.B.Y.** Engendering civil resistance: Social media and mob tactics in Malaysia // *Intern. J. of Cultural Studies*. 2017. Vol. 20, iss. 2. P. 209–227.

Быльева Дарья Сергеевна

E-mail: marketing4121@yandex.ru

Лобатюк Виктория Валерьевна

E-mail: vlobatyuk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.09.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] Ye.M. Gashkova, [Cybercentrism of modern education], in: *Obrazovaniye v usloviyakh integratsii mirovogo soobshchestva* [Education in the context of integration of the international community. Proc. of the Intern. conf.], Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2014, pp. 75–79.
- [2] D.G. Popov, [Information and communication function of effective authority in modern concepts of democracy], [Management consulting], 7 (67) (2014) 40–47.
- [3] N.V. Nikiforova, [Science and technology as a space of informational manipulation], in: *Peterburgskaya vesna kul'tury* [Spring in St. Petersburg culture], materials of the XIV Intern. forum, Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2016, pp. 99–102.
- [4] V.V. Fokina, [Media as Actors of World Politics], [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations], 1 (28) (2013) 61–65.
- [5] H. Rheingold, *Smart mobs: The next social revolution*, Perseus Publ., Cambridge, MA, 2002.
- [6] P. McFedries, *Mobs R Us*, *Spectrum IEEE*. 40 (56) (2003) 56. DOI: 10.1109/mspec.2003.1235629.
- [7] P. Grainge, *A song and dance: Branded entertainment and mobile promotion*, *Intern. Journal of Cultural Studies*, 15 (2) (2011) 165–180.
- [8] W. Chiou-Pirng, P.A. Devi, F.B. Cynthia, *Flash Mobs in the 21st Century: Mobile Technology Shapes Human Collective Behavior*, *Intern. Journal of Business, Humanities and Technology*, 4 (3) (2014) 24–32.
- [9] R.M. Toksonaliyeva, [Modern technologies of information and psychological impact], *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta*, 16 (6) (2016) 172–175.
- [10] S.V. Volodenkov, S.N. Fedorchenko, [Flash mob as a network technology of a modern political management (on the example of Russia and USA)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 3 (2015). Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed 3.06.2017).
- [11] S.N. Fedorchenko, [Russian political flash mob], [Scientific expert], 9 (2011) 61–67.
- [12] O.Ya. Yamelnitskiy, [Political flash mob as a form of horizontal communication], [Journal of Belgorod State University. History. Political Science], 15 (158) (27) (2013) 154–159.
- [13] A.Ye. Guziy, D.O. Trubachev, [Some issues of the implementation of direct democracy in the conducting of public events], *Bulletin of the Omsk Law Academy*, 3 (24) (2014) 11–14.
- [14] E.M. Downey, *Glee, Flash Mobs, and the Creation of Heightened Realities*, *Journal of popular film and television*, 44 (3) (2016) 128–138. DOI: 10.1080/01956051.2016.1142419.
- [15] T.A. Karpenko, [On the issue of legislative regulation of spontaneous mass events in the Russian legislation], [Administrative Law and Process], 12 (2015) 66–68.
- [16] F.C. Lima de, S.A. Baumgartel, *Flash mob and rolezinho: considerations on the aesthetic construction of a collective political body in a space of capitalist ostentation*, *Urdimento-revista de estudos em artes cenicadas*, 1 (26) (2016) 128–143. Available at: <http://dx.doi.org/10.5965/1414573101262016128>.
- [17] R.A. Walker, *Fill/Flash/Memory: A History of Flash Mobs*, *Text and Performance Quarterly*, 33 (2) (2013) 115–132. DOI: 10.1080/10462937.2013.764002.
- [18] T. Brejzek, *From social network to urban intervention: On the scenographies of flash mobs and urban swarms*, *Intern. Journal of Performance Arts and Digital Media*, 6 (1) (2010) 109–122.
- [19] H. Seo, J.B. Houston, L.A.T. Knight, E.J. Kennedy, A.B. English, *Teens' Social Media Use and Collective Action*, *New media & society*, 16 (6) (2014) 883–902. DOI: 10.1177/1461444813495162.
- [20] S. Al-khateeb, N. Agarwal, *Analyzing Flash Mobs in Cybernetic Space and the Imminent Security Threats: A Collective Action Based Theoretical Perspective on Emerging Sociotechnical Behaviors*, *Sociotechnical Behavior Mining: From Data to Decisions? the 2015 AAAI Spring Symposium Series*, 2015, pp. 2–5.

[21] G.V. Dovzhik, Ye.I. Glukhova, [Socio-psychological essence of flash mob], *University Bulletin (The State University of Management)*, 21 (2014) 239–243.

[22] V. Molnár, *Urban Youth Culture Reframing Public Space Through Digital Mobilization: Flash*

Mobs and Contemporary, Space and Culture, 17 (2014) 43–58.

[23] J.B.Y. Lim, *Engendering civil resistance: Social media and mob tactics in Malaysia*, *Intern. Journal of Cultural Studies*, 20 (2) (2017) 209–227.

Bylieva Dar'ya S.

E-mail: marketing4121@yandex.ru

Lobatyuk Viktoriya V.

E-mail: vlobatyuk@yandex.ru

Received 11.09.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР ПО СОВМЕСТНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ

Ван Ли¹, И.И. Баранова²

¹ Цзянсуский педагогический университет, г. Сюйчжоу, Китайская Народная Республика

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена особенностям языковой подготовки студентов из Китайской Народной Республики, обучающихся по совместным образовательным программам. Актуальность исследования обусловлена расширением сотрудничества между российскими и китайскими вузами в целом и открытием Совместного инженерного института, созданного Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого и Цзянсуским педагогическим университетом. Рассмотрены особенности обучения китайских студентов русскому языку в неязыковой среде, проблемы формирования у китайских учащихся коммуникативной компетенции в социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения. Приводятся данные мониторинга процесса обучения китайских студентов Совместного инженерного института СПбПУ – ЦПУ, которые могут быть использованы при корректировке учебных планов по русскому языку, а также при решении вопросов академической и социокультурной адаптации китайских студентов в вузе. Основными методами изучения данной проблемы являются методы сравнения, анализа и синтеза, анкетирования, проектирования международных образовательных программ. Материалы статьи могут использоваться при разработке и реализации сетевых образовательных программ высшего профессионального образования.

Ключевые слова: совместная образовательная программа; Совместный инженерный институт; русский язык как иностранный; неязыковая среда; коммуникативная компетенция; анкетирование

Ссылка при цитировании: Ван Ли, Баранова И.И. Особенности обучения студентов из КНР по совместным образовательным программам // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 108–117. DOI: 10.18721/JHSS.8411

SPECIAL FEATURES OF CHINESE STUDENTS TRAINING IN JOINT EDUCATIONAL PROGRAMS

Wang Li¹, I.I. Baranova²

¹ Jiangsu Normal University, Xuzhou, China

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to joint educational programs of Chinese Universities with Russian Universities. The subject is important because of the increasing cooperation between Chinese and Russian Universities, collaboration between Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University and Jiangsu Normal University and the resultant creation of Chinese-Russian Engineering Institute. Chinese students' language training in non-linguistic environment is described. The problems of building communicative competence of the Chinese students in educational-professional sphere of communication are considered. The monitoring data showing the learning process in Chinese-Russian Engineering Institute are discussed. The article can be used for the creation of contemporary Network Educational Programs of higher professional education.

Keywords: joint educational program; Joint Engineering Institute; Russian as a foreign language; non-linguistic environment; communicative competence; questionnaire survey

Citation: Wang Li, I.I. Baranova, Special features of Chinese students training in joint educational programs, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 108–117. DOI: 10.18721/JHSS.8411

Введение

Современный этап развития международного сотрудничества в сфере образования характеризуется активным развитием совместных образовательных программ российских вузов с зарубежными университетами. Эти программы способствуют повышению конкурентоспособности вузов и создают новые возможности для взаимодействия образовательных систем.

В настоящее время совместные образовательные программы китайских университетов и вузов других стран являются одной из важных форм сотрудничества и обмена в сфере образования. Развитие таких программ в Китайской Народной Республике направлено на привлечение высококачественных международных образовательных ресурсов в сферу образования, осуществление динамичного развития отечественной системы образования, повышение международной конкурентоспособности образования КНР. Развитие совместных образовательных программ помогает достичь целей, на реализацию которых направлена образователь-

ная реформа, а именно объединить образование и научно-исследовательские программы, способствовать сотрудничеству между университетами, усилить продвижение научных открытий и инноваций, сделать высшее образование Китая всемирно конкурентоспособным¹.

Одним из вузов – партнеров Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) является Цзян-суский педагогический университет (ЦПУ). В 2014 г. между двумя университетами было подписано Соглашение о создании совместного учебно-научного Центра русского языка. В сентябре 2016 г. был открыт Совместный инженерный институт, созданный СПбПУ и ЦПУ. На начальном этапе в Совместном инженерном институте представлены четыре технические специальности по программе бакалавриата:

¹ Шаров К.С. Совершенствование системы образования в Китае в контексте социально-экономического развития страны // Образование в России: федеральный справ. Т. 9. М., 2013. С. 38–40.

конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств, инфокоммуникационные технологии и системы связи, электроника и наноэлектроника, дизайн, а также две специальности по программе магистратуры: конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств и оптика. Институт устанавливает ежегодную квоту приема и обучения: 280 студентов и 80 магистрантов.

Постановка проблемы и цели исследования

Настоящая статья является продолжением статей по проблематике языковой подготовки иностранных студентов в вузах Российской Федерации [См.: 1, 2].

В данной статье предполагается:

1) рассмотреть некоторые особенности обучения студентов из КНР по совместным образовательным программам, а именно:

- языковую подготовку китайских студентов в условиях отсутствия языковой среды с целью продолжения образования в российском техническом вузе по программам высшего профессионального образования;
- формирование у китайских учащихся коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения;

2) представить результаты анкетирования студентов ЦПУ по проблемам, связанным с подготовкой к обучению в российских вузах.

Методология

Проблемы изучения русского языка в условиях неязыковой среды актуальны для этнопедагогики, психолингвистики, методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в связи с расширением форм международного образовательного сотрудничества и продвижением русского языка в мире.

Как известно, преподавание РКИ в условиях неязыковой среды имеет свои особенности. К особенностям обучения в иноязычной среде относятся:

- разная мотивация учащихся, изучающих русский язык как иностранный в России и за ее пределами;
- разное количество и качество обучающихся параметров в языковой среде и во внеязыковой среде. Языковая среда, постоянно воздействуя на зрительные и слуховые каналы, помогает

иностранному гражданину осуществлять речевое общение на русском языке. В условиях неязыковой среды возрастает роль учебников, мультимедийных средств обучения, помогающих в создании ситуаций общения, актуальных для языковой среды;

- различные методические стратегии, реализуемые в языковой и в иноязычной среде: «от действительности – к тексту» (языковая среда), «от текста – к действительности» (иноязычная среда);

• различное соотношение аспектов языка и видов речевой деятельности при обучении РКИ в языковой среде и вне ее. Отсутствие языковой среды требует особого внимания к формированию на учебных занятиях по русскому языку языковых навыков и речевых умений в таких видах речевой деятельности, как аудирование и говорение. Это особенно актуально для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, где обучение иностранным языкам традиционно ведется с опорой на печатный текст;

- наличие в иноязычной среде только мононациональных групп, требующих обязательного учета культурно-языкового опыта учащихся;
- разная степень использования родного языка в процессе его изучения в языковой среде и в условиях ее отсутствия;

• особенности образовательного пространства конкретной страны: количество студентов в языковой группе, различные формы организации учебного процесса, различные формы контроля и т. п. [3–8].

При организации обучения китайских студентов русскому языку по совместным образовательным программам необходимо учитывать данные особенности и обратить внимание на следующие проблемы:

- профессиональная подготовка преподавателей русского языка,
- учебные программы и учебные пособия,
- методы обучения.

Остановимся подробнее на данных проблемах. Безусловно, профессионализм преподавателя, т. е. его владение методами, приемами, технологиями обучения в зависимости от целей и задач обучения – важнейшая составляющая образовательного процесса. В.В. Молчановский [9] выделяет следующие компетенции, которые должны быть сформированы у преподавателя РКИ:

- лингвистическая компетенция, в основе которой лежат знания о системе русского языка;
- психологическая компетенция, включающая знание психологии учебно-педагогического сотрудничества;
- педагогическая компетенция, включающая знание ведущих педагогических теорий, категорий и понятий, знание общей теории обучения;
- методическая компетенция, включающая владение методами, приемами и способами преподавания РКИ, знание типов упражнений, направленных на формирование соответствующих навыков и умений во всех видах речевой деятельности, знание современных программ и учебников, владение техническими средствами обучения;
- профессионально-коммуникативная компетенция, предполагающая умение установления педагогически целесообразных отношений с участниками педагогического процесса, умение правильно оценивать коммуникативные поступки учащихся, их реакцию на речевое поведение преподавателя.

В настоящее время в ЦПУ работают преподаватели русского языка, которые окончили российские вузы и знакомы с принципами субъект-субъектного взаимодействия между преподавателями и студентами в образовательном процессе в российских вузах. В образовательной системе КНР указанные принципы педагогического сотрудничества не нашли до настоящего времени должного распространения. В основе традиционной системы образования в Китае лежат принципы субъект-объектной образовательной парадигмы, в то время как в российской высшей школе образовательный процесс строится на принципах субъект-субъектной парадигмы, которая предполагает равноправное участие преподавателя и студента в учебном процессе. Однако можно предположить, что китайские преподаватели смогут реализовать данные принципы при организации своей педагогической деятельности по обучению русскому языку китайских учащихся с целью подготовки их к дальнейшему обучению в российских вузах. Как показывают наблюдения за организацией учебного процесса по русскому языку в ЦПУ, не все китайские преподаватели русского языка, имея высшее филологическое образование, владеют методикой преподавания

РКИ, что позволяет говорить о недостаточной сформированности методической и профессионально-коммуникативной компетенций и необходимости их формирования уже в процессе педагогической деятельности.

В рамках функционирования в ЦПУ совместного учебно-научного Центра русского языка преподавателями РКИ Политехнического университета читаются лекции по актуальным проблемам методики преподавания РКИ и проводятся мастер-классы для преподавателей русского языка ЦПУ.

Среди задач, которые стоят перед преподавателями РКИ, работающими в зарубежных вузах, можно выделить реализацию уровневого подхода в обучении русскому языку, знание нормативных документов, содержащих описание требований к различным уровням владения РКИ^{2,3}.

Рабочие программы по русскому языку в зарубежных вузах, реализующих совместные образовательные программы, должны разрабатываться на основе данных нормативных документов. Кроме того, представляется целесообразным осуществлять проверку сформированности коммуникативной компетенции иностранных учащихся в формате тестирования на уровне владения русским языком как иностранным (ТРКИ), если данная проверка отвечает коммуникативным потребностям учащихся.

В Совместном инженерном институте СПбПУ – ЦПУ в июне 2017 г. проводилось тренировочное тестирование для магистрантов на I уровень владения РКИ с целью определения уровня языковой подготовки к продолжению обучения в магистратуре в Политехническом университете. Результаты тренировочного тестирования позволили выявить виды речевой деятельности, в которых коммуникативная компетенция сформирована в недостаточном объеме, и внести коррективы в учебный план

²Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль / Н.П. Андрюшина и др. СПб.: Златоуст, 2011. 64 с.

³Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М.: Изд-во РУДН, 2010. 181 с.

по русскому языку с целью интенсификации и оптимизации учебного процесса.

Современный этап развития высшего профессионального образования требует использования в учебном процессе по РКИ современных учебников и учебных пособий, созданных с учетом Требований к уровням владения русским языком и коммуникативных потребностей учащихся. Кроме того, учебный процесс по русскому языку должен быть обеспечен материалами на электронных носителях, что позволит реализовать индивидуальный подход в изучении русского языка китайскими студентами. В условиях изучения русского языка в неязыковой среде использование мультимедийных средств обучения позволяет создавать на занятии учебную коммуникативную ситуацию и мотивировать учащихся к общению на русском языке.

Основной сферой общения при обучении в вузе является учебно-профессиональная. Формирование коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения – важнейший аспект в курсе русского языка. Оно способствует успешной академической деятельности иностранных студентов в вузах Российской Федерации [2].

Одной из важнейших проблем, требующих решения при реализации совместных образовательных программ, является, на наш взгляд, необходимость раннего обучения русскому языку на стилистически дифференцированном материале. Формирование коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения должно реализовываться уже на начальном этапе обучения, так как студенты из КНР, начиная изучать русский язык «с нуля» в условиях неязыковой среды, через два года должны обучаться по программам высшего профессионального образования на русском языке. Следовательно, вузы-партнеры несут ответственность за языковую подготовку китайских студентов по русскому языку в учебно-профессиональной сфере общения.

В Совместном инженерном институте СПбПУ – ЦПУ в учебном процессе используются учебные пособия по научному стилю речи, созданные авторскими коллективами преподавателей Центра русского языка как иностранного СПбПУ. В настоящее время завершается работа над созданием мультимедийного курса на основе учебного пособия «Готовимся учиться

в техническом вузе». Кроме того, остается актуальным создание учебных пособий по языку специальности с учетом направления будущего обучения китайских студентов в вузах Российской Федерации, а также терминологических минимумов с переводом на китайский язык. Отсутствие в китайском языке интернациональных лексических единиц затрудняет работу с терминологией в процессе обучения.

Обучение по совместным образовательным программам сопряжено с трудностями в изучении специальных дисциплин на русском языке. Решение данной проблемы, на наш взгляд, в значительной степени зависит от возможности педагогического коллектива осуществлять учебный процесс на русском языке в зарубежном вузе. Учебные занятия могут проводиться как преподавателями данного вуза, так и приглашенными преподавателями из российского вуза-партнера. Такая организация учебного процесса дает возможность китайским студентам изучать базовые дисциплины на русском языке в Китае и заложить, таким образом, фундамент для их дальнейшего обучения в вузах Российской Федерации.

Одним из основных условий успешного функционирования педагогической системы языковой подготовки иностранных студентов в вузе является мониторинг процесса академической адаптации с целью получения обратной связи для проверки эффективности существующей педагогической системы и выявления резервов совершенствования учебно-воспитательного процесса.

Педагогика высшей школы и методика преподавания РКИ располагают различными методами исследования эффективности процесса обучения, среди которых важное место занимает анкетирование учащихся. Оно является одним из методов массового сбора материала с помощью специально разработанных опросников (анкет) и относится к группе методов, которая в социологии, педагогике и психологии носит название «опрос». Анкетирование – это метод получения информации путем письменных ответов респондентов на систему стандартизированных вопросов анкеты, которая содержит также информацию социально-демографического характера о респонденте.

Анкетирование может различаться:

а) по числу респондентов:

- индивидуальное – опрос одного респондента,
- групповое – опрос нескольких респондентов;
- б) полноте охвата:
 - сплошное – опрос всех представителей выборки,
 - выборочное – опрос части представителей выборки;
- в) типу контактов с респондентом:
 - очное – проводится в присутствии исследователя-анкетера,
 - заочное – анкетер отсутствует (рассылка анкет по почте, публикация их в прессе, Интернете, вручение и сбор анкет по месту жительства, работы и т. д.).

Как метод педагогического исследования анкетирование обладает определенными достоинствами. К ним относятся:

- высокая оперативность получения информации,
 - возможность организации массовых опросов,
 - отсутствие влияния личности и поведения опрашиваемого на работу респондентов,
 - невыраженность у исследователя субъективного отношения к кому-либо из респондентов.
- Среди недостатков анкетирования отмечают:
- невозможность изменять порядок и формулировки вопросов в зависимости от ответов или поведения респондентов,
 - не всегда достаточную достоверность ответов респондентов, что вызвано влиянием неосознанных мотивов или желанием выглядеть в более выгодном свете [10, 11].

Для практики преподавания РКИ представляется необходимым получение информации от обучающихся о качестве предлагаемых образовательных услуг. В июне 2017 г. было проведено анкетирование студентов ЦПУ с целью получения данных:

- о мотивации к изучению русского языка;
- трудностях в овладении русским языком;
- об эффективности предлагаемых форм учебных занятий.

Результаты исследования

В анкетировании приняли участие 256 студентов первого курса Совместного инженерного института СПбПУ – ЦПУ и Китайско-Российского института. Среди респондентов 45,8 %

составили студенты, изучающие технические науки, 30,6 и 23,5 % – студенты, изучающие соответственно естественные и гуманитарные науки. Основной контингент респондентов – это студенты, проживающие в провинции Цзянсу.

Первый блок вопросов анкеты был направлен на выявление личностных характеристик респондентов. Получены следующие результаты: 72,5 % опрошенных являются единственным ребенком в семье; на вопрос о социальном положении родителей были даны такие ответы:

- 26,3 % – представители частного бизнеса,
- 23,9 % – сотрудники непромышленных организаций и учреждений,
- 17,6 % – сотрудники предприятий,
- 12,2 % – госслужащие,
- 20 % – представители других профессий.

Студенты, поступившие на первый курс ЦПУ, узнали об университете:

- из газет и других средств массовой информации – 34,4 %,
- от знакомых и друзей – 32,4 %,
- в ходе мероприятий университета по набору студентов – 32 %.

Представляют интерес ответы первокурсников на вопрос, почему они выбрали именно этот вуз: более половины опрошенных (54,7 %) ответили, что недостаточно хорошо сдали итоговый экзамен за курс средней школы; почти четверть респондентов (24,6 %) поступили в него, чтобы иметь возможность в дальнейшем учиться в России; 20,3 % учащихся объяснили свой выбор желанием родителей, и только 12,9 % респондентов указали, что они выбрали этот вуз, потому что им нравится специальность. Таким образом, следует констатировать, что определяющим фактором при выборе университета для абитуриентов КНР остаются результаты их итоговых экзаменов за курс средней школы. Мнение родителей также играет важную роль при выборе специальности. Об этом свидетельствует и тот факт, что 37 % респондентов отметили, что поступили в университет благодаря целенаправленному воспитанию родителей.

Для организации эффективной образовательной деятельности вуза необходимо представлять и учитывать ожидания студентов, связанные с получением высшего образования. В ходе анкетирования было выявлено следующее:

- 71,4 % респондентов надеются получить прочные профессиональные знания;

- 49,6 % опрошенных надеются овладеть передовыми технологиями в области избранной специальности;

- 78,9 % респондентов хотели бы приобрести или развить в себе навыки, которые позволят им реализовать себя в общественной деятельности.

Результаты анкетирования показали:

- 44,7 % респондентов готовы участвовать в различных конкурсах по профилю своего обучения,

- 22 % опрошенных планируют публиковать материалы своих научных исследований в студенческих научных журналах.

Полученные данные позволяют сделать вывод о достаточно высокой мотивации к получению высшего профессионального образования у студентов-первокурсников, из которых 61 % рассматривают обучение в вузе в качестве основы для дальнейшей профессиональной деятельности. Кроме того, во время обучения в университете студенты хотели бы приобрести опыт участия:

- в общественных мероприятиях – 70,3 %,
- реализации проектов – 53,5 %,
- спортивной жизни вуза – 42,9 %,
- деятельности научных студенческих объединений – 34,7 %.

Одним из вопросов, которые решает любое высшее учебное заведение, является вопрос адаптации студентов к образовательной среде вуза. В этом студентам-первокурсникам оказывают помощь не только преподаватели, но и студенты-старшекурсники. Ответы респондентов свидетельствуют о том, что они рассчитывают на помощь администрации и преподавателей вуза в решении вопросов, связанных с возможностями дальнейшего обучения за границей (68,3 %), с развитием навыков самостоятельной работы и планирования своего времени (70,7 %). По мнению респондентов, студенты-старшекурсники могут оказать им помощь в получении более полной информации о направлениях выбранной специальности (72,2 %), о деятельности студенческих объединений (43,4 %), а также дать совет, как быстрее привыкнуть к студенческой жизни (30,4 %). Следует отметить, что более половины респондентов имели опыт проживания вне семьи во время учебы в школе. Тем не менее вопросы адаптации к новым условиям проживания

и обучения сохраняют свою актуальность для студентов-первокурсников.

Результаты анкетирования показали, что большая часть респондентов уже определилась со своими планами на будущее. Продолжить образование сразу после окончания данного учебного заведения планируют 23,5 % опрошенных, начать после окончания университета свою трудовую деятельность – 13,7 %, создать собственное дело хотят 10,5 %, связывают свое будущее с учебой за границей 24,7 %.

Вызывают интерес ответы на вопросы, дающие представление о жизненных приоритетах китайской молодежи. Семейные ценности сохраняют свое значение. Так, 71,9 % молодых людей отметили, что хотят иметь счастливую семью, а 67,5 % считают важным сохранение хороших отношений с другими людьми. Таким образом, гармония в отношениях с внешним миром, являющаяся одной из составляющих философии конфуцианства, сохраняет свое значение и для современной молодежи КНР [12]. Стабильное материальное благосостояние отметили в числе жизненных приоритетов 56,6 % респондентов. Основой материального благополучия 47,2 % опрошенных считают создание и успешное развитие собственного дела. Полноценная духовная жизнь важна для 66,8 % респондентов. Стать специалистом в определенной отрасли – жизненная цель для 21,5 % опрошенных студентов, а 27,3 % респондентов хотят внести значительный вклад в развитие определенной области знания. Следует заметить, что 34 % опрошенных первокурсников стремятся приобрести определенный статус в обществе.

Как уже отмечалось выше, важное значение при реализации совместных образовательных программ имеет язык обучения. Был проведен мониторинг мнения студентов ЦПУ об изучении русского языка. В ходе анкетирования было выявлено следующее:

- 45 % опрошенных изучают русский язык с уверенностью в своих возможностях в овладении им,

- 12 % респондентов изучают русский язык с большим интересом,

- 9 % учащихся считают овладение русским языком сложной для себя задачей и готовы рассмотреть возможность обучения по программе, в которой изучение русского языка не является обязательным.

Заслуживают внимания данные о количестве времени, которое тратят студенты на изучение русского языка во внеаудиторное время:

- полчаса – 32,9 %,
- час – 41 %,
- два часа – 10,9 %,
- больше двух часов – 7 %.

Полученные данные показывают, что почти треть учащихся (32,9 %) уделяют недостаточно времени выполнению домашнего задания, что не может обеспечить китайским студентам достаточный уровень владения русским языком для продолжения обучения в российском вузе по программам высшего профессионального образования. Эти данные необходимо учитывать при организации самостоятельной работы по русскому языку с использованием возможностей электронной образовательной среды вуза и других учебных материалов на электронных носителях (компьютерных программ, видеоматериалов и т. д.).

На вопрос, почему студенты изучают русский язык, были получены следующие ответы:

- чтобы сдать университетские экзамены (СЕТ4, СЕТ6) и получить диплом – 41 %;
- чтобы в будущем найти хорошую работу – 54 %;
- чтобы достичь I уровня владения русским языком (B1) и получить возможность дальнейшего обучения или дальнейшей работы за границей – 49 %;
- чтобы читать литературные произведения, смотреть фильмы на русском языке – 17,5 %;
- чтобы познакомиться с культурой, традициями, обычаями России – 31 %;
- потому что этого требует программа обучения в университете – 45 %;
- потому что русский язык в настоящее время является важным средством коммуникации – 31 %;
- чтобы изучать экономику и современные технологии стран, где говорят по-русски, – 23 %;
- чтобы сдать вступительный экзамен в вуз – 54 %.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что у китайских студентов достаточно высокая мотивация к изучению русского языка на начальном этапе его изучения. Важной задачей в организации обучения русскому языку в условиях неязыковой среды китайского вуза является сохранение у студентов высокой мотивации в течение всего курса его изучения.

Результаты анкетирования показали, что интерес студентов к изучению русского языка зависит:

- от качества практических занятий по русскому языку – 57 % респондентов;
- комфортных условий обучения в группе – 37 % опрошенных;
- качества учебников и учебных пособий, по которым ведется обучение русскому языку, – 31 %;
- степени участия студентов в учебном занятии – 61 %;
- четко сформулированных целей и требований к каждому учебному занятию по русскому языку – 54 %.

Важным, на наш взгляд, представляется понимание студентами того, что успех в освоении русского языка зависит от их старания и усилий, а преподаватель лишь направляет их и оказывает помощь в решении учебных задач – 62 %.

Заключение

Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о том, что внимание преподавателей на занятиях по русскому языку должно быть направлено на формирование у китайских учащихся коммуникативной компетенции как в социокультурной, так и в учебно-профессиональной сфере общения.

Осуществляя языковую подготовку китайских студентов в условиях неязыковой среды, следует обратить особое внимание:

- на формирование объема лексики для активного усвоения, в том числе общенаучной лексики по профилю будущей специальности;
- формирование умений в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности, в частности умений аудирования и говорения, которые представляют наибольшую трудность для студентов из КНР.

Актуальным является моделирование на занятиях речевых ситуаций, актуальных для общения в языковой среде, с целью подготовки учащихся к продолжению обучения в российском вузе. Китайским преподавателям русского языка необходимо:

- проводить занятия с максимальным использованием русского языка, минимизировать использование китайского языка;
- в большем объеме использовать на занятиях интерактивные формы работы для создания ситуаций реального общения.

Студенты должны представлять цели и задачи обучения на каждом его этапе, объем языкового и речевого материала, формы и содержание контроля. Следует использовать в учебном процессе учебники и учебные пособия нового поколения.

Результаты анкетирования явились наглядным подтверждением необходимости учета особенностей, которыми определяется содержание

и организация обучения студентов из КНР по совместным образовательным программам.

Опыт совместной работы в рамках договоров между вузами Китая и СПбПУ подтверждает важность системного подхода и координации в решении существующих проблем для обеспечения высокого уровня языковой подготовки иностранных студентов, обучающихся по совместным образовательным программам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Ли, Баранова И.И. Совместные образовательные программы китайских университетов и российских вузов: состояние, тенденции и перспективы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 134–141. DOI: 10.18721/JHSS.8116.
2. Ван Ли, Баранова И.И. Проблемы формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения у студентов из КНР в условиях неязыковой среды // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 153–159. DOI: 10.5862/JHSS.232.18.
3. Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 43 с.
4. Быкова О.П. О некоторых особенностях обучения русскому языку как иностранному (РКИ) в условиях отсутствия русской языковой среды // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Педагогика. 2009. № 2. С. 164–170.
5. Быкова О.П. Средства обучения РКИ: национально-ориентированные методические рекомендации для преподавателей // Вестн. ЧитГУ. 2010. № 3. С. 84–89.
6. Быкова О.П. О параметрах, характеризующих внеязыковую среду обучения // Вестн. РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 5. С. 11–16.
7. Федотова Н.Л. Основные проблемы преподавания русского языка как иностранного в неязыковой среде // Intern. J. of Russian studies. 2016. Iss. 5/1. Pp. 1–9.
8. Орехова И.А. Языковая среда и ее роль в обучении русскому языку как иностранному // Динамика языковых и культурных процессов современ. России. № 5: матер. Конгресса РОПРЯЛ (Казань, 4–8 октября 2016 г.). СПб., 2016. С. 1979–1982.
9. Молчановский В.В. Состав и содержание профессионально-деятельностной компетенции преподавателя русского языка как иностранного: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 412 с.
10. Методы опроса в структуре психолого-педагогического исследования. URL: <http://vikidalka.ru/3-27784.html> (дата обращения: 25.09.2017).
11. Метод исследования анкетирование. URL: <http://biofile.ru/psy/1658.html> (дата обращения 10.10.2017).
12. Бальчиндоржиева О.Б. Социальная гармония в китайской философии // Вестн. Томского ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 391. С. 58–63.

Ван Ли

E-mail: wanglidr@163.com

Баранова Ирина Ивановна

E-mail: ira7799@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] Van Li, I.I. Baranova, [State, tendencies and prospects of joint educational programs of Chinese and Russian universities], St. Petersburg State Polytechnical Univ. Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (1) (2017) 134–141. DOI: 10.18721/JHSS.8116.
- [2] Van Li, I.I. Baranova, [Questions of Russian language communicative competence formation in the learning process of students from China in the absence of language environment], St. Petersburg State Polytechnical Univ. Journal. Humanities and Social Sciences, 4 (232) (2015) 153–159. DOI: 10.5862/JHSS.232.18.
- [3] O.P. Bykova, Obucheniye russkomu yazyku kak inostrannomu v inoyazychnoy srede (na primere yuzhnokoreyskikh universitetov) [The teaching of Russian as a foreign language in a foreign language environment (exemplified by South Korean universities)], Abstr. doct. diss., Moscow, 2011.
- [4] O.P. Bykova, [On some features of teaching Russian as a foreign language in the absence of the Russian language environment], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo univ. Pedagogika, 2 (2009) 164–170.
- [5] O.P. Bykova, [Teaching tools for RCT: nationally-oriented guidelines for teachers], Vestnik ChitGU, 3 (2010) 84–89.
- [6] O.P. Bykova, [On the parameters characterizing the non-linguistic learning environment], Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost', 5 (2008) 11–16.
- [7] N.L. Fedotova, [The main problems of teaching Russian as a foreign language in a non-linguistic environment], Intern. journal of Russian studies, 5 (1) (2016) 1–9.
- [8] I.A. Orekhova, [The language environment and its role in teaching Russian as a foreign language], in: Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov sovremennoy Rossii [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia], iss. 5, St. Petersburg, 2016, pp. 1979–1982.
- [9] V.V. Molchanovskiy, Sostav i sodержaniye professional'no-deyatel'nostnoy kompetentsii prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo [Composition and content of the professionally-active competence of a teacher of Russian as a foreign language], Doct. diss., Moscow, 1999.
- [10] Metody oprosa v strukture psikhologo-pedagogicheskogo issledovaniya [Methods of interrogation in the structure of psychological and pedagogical research]. Available at: <http://vikidalka.ru/3-27784.html> (accessed 25.09.2017).
- [11] Metod issledovaniya anketirovaniya [Method of research questionnaires]. Available at: <http://biofile.ru/psy/1658.html> (accessed 10.10.2017).
- [12] O.B. Balchindorzhiyeva, [Social Harmony in Chinese Philosophy], Vestnik Tomskogo univ. Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya, 391 (2015) 58–63.

Wang Li

E-mail: wanglidr@163.com

Baranova Irina I.

E-mail: ira7799@mail.ru

Received 29.10.2017, accepted 7.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8412

УДК 81-139

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ КОНСТРУКЦИЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА

К.Э. Сотникова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье освещена проблема отбора и презентации пространственных конструкций русского языка в иностранной аудитории в рамках функционально-семантического подхода в обучении, предполагающего организацию разноуровневых средств выражения локативности на синтаксической основе. На базе глубинной субкатегоризации функционально-семантической категории локативности с опорой на дидактико-психологические принципы отбора учебного материала и существующие исследования была разработана лингвометодическая модель функционально-семантического поля локативности, с выделением его ядра и периферии. Центральным объектом исследования является локативная ситуация. Выделены основные типы пространственной семантики, приведены соответствующие им лексико-семантические группы глаголов. Особое внимание уделено сложноподчиненному предложению с придаточным места, обосновывается необходимость включения его в учебный материал. Высказывается предположение о необходимости включения в учебный материал также периферийных средств выражения локативности, приведена их классификация на уровне простого и сложного предложений. Функционально-семантическое поле локативности может стать основой для активизации пространственных конструкций в русской речи иностранных студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; отбор учебного грамматического материала; методическое осмысление принципов функциональной грамматики; лингвометодическая модель обучения локативности; локативная ситуация как учебный речевой образец

Ссылка при цитировании: Сотникова К.Э. Обучение иностранных студентов пространственным конструкциям русского языка // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 118–126. DOI: 10.18721/JHSS.8412

TEACHING FOREIGN STUDENTS SPATIAL STRUCTURES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

K.E. Sotnikova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

The author of the article describes the problem of selection and presentation of spatial structures of the Russian language in a foreign audience through a functional semantic approach in teaching, which involves the organization of multi-level means on a syntactic basis. Based on the fundamental subcategorization of the functional semantic category of locatives and relying on didactic psychological principles of selection of educational

material and on existing research, the linguistic model of functional semantic field of locatives was created, with descriptions of its core and periphery. The central research object is the locative situation. The main types of spatial semantics are distinguished and lexical semantic groups of verbs which correspond to them are given. Special attention is paid to the compound sentence with a subordinate clause of place and the necessity of including it in the training material. The importance of including peripheral means of expression locative semantics in the educational material is suggested; the classification of these means is given for simple and complex sentences. The functional semantic field of locatives can become the basis for activation of spatial constructions in the Russian speech of foreign students.

Keywords: Russian as foreign language; selection of grammar teaching material; methodical understanding of principles of functional grammar; linguistic model of learning locativeness; locative situation as training speech sample

Citation: K.E. Sotnikova, Teaching foreign students spatial structures of the Russian language, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 118–126. DOI: 10.18721/JHSS.8412

Введение

На современном этапе развития методики преподавания иностранных языков актуально функциональное описание грамматики, предполагающее организацию языкового материала с опорой на *функционально-семантические категории* (ФСК). Планом выражения понятийных категорий являются функционально-семантические единства, включающие разноуровневые языковые единицы, сгруппированные на семантической основе [1]. Полевой принцип позволяет проследить системные связи между явлениями языка, что обеспечивает целостность языковой картины мира в сознании учащихся. Активное владение языком предполагает «интуитивно правильное» пользование языком, физиологическую основу которого образует «речевая синтагматическая и парадигматическая стереотипия»¹.

Основная часть

Универсальная для всех языков понятийная категория пространства реализуется в языке в виде ФСК локативности, инвариантным значением которой является ориентированность, соотнесенность объектов.

Функциональный подход в обучении предполагает организацию разноуровневых языковых средств на основании общности их семантических функций [2]. В основе ФСК локативности лежит так называемая «локативная ситуация». В общем виде локативная ситуация представлена тремя основными компонентами: локализуемым объектом *A*, локализатором *L* (объектом, по отношению к которому локализуется *A*) и пространственным отношением *r*, связывающим *A* и *L*. Формула взаимодействия трех компонентов такова: $A + r + L$ [3, с. 6]. При создании лингвометодической модели функционально-семантического поля (ФСП) локативности была принята следующая система обозначений:

$$Subj + Pred + Loc,$$

где *Subj* – локализуемый субъект (выражается существительным, местоимением или числительным), *Pred* – предикат (выражается глаголом) и *Loc* – локализатор (место или направление; выражается существительным с предлогом, наречием или предикативной структурой).

Очевидно, что целостность локативной ситуации будет нарушена при утрате хотя бы одного из ее компонентов. Это приведет к нарушению единства грамматического, лексического и смыслового уровней. В этом случае смысл предложения может меняться или вовсе утрачиваться (см. в таблице ниже).

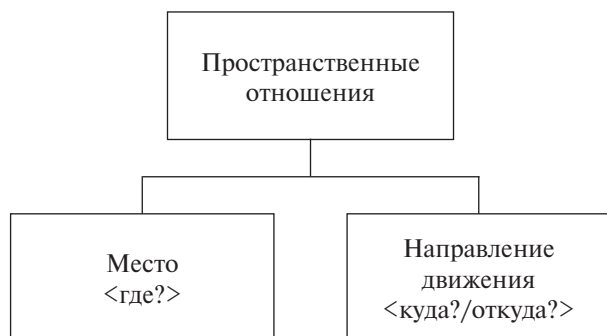
¹ Шатилов С.Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся: учеб. пособие. Л., 1985. 56 с. С. 21.

<i>Subj</i>	<i>Pred</i>	<i>Loc</i>
Я Мы	живу едем	в Санкт-Петербурге на юг
— —	Живу Едем	в Санкт-Петербурге на юг
Я Мы	— —	в Санкт-Петербурге на юг
Я Мы	живу едем	— —

Следует отметить, что в ряде случаев глагол может опускаться. Эллипсис имеет стилистический характер и может быть использован в некоторых конструкциях настоящего времени. Однако даже в тех случаях, когда предикат не эксплицирован, он подразумевается или называется в контексте.

На основе глубинной субкатегоризации ФСК локативности с опорой на методические принципы отбора учебного материала и существующие исследования была разработана лингвометодическая модель ФСП локативности. В качестве главного критерия для субкатегоризации выступает форма локализатора, определяемая вопросами: *где? – куда?/откуда?* Данное деление основывается на рассмотрении пространственных отношений (ПО) как процесса, имеющего начало, продолжение и конец. В соответствии с этим выделяется статический и динамический характер ПО. Определение «статический» в данном случае относительно, так как обозначает не отсутствие движения как такового, а отсутствие преодоления пределов некоторого пространства [4, с. 7], равно как и перемещение не следует отождествлять с движением.

Следуя этой логике, можно выделить основные типы пространственной семантики:

Основным классификационным основанием внутри зон места и направления ФСК локативности является характер взаимодействия субъекта с описываемым пространством. Зона места включает ситуации, когда субъект не пересекает границ пространства, а находится, действует или движется в конкретной его точке или на отрезке, но действия или состояние субъекта связаны только с ним; субъект занимает в отношении локализации одно и то же место. В зоне направления располагаются ситуации, когда субъект пересекает границы пространства: покидает его пределы (откуда?) или вступает в них (куда?). Главную роль в разграничении основных типов ПО играет форма локализатора (*Loc*).

Рассмотрение ФСК локативности в русле функциональной грамматики с выявлением ее субкатегоризации положено в основу ФСП локативности, которое в зависимости от двух основных типов локативных значений распадается на два сегмента – места и направления.

Сегмент места. Дальнейшая классификация пространственных значений внутри сегмента места определяется лексическим наполнением локативной ситуации, взаимодействием грамматической организации предложения с его лексическим наполнением. В нашем случае такими лексико-семантическими показателями являются лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов (*Pred*). Для выражения значения «место» используются следующие группы глаголов:

- глаголы со значением существования: *быть, бывать (побывать), жить, проживать, существовать, родиться, расти* (о растениях), *водиться, обитать* (о животных), *оставаться, иметься* и др.;
- глаголы со значением размещения: *размещаться, помещаться, располагаться, находиться, стоять, возвышаться, остановиться* и др.;
- глаголы со значением положения в пространстве: *лежать, сидеть, стоять, висеть*;
- глаголы со значением ментального действия: *услышать, увидеть, узнать, прочитать, спросить, попросить, получить, выяснить, взять* (об идеях, информации) и др.;
- глаголы со значением физиологического состояния человека: *спать, дремать, умирать* и др.;
- глаголы со значением активных физических действий и занятий: *играть, знакомиться,*

отдыхать, гостить, завтракать (обедать, ужинать), преподавать, работать, изучать, учиться, заниматься и др.;

- глаголы со значением действия, направленного на объект: *держат, хранят, прячут, ждут* и др.;

- глаголы со значением чувственного восприятия: *звучать, слышаться, слышать, видеть* и др.;

- непереходные глаголы движения: *идти – ходить, ехать – ездить, бежать – бегать, лететь – летать, плыть – плавать, ползти – ползать, брести – бродить, катиться – кататься, протискиваться – протиснуться, пробираться – пробраться* и др.;

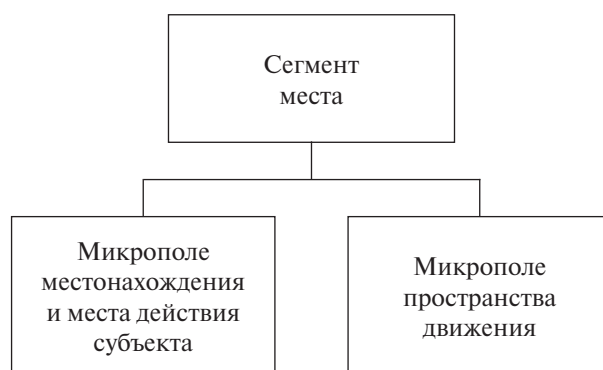
- переходные глаголы движения: *вести – водить, везти – возить, нести – носить, катить – катать, тащить – таскать* и др.;

- глаголы со значением перемещения: *подниматься – спускаться, путешествовать, гулять* и др.

Многообразие ЛСГ глаголов, относящихся к одному типу ПО, требует дальнейшей классификации локативных конструкций. Наиболее очевидным и логичным представляется выделение трех основных типов значений: местонахождение (глаголы со значением существования, размещения, положения в пространстве), место действия (глаголы со значением: ментального действия; физиологического состояния человека; активных физических действий и занятий; действия, направленного на объект; чувственного восприятия) и место, или пространство, движения (глаголы движения). Однако можно предположить, что третий тип значений – пространство движения – принципиально отличается от первых двух тем, что только данный тип конструкций содержит глаголы движения и место в нем определяется не как точка, а как отрезок пространства. В этом смысле отсутствует противоречие между первым и вторым типами значения. Действие не обязательно предполагает движение: *Я работаю в библиотеке = 1) Я сижу за столом и читаю книгу* (как действие), *2) Я сижу за столом и выдаю книги читателям; Я ищу книги на полках* (как профессиональная деятельность). Движение может предполагаться: *Я готовлю ужин на кухне = Я перемещаюсь по кухне и выполняю определенные действия*, – но оно не заложено в семантике глагола. Что касается пространственного положения, то местонахождение и действие может

осуществляться в одной точке пространства, движение – всегда на его отрезке (поэтому целесообразно данный тип значений обозначить именно как «пространство движения»). Эти различия определяют вид локализатора: для значений местонахождения субъекта и места действия субъекта могут использоваться одни сочетания предлогов с существительными и наречия, для значения пространства – другие.

Таким образом, классификация пространственных значений в рамках сегмента места может выглядеть так:

Следует отметить, что при описании пространства движения субъект может находиться как внутри описываемого пространства, так и за его пределами, но это не меняет характера их взаимодействия: движение в обоих случаях происходит относительно данного пространства, а действия и движение субъекта за его пределами не описываются. Например: *Дети бежали вокруг дома* (движение за пределами пространства, но с ориентацией на него), *Мы часто гуляем по парку* (движение в пределах пространства), *Туристы прошли через площадь* (движение от одной границы пространства до другой), *Я иду по Невскому проспекту* (движение внутри пространства, в одном направлении), *Поезд проехал мимо станции* (движение вне пространства, но вдоль него) и т. д. Итак, в рамках данного значения можно уточнить характер взаимодействия *Subj* и *Loc*, используя терминологию М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского [5, с. 10] – «сопространственность» и «несопространственность».

Сравнение конструкций для выражения локализатора в значении местонахождения субъекта и места действия субъекта показало, что в данном микрополе можно выделить два

сектора: независимое и зависимое место. Независимое местонахождение называется конкретно, оно известно: *Библиотека находится на улице Горького (в доме номер 5); Илья отдыхает в Лазаревском*, зависимое же точно не известно, оно определяется с опорой на другие объекты пространства, с помощью ориентира: *Библиотека находится напротив художественного училища* (ориентир – художественное училище); *Илья отдыхает (где-то) недалеко от Сочи* (ориентир – Сочи).

Сегмент направления в зависимости от выделенных локативных ситуаций распадается на микрополя начала движения и конца движения. В лингвистической литературе эти значения обозначаются по-разному: начало и конец движения; приближение и удаление [3]; финиш и старт [5]; латив и элатив [6]. Сегмент направления включает следующие ЛСГ глаголов:

- непереходные глаголы движения: *идти – ходить, ехать – ездить, бежать – бегать, лететь – летать, плыть – плавать, ползти – ползать, брести, катиться, протискиваться – протиснуться, пробираться – пробраться* и др.;
- переходные глаголы движения: *вести – водить, везти – возить, нести – носить, катить – катать, тащить – таскать* и др.;
- глаголы со значением перемещения: *подниматься, спускаться, направляться* и др.;
- глаголы со значением изменения положения в пространстве: *ложиться, садиться, вставать*;

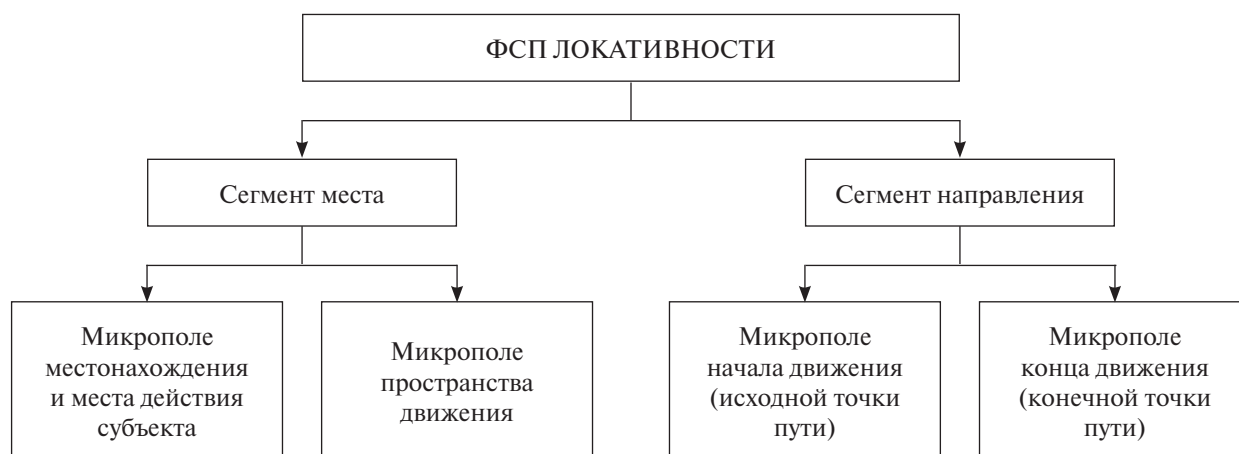
- глаголы со значением манипуляций с предметами: *класть, сажать, ставить, вешать, доставлять* и др.;

- другие глаголы: *спешить, приглашать, возвращаться, посылать, добираться, убирать, отправлять, звонить, брать, доставать, вынимать, снимать, получать, смотреть, поступать – поступить* (про вуз) и др.

Все группы глаголов являются универсальными для обоих микрополей, кроме глаголов со значением изменения положения в пространстве (*ложиться, садиться, вставать*) и манипуляций с предметами (*класть, сажать, ставить, вешать*). Эти глаголы используются только в конструкциях со значением конечной точки пути.

Таким образом, ФСП локативности в русском языке может быть представлено в виде схемы (см. ниже).

К *первому* ядерному слою ФСП локативности в русском языке относятся конструкции с локализатором в форме существительного с предлогом, так как эти конструкции наиболее четко и конкретно описывают место или направление; ко *второму* ядерному слою – конструкции с наречиями в качестве локализатора (наречие является вторичным способом обозначения пространственного отношения и без контекста не всегда может выражать его однозначно [3, с. 8]); к *третьему* ядерному слою, максимально удаленному от ядра поля, можно отнести сложноподчиненное предложение (СПП) с придаточным места [7–9]. О послед-

Функционально-семантическое поле локативности в русском языке
Functional-semantic field of locatives in the Russian language

нем из перечисленных типе конструкций следует сказать отдельно.

Анализ учебных пособий по русскому языку как иностранному, в которых так или иначе представлена тема «Пространственные отношения», показал, что в них практически не встречается СПП с придаточным места. Как правило, авторы пособий при ознакомлении учащихся с пространственными отношениями русского языка ограничиваются презентацией предложно-падежных конструкций и наречий места. Но в рамках функционального подхода речь идет об организации грамматического материала на синтаксической основе, представлении его как системы речевых образцов, определяемых как типичные отрезки речи, построенные на основе отобранной для изучения структурной схемы и выполняющие конкретное речевое задание². С этой точки зрения СПП места имеет не меньшую практическую значимость, чем привычные структуры с существительными и наречиями. Основанием для отнесения его к ядерной зоне поля локативности является соответствие структуре локативной ситуации:

Subj + Pred + Loc(complex),

в которой локализатор выражается предикативной структурой. Локализатор в СПП с придаточным места неконкретен, в нем содержится описание какого-либо места, реализуемое сочетанием соотносительного слова (*там / туда / оттуда*) и союзного слова (*где / куда / откуда*). Это описание осуществляется с опорой на ориентир, связанный с «зашифрованным» местоположением. Согласно терминологии М.В. Бадхен, в сложном предложении ориентир является антецедентом, т. е. некой предпосылкой, предшествующим фактором, по которому можно сделать заключение о подобном ему настоящем [10, с. 11]. Анализ множества СПП локализации показал, что в качестве антецедента может выступать как пространственный ориентир, так и событие, имеющее ассоциативную связь с локализатором. Например:

Там, где сейчас расположен драматический театр, когда-то был госпиталь.

² Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностр. яз. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

Он любил бывать там, где жили его предки.

Местоположение объекта в обоих предложениях не эксплицировано, но назван ориентир, который в первом случае является пространственным объектом («драматический театр»), во втором — событием («где жили его предки»).

Кроме формального соответствия структуре локативной ситуации, СПП с придаточным места имеет коммуникативную значимость при изучении ПО русского языка. В реальных ситуациях общения говорящий не всегда может эксплицировать местоположение того или иного объекта вследствие информационной недостаточности, которую, однако, он может компенсировать логическими умозаключениями, обозначив локализацию с помощью системы ориентиров, связанных с ней. Это демонстрируют следующие примеры (знаками «+» и «-» отмечены предложения, в которых локализатор соответственно известен и «зашифрован»):

(+) *Памятник М. Горькому находится на углу Кронверкского и Каменноостровского проспектов.*

(-) *Памятник М. Горькому находится там, где мы встречались перед экскурсией.*

(-) *Памятник М. Горькому находится там, где расположен дом писателя.*

Во втором и третьем предложениях при условии, что участникам ситуации известны ориентиры (место встречи перед экскурсией и адрес, по которому проживал писатель), они могут установить точное местоположение памятника. Таким образом, знание структуры и семантики СПП, а также умение устанавливать логические связи между языковыми единицами может помочь избежать коммуникативной неудачи. Кроме того, необходимость обучения не просто навыкам грамотной речи, но и логическому мышлению на изучаемом языке не раз отмечалась исследователями как одна из важнейших целей обучения. Логика определяет один из ключевых навыков владения языком: возможность использовать синонимические средства языка, осуществлять правильный отбор конструкций, адекватных для конкретной ситуации общения [11, с. 237]. Способность мыслить на изучаемом языке является показателем уверенного владения им, а формирование такой способности возможно при сознательном подходе в обучении, предполагающем

осознание инофоном собственного речевого поведения, речевых действий [12].

К периферии поля локативности в русском языке относятся конструкции, передающие в качестве основных непространственные типы семантики, но имеющие оттенок локативности. Структура таких конструкций отлична от стандартного вида локативной ситуации.

Периферийные конструкции **на уровне простого предложения:**

- Предложения с согласованным определением (локализатор заключен в определении): *Я пришел к нему и стал рассказывать ему многое-многое о **здесьней** жизни, чего я вам не говорю из боязни наскучить* (= о жизни людей, которые живут здесь; о жизни, протекающей здесь) (А.И. Куприн); *Он мне сам говорил, что все **московские** барыни сговорились отдать ему всех своих детей в адъютанты* (= барыни, живущие в Москве) (Л. Толстой).

- Предложения с несогласованным определением (локализатор заключен в определении): *<...> Остап-Сулейман-Ибрагим-Берта-Мария Бендер прожил на двенадцатом этаже **высотного дома на Кудринской площади**...* (В. Левашов); *Но еще можно попробовать привести в порядок лужайку **перед домом*** (М. Львова); *Дрова в печи уже прогорели, малиновые отсветы полыхали в окне **напротив**...* (Ф. Абрамов).

- Предложения с прямым дополнением (локализатор заключен в дополнении). При этом в большинстве случаев используются глаголы: *включать, содержать, занимать, посещать, покидать (оставлять), венчать (о вершине), пересекать, достигать, окружать, миновать, обходить, разделять, соединять* и др. Примеры: *В комнате и без того не повернешься, но **кровать занимает самое главное место*** (= кровать стоит в самом главном месте) (Л. Кассиль); *Любое художественное **произведение содержит** какую-то истину* (= В любом художественном произведении есть какая-то истина) (П. Вежинов); *Когда он **миновал нас**, я заметила сзади конструкцию, напоминающую сопла ракеты* (= Когда он прошел мимо нас...) (Н. Шитова).

- Предложения с глаголами *прилуниться, зарыбить, заземлить* (локализатор заключен в сказуемом): *Космический корабль **прилунился** удачно.*

К периферийным конструкциям **на уровне сложного предложения** можно отнести присуб-

стантивные СПП с определительной придаточной частью, в которых, согласно «Русской грамматике»³, придаточная часть сообщает об отличительном признаке предмета, названного опорным существительным, и тем самым сужает и конкретизирует значение этого слова. В таких предложениях союзное слово *который* в сочетании с предлогом может быть заменено союзами *где, куда, откуда*:

*Дом, **в котором** мы когда-то жили, покосился от ветхости.* = *Дом, **где** мы когда-то жили, покосился от ветхости.*

*В том городе, **из которого** мы вернулись вчера, очень много туристов.* = *В том городе, **откуда** мы вернулись вчера, очень много туристов.*

Таким образом, ФСП локативности в русском языке представляет собой сложную лексико-синтаксическую систему, в основе которой лежит локативная ситуация. Тип пространственного значения определяется лексическим наполнением инварианта, т. е. зависит от семантики входящих в него компонентов, а также их грамматической сочетаемостью. В предлагаемой лингвометодической модели поля его ядро составляют конструкции с локализатором в форме предлога с существительным (первый ядерный слой), наречия (второй ядерный слой) и также СПП места (третий ядерный слой). На периферии поля располагаются конструкции, способные выражать локативные отношения, несмотря на принадлежность к другим полям. ФСП может применяться в качестве лингвометодической модели для активизации пространственных конструкций в русской речи иностранных студентов.

Заключение

Функциональный подход к отбору и подаче языкового материала в иностранной аудитории дает возможность вовлечь в орбиту изучения ФСК локативности все способы ее выражения. В то же время он предполагает определенную градацию, дифференциацию данных структур и позволяет наиболее корректно использовать их в соответствии с замыслом говорящего [13, с. 4].

³ Русская грамматика. В 2 т. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бондарко А.В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 208 с.
2. **Бондарко А.В.** Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
3. **Гак В.Г.** Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
4. **Воронкова О.Б.** Средства выражения категории места в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
5. **Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.** Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. **Великорецкий А.Д.** Пространство в современных западногерманских и русском языках: опыт построения метаязыка // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В.А. Плунгян. М.: Рус. словари, 2002. С. 8–34.
7. **Теремова Р.М.** Аспекты изучения причинных конструкций на коммуникативно-функциональной основе // Рус. яз. за рубежом. 1988. № 3. С. 82–86.
8. **Теремова Р.М.** Функционально-семантическое поле с синтаксической направленностью как форма системной организации языковых единиц // Проблемы функционально-семантической грамматики: матер. Всесоюз. науч.-метод. конф. (16–17 апреля 1991 г.). М.: Изд-во РУДН, 1994. С. 91–95.
9. **Теремова Р.М.** Функциональная грамматика: блок обусловленности в современном русском языке: моногр. СПб., 2017.
10. **Бадхен М.В.** Поле пространственной локализации в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 21 с.
11. **Сотникова К.Э.** Семантические типы сложного предложения локализации в рамках темы «Пространственные отношения» // Рус. яз. и литература в соврем. гуманитарном образоват. пространстве: матер. докл. и сообщений XV Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во СПбГУПТД, 2010. С. 235–237.
12. **Беляев Б.В.** Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965.
13. **Теремова Р.М.** Место функциональной грамматики в интенсификации процесса обучения РКИ // Проблемы преподавания русского языка и литературы на интенсивных курсах для иностранцев: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 1992.

Сотникова Карина Эдуардовна

E-mail: karina-sotnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.V. Bondarko, Printsipy funktsionalnoy grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and questions of aspectology], Editorial URSS, Moscow, 2003.
- [2] A.V. Bondarko, Funktsional'naya grammatika [Functional Grammar], Nauka, Leningrad, 1984.
- [3] V.G. Gak, [Functional-semantic field of localization predicates], in: Teoriya funktsional'noy grammatiki: Lokativnost'. Bytiynost'. Possesivnost'. Obuslovlennost' [The theory of functional grammar: Locative. Beingness. Possessive. Conditionality], Nauka, St. Petersburg, 1996, pp. 6–26.
- [4] O.B. Voronkova, Sredstva vyrazheniya kategorii mesta v sovremennom nemetskom yazyke [Means of expression of categories of place in modern German language], Abstr. cand. diss., Leningrad, 1981.
- [5] M.V. Vsevolodova, E.Yu. Vladimirskiy, Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremen-
- nom russkom yazyke [Ways of expression of spatial relations in modern Russian], LKI Publ., Moscow, 2008.
- [6] A.D. Velikoretskiy, [The space in the modern West German and Russian languages: Experience of the meta-language building], in: Issledovaniya po teorii grammatiki, vyp. 2: Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira [Research in the theory of grammar. Iss. 2: Grammatikalization of spatial semantics in the world languages], Moscow, 2002, pp. 8–34.
- [7] R.M. Teremova, [Aspects of the study of casual structures on the communicative-functional basis], [Russian language abroad], 3 (1988) 82–86.
- [8] R.M. Teremova, [Functional-semantic field with syntactic focus as a form of systemic organization of language units], in: Problemy funktsional'no-semanticheskoy grammatiki [Problems of functional-semantic grammar: mater. all-Union scientific-methodological conf. of April 16–17, 1991], RUDN Publ., Moscow, 1994, pp. 91–95.

[9] R.M. Teremova, Funktsional'naya grammatika: blok obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke [Functional grammar: unit of conditionality in the modern Russian language], St. Petersburg, 2017.

[10] M.V. Badkhen, Pole prostranstvennoy lokalizatsii v sovremennom angliyskom yazyke [The category of spatial localization in modern English], Abstr. cand. diss., Leningrad, 1981.

[11] K.E. Sotnikova, [Semantic types of locative complex sentence under the theme "Spatial relations"], in: Russkiy yazyk i literatura v sovremennom gumanitar-nom obrazovatel'nom prostranstve [Russian language and literature in the modern humanitarian educational space.

Proc. of XV Intern. scient.-metod. conf.], SPGUPTD Publ., St. Petersburg, 2010, pp. 235–237.

[12] B.V. Belyaev, Ocherki po psikhologii obuche-niya inostrannym yazykam [Essays on the psychology of teaching foreign languages], Prosveshchenie, Moscow, 1965.

[13] R.M. Teremova, [Place of functional grammar in the intensification the process of learning of RFL], in: Problemy prepodavaniya russkogo yazyka i literatury na intensivnykh kursakh dlya inostrantsev [Problems of teaching of Russian language and literature in the intensive courses for foreigners. Theses of reports and messages of Intern. scient.-metod. conf.], St. Petersburg, 1992.

Sotnikova Karina E.

E-mail: karina-sotnikova@yandex.ru

Received 15.06.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8413

УДК 378.147

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНСТИТУТЕ

С.А. Молодяков, С.Э. Сараджишвили

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье описан опыт применения дистанционных технологий в образовательной среде института компьютерных наук и технологий Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Целью статьи является анализ задач, связанных с использованием дистанционных курсов, а также систематизация функций по управлению учебным процессом, которые стоят перед администрацией института (факультета). В рамках системы управления дистанционными курсами выделены три уровня: разработчика-преподавателя, администратора учебных планов и инициатора применения дистанционных дисциплин в университете. Рассмотрен комплекс вопросов, который решается на среднем уровне управления. Определены мотивации развития дистанционного образования в институте, которые касаются не только преподавателей и студентов, но и института в целом. За счет применения дистанционных технологий происходит модернизация учебного процесса, расширяются возможности института по обучению студентов заочного и очно-заочного образования, курсов повышения квалификации, подготовки аспирантов и абитуриентов. Описаны три этапа внедрения дистанционных технологий: этап обучения в рамках повышения квалификации преподавателей, этап освоения и разработки внутриуниверситетских курсов и этап разработки открытых онлайн-курсов. Среди особенностей применения дистанционных технологий для очного образования выделена модель смешанного или гибридного обучения. Рассмотрен вопрос выбора дисциплин для размещения их на платформах открытого образования.

Ключевые слова: информационные технологии; дистанционные технологии; онлайн-курс; открытое образование; мотивация; MOOK-курс

Ссылка при цитировании: Молодяков С.А., Сараджишвили С.Э. Применение дистанционных технологий для расширения возможностей образовательной деятельности в институте // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 127–136. DOI: 10.18721/JHSS.8413

APPLICATION OF DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES TO EXPAND OPPORTUNITIES FOR EDUCATIONAL ACTIVITIES IN A UNIVERSITY FACULTY

S.A. Molodyakov, S.E. Saradzhishvili

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article describes the experience of using remote technologies in the educational environment of the Institute of Computer Science and Technology of Peter the Great

St. Petersburg Polytechnic University. The goal of the article is the analysis of the problems associated with the use of online learning courses and the systematization of functions to manage the learning process, facing the administration of the Institute (faculty). Three levels are defined in the management system of online courses: developer teacher, administrator of curricula and initiator of online learning courses at the university. The problems of organization and administration of online courses at the middle level of management are considered. Motivations for the development of distance education in the institute are defined, concerning not only teachers and students, but also the institution as a whole. Online learning courses are expanding the capabilities of the institute on the use of distance learning education, training graduate and undergraduate students. The tasks of the institute on the use and development of distance technologies are considered. The use of online learning technology is associated with the educational programs of the Institute. Three stages of introduction of online technologies are described: the stage of teacher training, the stage of development of courses within the university and the stage of development of open online courses. The model of mixed or hybrid learning is one of the features of applications of distance learning technologies. The issue of selection of online courses for inclusion on platforms of open education is considered.

Keywords: information technology; distance learning technology; online course; open education; motivation; MOOC course

Citation: S.A. Molodyakov, S.E. Saradzhishvili, Application of distance learning technologies to expand opportunities for educational activities in a university faculty, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 127–136. DOI: 10.18721/JHSS.8413

Введение

Информационные технологии охватывают все области создания, передачи, хранения и восприятия информации, их связывают с применением вычислительной техники и компьютерных сетей – Интернета. Вопрос применения информационных технологий при обучении студентов обсуждается на протяжении многих лет [1–5]. На первом этапе информационные технологии связывались с применением вычислительной техники для получения информации (моделирование, расчеты и пр.). На втором этапе, который продолжается в настоящее время, информационные технологии рассматриваются прежде всего как технологии передачи, хранения и восприятия информации, связанные с Интернетом, со смартфонами и др. За счет информационных технологий происходит перестройка реальной жизни. Ожидается четвертая промышленная революция, связанная с массовым внедрением киберфизических систем в производство и другие сферы человеческой жизни. Изменения охва-

тят самые разные стороны жизни, в том числе и сферу образования. Появляется до конца не осознанный элемент – виртуальная жизнь или придуманная жизнь в Интернете. Она является лишь частичным отражением реальной жизни. Зонтик виртуализации коснулся и процесса образования. Применение технологий виртуальной реальности позволит повысить эффективность обучения [6].

Постановка проблемы и цели исследования

Преподаватели в университете при всем их желании уже не могут не учитывать сказанное выше. Уже сейчас абитуриенты проводят большую часть своего рабочего времени в среде виртуального мира, создаваемого интернет-ресурсами. Поэтому вопрос применения информационных технологий в образовании встает действительно остро. Рассматриваются разные модели дистанционного образования [7]. В настоящее время ключевым элементом внедрения информационных технологий являются дистанционные (онлайн) курсы. Под дис-

танционными курсами мы будем понимать ряд элементов, которые только частично связаны с дистанционным образованием (ДО): видеолекции, презентации, электронное учебное пособие, лабораторные работы (возможно, виртуальные), набор задач, тесты, чат и др. Этими материалами можно пользоваться как при заочном ДО, так и при очном. Если обучение очное, то дистанционный курс на портале рассматривается прежде всего как хранилище материалов по дисциплине. В этом случае предполагается применение модели смешанного или гибридного обучения, при которой работа в аудитории (лекции, семинары, упражнения, лабораторные работы) сочетается с самостоятельной работой на сайте курса (прослушивание видеолекций, тестирование, сдача экзамена и др.) [2, 8].

Результаты исследования

Рассмотрение возможностей использования дистанционных технологий (ДТ) в образовании стало актуальным. Это связано с тем, что в большинстве университетов появились возможности по размещению и использованию дистанционных курсов; создан открытый федеральный портал «Российское образование», дистанционные курсы стали включать в учебные программы; появился модуль мобильности, который предполагает применение нескольких дистанционных курсов. В 2014 г. в Минобрнауки России по инициативе представителей ведущих образовательных организаций высшего образования создан Совет по открытому онлайн-образованию. С 2017 г. на развитие онлайн-образования в России предоставляются гранты в рамках приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» и государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 гг.

В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) также всесторонне развивается ДО: университет является одним из организаторов российского образовательного портала «Открытое образование»; на базе среды Moodle создан внутриуниверситетский портал, в каждом институте университета работает своя подсистема Moodle¹ [9].

¹ Об организации и использовании электронного обучения и дистанционных образовательных техно-

Открытые и внутриуниверситетские дистанционные курсы, создавая альтернативную среду образования, заставляют университеты пересматривать существующие и искать новые, более эффективные методы обучения.

Можно выделить три уровня разработки и применения дистанционных курсов:

- 1) уровень разработчика-преподавателя;
- 2) уровень администрирования дисциплин и разработки учебных планов в рамках института (факультета);
- 3) уровень инициирования и политики применения ДО (учебный отдел университета, министерство).

Каждый уровень важен для повышения качества образования. Довольно большое количество публикаций посвящено вопросам методологии и методам преподавания отдельной дисциплины в рамках ДТ, методам тестирования, мотивациям студентов [10–12]. Многие публикации, особенно в журнале «Высшее образование в России», связаны с политикой применения ДО в университетах и в целом в России [2–5]. Однако публикаций по вопросам организации и администрирования ДО в рамках института как подразделения университета явно недостаточно. На этом среднем уровне обеспечивается применение разработанных преподавателями курсов в рамках учебных планов специальностей при очном и заочном обучении. Администрирование дисциплин предполагает решение ряда вопросов: выбор набора дисциплин для ДО, обеспечение заинтересованности преподавателей, создание подразделения для обучения и поддержки работы преподавателей, контроль содержания курсов (аттестация курсов), организация и поддержка работы образовательного портала, маркетинг образовательных услуг и др.

Администрирование и мотивации развития ДО в институте. Вопрос о необходимости развития ДО в институте постоянно обсуждается, и он будет вставать до тех пор, пока каждый преподаватель не воспримет основные моти-

логий при реализации образовательных программ высшего образования. Положение СПбПУ. 2016. URL: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/provision_e-learning_distance_learning_technologies.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

вы применения отдельных элементов или всего комплекса ДТ. Особенно важно понять необходимость развития ДО руководителям и ответственным за образовательную деятельность.

Существующие ДТ основаны на дистанционных курсах со всеми их элементами. Можно выделить два уровня дистанционных курсов: MOOK-курсы (массовые открытые онлайн-курсы) и курсы уровня кампуса. MOOK-курсы размещаются на доступных для всех пользователей интернет-платформах: coursera (coursera.org), российском образовательном портале «Открытое образование» (openedu.ru) и др. Курсы уровня кампуса размещаются на внутриуниверситетских порталах [9]. Они доступны только для студентов университета. Основной отличительной особенностью применения курсов уровня кампуса является их приближенность к преподавателю, который в зависимости от потребностей студентов в течение семестра может легко модифицировать материал, включить, например, новый тест или выставить измененный список вопросов к экзамену. Материал MOOK-курсов сложнее изменять, но зато преподаватель менее задействован в учебном процессе и может обучить несколько тысяч студентов.

В зависимости от назначения курсы уровня кампуса могут быть разделены на ряд категорий. Так, в СПбПУ принято следующее деление²:

- категория 1: курсы MOOK-формата (их можно использовать при ДО, при переводе аудиторной нагрузки в дистанционный формат);
- категория 2: курсы для организации и контроля самостоятельной работы студентов;
- категория 3: курсы для организации промежуточных и итоговых мероприятий по контролю знаний;
- категория 4: дополнительный материал по курсу, содержащий любые возможные компоненты.

Рассмотрим основные мотивации развития ДТ в институте. Их можно условно разделить на две большие группы: улучшение качества учебного процесса и расширение образовательных возможностей института (табл. 1).

Таблица 1

**Классификация мотиваций развития ДО
в институте**
**Classification of motivations for the development
of distance learning at the Institute**

Улучшение качества учебного процесса	Расширение образовательных возможностей института
<ul style="list-style-type: none"> • Модернизация обучения • Наличие базы знаний по дисциплине: учебное пособие, презентации лекций, задания, тесты • Улучшение методики преподавания (за счет доступа к MOOK-курсам) • Повышение мотиваций улучшения курса у преподавателей • Облегчение труда преподавателя • Повышение интереса изучения дисциплины у студентов • Появление свободы выбора преподавателей и дисциплин • Возможность для студента восполнить материал пропущенного занятия 	<ul style="list-style-type: none"> • Расширение и появление возможностей по использованию заочного и очно-заочного образования, курсов повышения квалификации, подготовки аспирантов и абитуриентов • Увеличение количества разработанных курсов • Удовлетворение требований учебных программ и администрации университета • Создание и сохранение разработанной учебной программы по дисциплине на кафедре (востребовано при смене преподавателя или контроле преподавания) • Реклама института и университета

При применении ДТ возможна постоянная модернизация обучения, что исключает элементы застоя как в методиках преподавания, так и в комплексе используемых материалов. За счет дистанционных курсов облегчается введение новых дисциплин. Так, возможно создание пула новых дисциплин, из которых изучается, например, одна по выбору. Новые дисциплины для бакалавриата могут разрабатываться приглашенными специалистами и аспирантами кафедр. В связи с выходом в 2017 г. профессионального стандарта преподавателя вуза подготовка новых дистанционных дисциплин для магистратуры и аспирантуры требует более высокой квалификации: для магистратуры – не ниже кандидата наук, а для аспирантуры – не ниже доктора наук. Существенно упрощается привлечение новых знаний, которые можно постепенно вводить в курс, размещая их в раз-

² Об организации и использовании электронного обучения... URL: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/provision_e-learning_distance_learning_technologies.pdf.

делах «Дополнительный материал по курсу», «Самостоятельная работа студентов», «Новые разделы курса».

Важным элементом является повышение мотивации улучшения курса у преподавателей: использование новых информационных технологий привлекает молодых преподавателей; открытость доступа и конкуренция между похожими курсами на платформах открытого образования заставляет обновлять и улучшать курс. Использование ДТ позволяет облегчить труд преподавателя при проведении лекций, лабораторных работ и расчетных занятий, упростить промежуточный контроль знаний студентов, хотя сопровождение дистанционных курсов требует много дополнительных усилий.

Со стороны студентов также наблюдается интерес к дистанционным курсам как к новым информационным технологиям, дающим новые возможности: восполнить материал пропущенного занятия, дистанционно изучить элементы курса, дистанционно сдать курсовые работы или тесты, получить дополнительные знания, которые не предусмотрены в дисциплине. Появляется свобода выбора траектории изучения и освоения специальности.

Однако интерес студентов к дистанционным курсам часто иссякает после начала занятий. Так как ДО является сложным процессом овладения знаниями, для поддержания мотивации изучения дистанционных курсов требуются специальные меры. К ним могут быть отнесены такие меры [11]: рассылка писем неактивным участникам с выражением благодарности за проявленный интерес к курсу и надежды на их активное участие в дальнейшем; совместное определение правил обучения на дистанционных курсах с целью учета пожеланий и предложений студентов; организация работы в командах с целью стимулирования активными участниками неактивных к совместной работе; регулярная обратная связь со студентами по всем вопросам, включая подробные комментарии к результатам практических заданий; регулярное подведение итогов индивидуальной и командной работы студентов; обсуждение планов возможного сотрудничества по окончании обучения.

Важный элемент — расширение образовательных возможностей института, которые связаны в первую очередь с расширением сфер

преподавательской деятельности, с привлечением заочного и очно-заочного образования, курсов повышения квалификации, подготовки аспирантов и абитуриентов. В новых условиях развития высшего образования появляется необходимость сохранения разработанной учебной программы по каждой дисциплине на кафедре. В результате можно сформировать набор дистанционных курсов, которые закрывают все дисциплины учебных программ специальностей. Такая возможность востребована при смене преподавателя или контроле преподавательской деятельности.

Реклама университета и института за счет размещения дистанционных курсов на открытых порталах — это также важная мотивация использования ДО. Дистанционные курсы (online-курсы) позволяют привлечь новый контингент в университеты, причем не только на очное обучение, но и на второе образование, повышение квалификации и др.

Таким образом, мы увидели в использовании ДТ много положительного. Однако имеются и весомые отрицательные моменты:

- отсутствие обратной связи с преподавателем (нет возможности адаптации курса под слушателей);
- отсутствие возможности профессионального роста преподавателя за счет общения со студентами;
- отсутствие возможности обучения студентов на примере знаний и умений преподавателей и др.

Сегодня признано, что наиболее эффективной формой использования ДТ при дневном обучении является модель смешанного обучения [8], позволяющая в значительной степени снять вышеперечисленные отрицательные моменты.

Задачи института. Неотъемлемой частью учебного процесса института компьютерных наук и технологий (ИКНТ) СПбПУ становятся ДТ. С момента появления в ИКНТ дистанционных курсов он прошел три этапа развития электронного образования.

1 этап. Знакомство с ДО. Было организовано обучение ответственных от кафедр, а также многих преподавателей по программе повышения квалификации, затем определено требование к кафедрам — оформить в дистанционном

(электронном) виде не менее 60 % курсов. В результате с 2013 до 2015 г. преподаватели ИКНТ разработали 220 дистанционных курсов.

II этап. Освоение и использование в учебном процессе дистанционных курсов на платформе Moodle (курсы на уровне кампуса).

III этап. Разработка MOOK-курсов на разных платформах.

В результате сложились условия, при которых преподаватели освоили ДТ, открылись широкие возможности их применения, в том числе и в международных программах, например в Sakai. Существенно изменились задачи института в использовании ДТ. При наличии большого количества дистанционных курсов он рассматривается уже как регулятор или администратор электронного образования.

Основная задача института – организация и проведение образовательного процесса с привлечением ДТ, причем имеется в виду не только дистанционное, но и смешанное (гибридное) обучение (табл. 2).

Трудности выполнения перечисленных задач связаны с тем, что большинство преподавателей не мотивированы на применение ДТ. При внедрении дистанционных курсов только через административные указания не получается желаемого результата. Преподаватели создают дистанционный курс, даже аттестуют его, но затем не используют в учебном процессе. Поэтому требуется постепенная административная и ознакомительная работа, подкрепленная дополнительным финансированием. Удачным опытом разработки дистанционных курсов в СПбПУ является создание MOOK-курсов для портала «Открытое образование». За счет имеющихся разработок в среде Moodle и при оплате переноса курса на этот портал в ИКНТ стал работать механизм конкурсного отбора курса среди желающих преподавателей для размещения его на открытом портале.

Выбор дисциплин для размещения на открытых платформах. Элементом методической и административной работы института является выбор дисциплин для размещения их на открытых платформах. Ответственность выбора определяется тем, что набор открытых онлайн-курсов, их качество оказывают значительное влияние на развитие образования не только в СПбПУ, но и в России в целом. Перечислим

Таблица 2

Задачи института по организации и применению ДТ
Tasks of the Institute for organization and application of distance learning technologies

Задачи	Пояснение
<ul style="list-style-type: none"> • Общая координация работы института в электронной образовательной среде университета • Формирование учебных планов, в которых используются сетевые формы, происходит перерасчет дистанционных курсов • Организация методической работы, связанной с применением ДТ в учебном процессе (в рамках института) • Организация и участие в аттестации дистанционных курсов, разрабатываемых в институте; определение перезачитаемых курсов других институтов • Помощь преподавателям института в использовании ДТ (консультации, обучение, методическая поддержка) • Формирование в рамках института группы ответственных за разработку и внедрение ДТ • Участие в общеуниверситетских проектных командах по разработке и внедрению ДТ 	<ul style="list-style-type: none"> • Координация требуется при использовании централизованных вычислительных ресурсов университета • Учебные планы включают обучение всех групп студентов (очное и заочное обучение, аспирантура, абитуриенты, повышение квалификации) • В частности, разработка шаблонов дистанционных курсов и рекомендаций • Аттестация учебных курсов предполагает проверку полноты и актуальности материалов, представленных в курсе • Администратор портала проводит консультации, при необходимости направляет на обучение • Ответственные от кафедр и высших школ имеют доступ ко всем дистанционным курсам кафедр и обеспечивают «опеку» над преподавателями

критерии выбора дисциплин в ИКНТ для портала «Открытое образование»:

1. Курс о новых знаниях и технологиях в компьютерных науках.

2. Глубокие профессиональные знания преподавателей-разработчиков курса (руководитель – профессор или ведущий признанный доцент).

3. Специализация кафедры и научных групп.

4. Востребованность в ИКНТ – интерес со стороны студентов, возможность использования в пуле мобильности, при заочном обучении, в аспирантуре.

5. Востребованность в СПбПУ со стороны других институтов.

6. Отсутствие на портале «Открытое образование».

Актуальность и востребованность выбранного курса связана с требованиями к знаниям и умениям выпускника, которые определяют компании-партнеры [10, 13]. Эти требования обобщены и определены в профессиональных стандартах. В области вычислительной техники, в частности в направлении «Программная инженерия», современные требования профессиональных стандартов особенно важны. Многие компании выставляют достаточно подробный список требований к знаниям фундаментальных и профессиональных дисциплин, требования к умениям, список типовых задач, которые должен уметь решать выпускник. Примером списка типовых задач может быть следующий: разработать реляционную базу данных с СУБД, написать собственную простейшую многозадачную ОС, написать собственный простейший компилятор, написать на ассемблере драйвер нового устройства, написать программу клиент-сервер для работы в сети, написать программу управления микроконтроллером на низком уровне, разработать собственный простейший веб-сайт с динамической генерацией.

Вопросы профессиональных стандартов во многом связаны с CDIO-подходом. CDIO («задумка – проектирование – реализация – управление») – это комплексный подход к инженерному образованию: набор общих принципов создания учебных программ, их материально-технического обеспечения, подбора и обучения преподавателей³. Цель внедрения CDIO-стандартов: подготовка инженера, способного при-

думать новый продукт или новую техническую идею, осуществить все работы по ее воплощению, внедрить в производство то, что получилось. Сегодня CDIO охвачены более 100 вузов по всему миру. В ИКНТ СПбПУ большинство кафедр проводит учебную работу во многом в соответствии с CDIO [14]. Всё это также учитывается при конкурсном выборе дисциплины.

В настоящее время преподаватели ИКНТ разработали и разместили на портале «Открытое образование» пять дисциплин и разрабатывается еще столько же: «Математическая логика», «Управление данными», «Методы вычислительной математики», «Инженерная и компьютерная графика», «Современная промышленная электроника», «Технологии компьютерных сетей», «Наука о данных и аналитика больших объемов данных», «Метрология», «Технологии проектного управления», «Инструменты управления проектами». Нами рассматривается набор дисциплин, который во многом удовлетворяет критериям: «WEB-программирование», «Технологии верификации программного обеспечения», «Компьютерное моделирование сложных динамических систем», «Интеллектуальное здание», «Технологии защиты информации», «Программирование на Java», «Облачные инфраструктуры и сервисы», «Семантический анализ данных». Но мало определить список, надо найти грамотных преподавателей, способных разработать востребованный курс, что зачастую представляется сложной задачей.

Особенности применения ДТ. Методология применения ДТ входит в сферу деятельности администрации института (факультета), которая разрабатывает и согласовывает учебные планы с учебным отделом университета. Применение отдельных элементов или всего дистанционного курса связано с образовательными программами института. В ИКНТ особенности применения ДТ сводятся к следующему.

Для очного образования в основном используется гибридная модель обучения. Она предполагает дистанционное (через Интернет) использование следующих элементов: видеолекция, решение задач по материалам лекций, тестирование. В аудитории в очной форме выполняются упражнения, проводятся лабораторные работы, консультации и итоговый экзамен. Следует отметить положительный опыт

³ Об организации и использовании электронного обучения... URL: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/provision_e-learning_distance_learning_technologies.pdf.

проведения электронного экзамена, например при выставлении зачета по дисциплине. Электронный экзамен представляет собой тест с короткими письменными ответами на вопросы. Он дает возможность оценить знания студентов по большому количеству тем.

Для заочного образования основной является дистанционная модель обучения. Все материалы по дисциплине выложены на сайте курса. Дистанционно студент прослушивает видеолекции, выполняет задания по лабораторным работам, упражнения, изучает материал по электронным учебникам, а также проводится тестирование. В аудитории в очной форме проводятся консультации и итоговый экзамен. Однако и при дистанционной модели в случае небольшого количества студентов (менее 100 человек) постоянное присутствие преподавателя крайне желательно. Преподаватель через обратную связь, например через электронную почту в Moodle, постоянно контролирует и консультирует выполнение всех заданий студентом.

Аспирантура рассматривается как третья степень образования. Работа с аспирантами имеет ряд особенностей, но и здесь гибридная модель для изучения большинства дисциплин является основной. При изучении дисциплины по форме ДО для очных аспирантов введены обязательные консультации с преподавателем в виде контроля самостоятельной работы аспирантов.

В соответствии с учебным планом ИКНТ объем консультаций – 6 аудиторных часов на человека в семестр по каждой дисциплине. Все зачеты и экзамены сдаются в очной форме.

Другие виды обучения, такие как курсы повышения квалификации, курсы подготовки абитуриентов, могут применять сочетания разных моделей в зависимости от слушателей и возможностей институтов.

Заключение

Сегодня ДТ, связанные прежде всего с онлайн-курсами, ставят перед университетами, а соответственно и перед институтами как их подразделениями, новые задачи. За счет их решения появляются возможности для расширения сфер и модернизации образовательного процесса. Применение дистанционных курсов, особенно MOOC-курсов, заставляет университеты переосмыслить методологию очного образования, оптимизировать свои расходы, усилить интеграцию науки и образования.

Задача института – оценить и использовать положительные элементы ДТ. Уже сейчас можно сказать, что модель смешанного обучения можно с успехом применять для большинства образовательных программ как очного, так и заочного образования. Совершенствование способов преподавания с использованием ДТ представляется одной из важнейших задач, стоящих перед администрацией института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **The Theory and Practice of Online Learning** / T. Anderson (ed.). Athabasca University, 2008. 472 p.
2. **Третьяков В.С., Ларионова В.А.** Открытые онлайн-курсы как инструмент модернизации образовательной деятельности в вузе // Высшее образование в России. 2016. № 7 (203). С. 55–66.
3. **Норе Kentnor** Distance Education and the Evolution of Online Learning in the United States // Curriculum and Teaching Dialogue. 2015. Vol. 17, no. 1–2.
4. **Стрекалова Н.Б.** Учебный процесс в открытых информационно-образовательных средах // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 93–97.
5. **Третьяков В.С., Ларионова В.А.** Открытое образование как стратегическое направление развития университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 2 (102). С. 51–60.
6. **Вешнева И.В., Сингаулин Р.А.** Трансформация образования: тенденции, перспективы // Высшее образование в России. 2016. № 2. С. 142–147.
7. **Галаев В.С., Гасанова З.А.** О классификации моделей дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2012. № 4. С. 103–108.
8. **Киреев Б.Н.** E-LEARNING при подготовке педагогических кадров // Высшее образование в России. 2016. № 2. С. 148–154.
9. **Иванова П.О.** Позитивные и негативные стороны использования LMS Moodle в учебном процессе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2 (220). С. 159–166. DOI: 10.5862/JHSS.220.19
10. **Молодяков С.А.** Преподаватель в вузе: из опыта повседневной жизни // Высшее образование в России. 2016. № 3 (199). С. 91–98.

11. **Арефьева И., Лазарев Т.** Мотивация в дистанционном обучении. Образовательный проект «Мой университет», МИР «ЭкоПро». URL: <http://moi-universitet.ru/library/articles/statja8/> (дата обращения: 01.10.2017).

12. **Макарова Е.Л., Пугач О.И.** Особенности разработки и внедрения курсов образовательной области «математика» в системы дистанционного обучения // Самарский науч. вестн. 2016. № 2 (15). С. 165–171.

Молодяков Сергей Александрович

E-mail: samolodyakov@mail.ru

Сараджишвили Сергей Эрикович

E-mail: ssaradg@yandex.ru

13. **Чучалин А.И.** О применении подхода CDIO для проектирования уровневых программ инженерного образования // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 17–32.

14. **Амосов В.В., Вишневская Т.А., Молодяков С.А. и др.** Новые технологии вычислительной техники в учебных планах кафедры информационных и управляющих систем СПбГПУ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2013. № 2 (171). С. 322–331.

Статья поступила в редакцию 03.10.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

[1] The Theory and Practice of Online Learning, T. Anderson (ed.), Athabasca University, 2008.

[2] V.S. Tretyakov, V.A. Larionova, [Open Online Courses as a Tool for Modernization of Educational Process in Universities], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 7 (203) (2016) 55–66.

[3] Hope Kentnor Distance Education and the Evolution of Online Learning in the United States, *Curriculum and Teaching Dialogue*, 17 (1–2) (2015).

[4] N.B. Strekalova, [Specificity of the learning process in the open virtual learning environments], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 1 (2014) 93–97.

[5] V.S. Tretyakov, V.A. Larionova, [Open education as a university development strategic direction], *University Management: Practice and Analysis*, 2 (102) (2016) 51–60.

[6] I.V. Veshneva, R.A. Singatulin, [Transformation of the education system: reasons, tendencies, perspectives], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 2 (2016) 142–147.

[7] V.S. Galyayev, Z.A. Gasanova, [Classification of distance learning models], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 4 (2012) 103–108.

[8] B.N. Kireyev, [E-LEARNING in pedagogical staff training], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 2 (2016) 148–154.

[9] P.O. Ivanova, [Positive and negative sides of using LMS Moodle in studying process], *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2 (220) (2015) 159–166.

[10] S.A. Molodyakov, [A teacher at the University: the experience of everyday life], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 3 (199) (2016) 91–98.

[11] I. Arefyeva, T. Lazarev, *Motivatsiya v distantsionnom obuchenii. Obrazovatelnyy proyekt «Moy universitet»* [Motivation in distance education. Educational project “My University”], *MIR «EkoPro»*. Available at: <http://moi-universitet.ru/library/articles/statja8/> (accessed 01.10.2017).

[12] Ye.L. Makarova, O.I. Pugach, [Features of development and implementation of courses of the educational field “Mathematics” in distance education system], *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 2 (15) (2016) 165–171.

[13] A.I. Chuchalin, [Application of the CDIO Approach to Three Level Engineering Programs Design], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 4 (200) (2016) 17–32.

[14] V.V. Amosov, T.A. Vishnevskaya, S.A. Molodyakov, S.M. Ustinov, I.G. Chernorutskiy, [New technologies of computer science in the curriculum department of Information and Control Systems SPbSPU], *St. Petersburg State Polytechnical University Journal*, 2 (171) (2013) 322–331.

Molodyakov Sergey A.

E-mail: samolodyakov@mail.ru

Saradzhishvili Sergey E.

E-mail: ssaradg@yandex.ru

Received 03.10.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8414
УДК 378

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДА
«ИНЦИДЕНТА» В ОБУЧЕНИИ МЕНЕДЖЕРОВ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

Е.А. Цимерман

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена актуальному вопросу – виртуализации в высшем образовании. С учетом требований действующих административных документов об образовании рассматривается возможность использования компьютера и информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения студентов-менеджеров английскому языку. Наряду с констатацией существующей тенденции информатизации высшего образования в статье теоретически аргументируется потребность студента в профессиональных, лично значимых контекстах. Цель статьи – продемонстрировать некоторые уникальные квазипрофессиональные задания профессионально ориентированного пособия, специально разработанного для студентов управленческих специальностей на основе аутентичных ресурсов сети Интернет. Описан предлагаемый автором статьи метод «Инцидента», отмечены ключевые трудности его внедрения в образовательный процесс; дается задание, построенное по этому методу. На основании приведенных статистических данных и результатов наблюдений автор делает вывод об эффективности и целесообразности внедрения разработанных материалов и использования метода «Инцидента» при работе с магистрантами управленческого профиля. Материалы статьи представляют теоретическую и практическую ценность для преподавателей иностранного языка.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; контекст; квазипрофессиональная деятельность; иностранный язык; образовательный процесс

Ссылка при цитировании: Цимерман Е.А. Использование информационно-коммуникационных технологий и метода «Инцидента» в обучении менеджеров английскому языку // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 137–145. DOI: 10.18721/JHSS.8414

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND THE INCIDENT METHOD IN TEACHING ENGLISH FOR STUDENTS MAJORING IN MANAGEMENT

E.A. Tsimerman

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the current virtualization issues in higher education. The requirements of educational administrative documents on e-learning, the use of computers and information and communication technologies are considered. Problems that teachers and students may face when using computers in language teaching and learning are described. The great importance of professional and student-centered content for students' personal integrity is theoretically justified. The advantages of tasks based on authentic Internet resources and those included in the author's professionally oriented textbook for students majoring in management are given. The 'incident' method is described and the key difficulties of its implementation are highlighted. An example of an 'incident'-based task is given. Based on statistical data and the results of observations, it is concluded that it is effective to introduce the developed materials and use the 'incident' method when working with students majoring in management. The information provided in the article is of theoretical and practical value for foreign language teachers.

Keywords: information and communication technologies; content; professionally-oriented tasks; foreign language; educational process

Citation: E.A. Tsimerman, Information and communication technologies and the incident method in teaching English for students majoring in management, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 137–145. DOI: 10.18721/JHSS.8414

Введение

Наряду с аксиологическими, духовно-нравственными и эмоционально-ценностными характеристиками сегодняшней системы образования [1] исследователи отмечают ее прагматический и информационный характер, необходимость соответствовать времени и, как следствие, неизбежное взаимодействие с виртуализацией и массовыми коммуникациями. По мнению С.В. Клягина, такие качества системы образования «аватарны» (анонимны), они есть проявление «пост-(не)-человеческой социальной феноменологии» [2]. В этой связи обсуждается степень компьютеризации образования и внедрения в него информационных технологий. Очевидно, что компьютер предлагает массу возможностей для одновременного повышения эффективности образовательного процесса и упрощения его реализации [3]. Однако, не умаляя очевидных положительных сторон внедре-

ния данных технологий, исследователи заявляют о существующей опасности потери контроля над потоком информации, что, в свою очередь, может привести к псевдознанию и полному непониманию информации из-за загруженности человеческой памяти, а также неготовности студентов адекватно воспринимать и критически оценивать получаемую информацию [4].

Постановка проблемы и цели исследования

В последнее время всё большую популярность начинают приобретать курсы и различные образовательные модули, обучение по которым целиком и полностью автоматизировано. С позиции преподавателя автоматизация позволяет хранить и анализировать информацию по каждому студенту и контролировать его успеваемость без аудиторных занятий. С позиции студента компьютеризированный образовательный процесс позволяет ему само-

стоятельно восполнять необходимые знания в удобные часы. В этом случае компьютер служит реализацией индивидуализации и дифференциации образовательного процесса¹. Однако при обучении иностранным языкам (ИЯ) полная удаленность субъектов образовательного процесса едва ли возможна из-за отсутствия необходимого межличностного взаимодействия. В любом случае неоспоримым является то, что компьютер может позволить повысить эффективность и результативность изучения ИЯ в высшей школе. Тем более что в условиях современного образовательного пространства от специалистов требуется освоение способов «продуктивной иноязычной коммуникации с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий» [5]. Здесь возникает задача «установить, какие аспекты учебной деятельности наиболее целесообразно компьютеризировать»; в свою очередь, выбор этих аспектов должен базироваться исключительно на восприятии компьютера «как средства, способствующего достижению обучающимися и преподавателем объединяющих их образовательных целей»².

Ставя цели и делая выбор в пользу какой-либо образовательной технологии, преподаватель не должен руководствоваться лишь собственной интуицией. Здесь важную роль играют не только внешние мотивы (государственное регулирование, требования работодателей, современная политическая, экономическая, социальная ситуация, заработная плата и т. п.), но и внутренние (стремление к познанию и самопознанию, самореализации, накопленный профессиональный, научно-исследовательский опыт и т. п.).

В отношении внешних мотивов становится очевидным, что существующие административные документы и ФГОС – это не универсальные регуляторы всей образовательной системы и не неоспоримые догмы, так как педагог вправе выбирать абсолютно любые методы, технологии и пособия. Тем не менее, согласно Приказу Министерства образования РФ № 393

от 11.02.2002 г., условием повышения качества высшего образования является внедрение интеграционных и междисциплинарных программ и соединение их с высокими технологиями. В свою очередь, ФГОС ВО по направлениям магистратуры также не только не исключают использование электронного обучения и сетевой формы реализации программ, но и предписывают вузам иметь доступ к «информационно-телекоммуникационной сети Интернет как на территории организации, так и вне ее»³. Кроме того, согласно ФГОС ВО, «электронная информационно-образовательная среда организации должна обеспечивать проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий», и «взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействие посредством сети Интернет»⁴.

В то же время анализ многих современных диссертационных исследований и статей (А.Б. Алмазова, В.Я. Кикоть, М.И. Клюева, А.В. Рубцова, Д.Ю. Тулепбергенова, Т.И. Черкашина, К.Г. Чикнаверова и др.), а также документов, регулирующих систему образования на административном уровне, позволяет сделать вывод о необходимости изменения целевых установок преподавания в пользу развития личностного потенциала студентов [6]. Административные документы основной задачей называют создание условий для формирования у личности «способности и готовности к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремлению к новому; способности к критическому мышлению; способности и готовности к разумному риску, креативности и предприимчивости, умению работать самостоятельно, готовности к работе в команде и в высококонкурентной среде; стремления к владению иностранными языками, предполагающему способность к свободно-

¹ *Вербицкий А.А., Григоренко О.А.* Контекстное обучение иностранному языку специальности: учеб.-метод. пособ. М.: Изд-во МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 15.

² Там же. С. 18.

³ Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшей школы. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/93/91/5/111> (дата обращения: 04.06.2017).

⁴ Там же.

му бытовому, деловому и профессиональному общению» [7].

Приведенная выше информация позволяет нам согласиться с мнением, что «образование формирует основу потребностей индивидуума и общества», следовательно, индивидуумы, понимая потребности общества, «должны стараться соответствовать нормам современного времени» [8]. Поэтому преподавателю нужно осознавать, что усвоение любой информации студентами будет успешным только в том случае, если новая информация преподносится им «на уровне личностных смыслов» (по А.А. Вербицкому); лишь тогда она будет запоминаться ими легко и естественно. С учетом вышесказанного сегодняшняя система образования должна решить противоречия и нивелировать негативные моменты информатизации посредством создания специального управляемого образовательного контекста, который предлагал бы в рамках «человеческого измерения» (термин Ю.И. Салова, В.И. Слободчикова, Ю.С. Тюникова) и применения компьютерных технологий качественно новую реальность и эффективное достижение учебных целей.

Методология

Следует отметить, что, согласно исследованиям, внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет уменьшить время обучения на 35–45 %, повышая при этом скорость запоминания информации на 15–25 % [9]. В этой связи нам представляется рациональным организовывать процесс обучения дисциплине «Иностранный язык» со студентами-магистрантами так, чтобы внедрение компьютера являлось не только ответом на требования административных документов, но и решением существующей проблемы нехватки аудиторных часов. В этом случае компьютер будет выступать не только способом интенсификации посредством «расширения возможностей обучающихся» [10], но и «консультантом, стимулом и инструментом обучения» в процессе организации самостоятельной работы [11]. Вместе с тем ИКТ, являясь средством интеграции, будет нести в себе содержательную компоненту для последующего реального общения на ИЯ.

Известно, что началом профессиональной карьеры следует считать вовсе не получение диплома или работы, а поступление в универ-

ситет и период студенчества. Кроме того, необходимо отметить мнение Г.А. Китайгородской о том, что «на современном этапе обучение иностранному языку не может быть отделено от того социально-культурного контекста, в котором он используется, следовательно, знание контекста не менее важно, чем знание языка» [12]. Исходя из этого, чтобы реализовываться «на уровне личностных смыслов», антропологическая составляющая современной образовательной парадигмы должна основываться на (будущей) профессиональной реальности студента и интегрировать профессиональный и социокультурный контекст и язык. В этой связи следует использовать возможности компьютера и сети Интернет в первую очередь в качестве источника актуальной, аутентичной и необходимой для будущих менеджеров профессиональной информации.

Поиск, анализ и компиляция материалов профессионально ориентированной тематики представляют собой сложный процесс, требующий немалых временных затрат от преподавателя ИЯ и искренней заинтересованности в специальности от студентов. Специально смоделированное оригинальное профессионально ориентированное пособие, отвечающее будущей профессиональной деятельности магистрантов-менеджеров, будет для студентов хорошим источником мотивации к изучению ИЯ и применению его на практике, поскольку язык будет служить как целью, так и средством обучения.

Моделируя профессионально ориентированное пособие для магистрантов-менеджеров, обучающихся в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, мы учитывали:

- требования документов, регулирующих систему образования на административном уровне;
- предпочтения магистрантов-менеджеров в отношении тем пособия (выявлены в ходе анкетирования);
- владение магистрантами-менеджерами лингво-грамматической базой на уровне В1-В2 (выявлено в ходе лексико-грамматического тестирования);
- наличие у магистрантов-менеджеров иноязычного и профессионального опыта и их потребность применения опыта на практике (выявлено в ходе анкетирования).

Помимо аутентичности предоставляемых материалов и интернет-ресурсов, ключевыми принципами организации пособия являются:

- принцип ориентированности материалов на профессиональную деятельность будущих управленцев;
- принцип управляемости, реализующийся за счет предоставления студентам определенных интернет-источников для поиска, анализа и последующего применения информации;
- принцип интеграции внеаудиторной и аудиторной работы;
- принцип самостоятельного выбора студентами путей и способов решения задач;
- принцип развития творческих способностей студентов.

Приведем краткие примеры заданий с использованием ИКТ, в которых реализуются перечисленные принципы:

- Follow the link to find out more about the issue described. Should the company react to negative feedbacks and complaints? How would you react if you were to? Follow the link to find useful words and phrases when responding to complaints. (*Пройдите по ссылке, чтобы получить больше информации о проблеме. Должна ли компания реагировать на негативные отзывы и жалобы? Как бы Вы поступили в этой ситуации? Пройдите по ссылке, чтобы найти слова и фразы, необходимые для письменного ответа на жалобы.*);
- Follow the link to listen to a short lecture about Porter's Five Forces analysis. Think about showings of attractive and unattractive industries, according to Porter's Five Forces and complete the table given below. (*Пройдите по ссылке, чтобы прослушать небольшую лекцию об анализе Porter's Five Forces. Исходя из принципов данного анализа, подумайте о показателях привлекательной и непривлекательной среды для ведения бизнеса и заполните представленную ниже таблицу.*);
- Follow any two of the links below to find information needed. (*Используйте одну из предложенных ссылок, чтобы найти необходимую информацию.*);
- Follow the link to find a quiz that will help you determine what kind of investor you are – aggressive, moderate or conservative. Do you agree with your results? Share your opinion. (*Пройдите по ссылке, чтобы определить, какой Вы инвестор*

– агрессивный, умеренный или консервативный. Согласны ли Вы с результатами?);

- Imagine that you are the CEOs of the main Indian nationalized banks. Work in team to find solutions on the matter. Agree on a policy that will help you solve the problems and use PowerPoint to present it to the Indian government representatives. (*Представьте, что вы являетесь президентами главных государственных банков Индии. Работая в команде, определите стратегию, которая поможет решить сложившуюся проблему. Используйте PowerPoint для презентации разработанной стратегии представителям индийского правительства.*)

В приведенных заданиях компьютер и Интернет служат стимулом и мотивацией к обучению, поскольку помимо развития навыков чтения и аудирования происходит формирование умения поиска, анализа, синтеза и обработки информации с дальнейшим ее применением. Очень важно поставить студентов в деятельностную позицию, поскольку именно активность позволяет им попробовать себя в роли «потребителя и поставщиков информации» [13]. Возможность выступить в разных ролях реализуется в нашем пособии также за счет квазипрофессиональной деятельности, строящейся по принципам технологии анализа ситуаций.

К технологии анализа ситуаций относятся: ситуационные задачи, строящиеся по принципу «Дано...»; case-study, требующие от студентов командного осмысления, определения проблемы и ее дальнейшего решения; метод анализа кейсов, заключающийся в применении микроситуаций по типу «Как бы Вы поступили, если...?», которые требуют от студентов незамедлительной реакции и решения проблемы; инцидент, метод разбора деловой корреспонденции, игровое проектирование, метод проигрывания ролей⁵. Из всех перечисленных методов в качестве интеграции ИКТ и последующего реального общения мы бы хотели остановиться на методе «Инцидента».

Классический метод «Инцидента» строится по системе вопрос-ответ/студент(ы)-преподаватель в аудитории (по А.П. Панфиловой),

⁵ Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: активное обучение: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. С. 114.

однако мы предлагаем перенести метод «Инцидента» в самостоятельную работу с дальнейшим обсуждением в аудитории. Данный метод, в отличие от кейса, метода проигрывания ролей и т. п., характеризуется тем, что его целью является поиск информации самим студентом, следовательно, инцидент — это всегда реальная ситуация. Инцидент не предлагает подробного описания обстоятельств, причины и следствия, а дает лишь краткое сообщение о том, что уже произошло. Так, студенты вынуждены самостоятельно искать, собирать и анализировать дополнительную информацию, которая поможет им разобраться в случившемся. Следовательно, самостоятельный рациональный поиск и сбор информации с ее дальнейшим использованием — основное назначение данного метода. Инцидент идеально способствует «учению» и самостоятельной работе студентов, поскольку он базируется на проблеме (организационной, административной, социальной, психологической и т. п.), для решения которой потребуется не только активизировать имеющиеся теоретические и практические знания, но и прибегнуть к исследованию и поиску необходимой информации. Сложность подготовки описанного варианта представляемого метода заключается в том, что инцидент должен быть реальным, чтобы студенты смогли самостоятельно найти недостающую информацию по теме в электронных источниках, которые им предлагает преподаватель. Таким образом, поиск и обработка релевантной информации в безграничном мире информационных технологий будут служить не только активизацией обучаемых, но и стимуляцией критического мышления.

В качестве наглядного примера приведем инцидент по теме Strategy, включенный в пособие:

Incident: James Caldwell's business idea was — to make new, brightly coloured rubber household products that would replace old and metal ones. In 1933 he patented his first item — a red rubber dustpan. He continued his focus on innovations that would satisfy customer needs and demands. He called his line of household items — “Rubbermaid”. In 1934 Caldwell brought his items to the Wooster Rubber Company. Soon the company changed its name to Rubbermaid Incorporated. Rubbermaid Inc. strategy was to be as innovative as possible and it had a goal to produce one new item a day.

It introduced the first plastic items — the plastic dish pan, the first plastic trashcan, plastic storage containers, microwave cookware, etc. Very soon Rubbermaid became the main household items manufacturer and distributor in America. Fortune Magazine named Rubbermaid “The most admired company” and it was considered more innovative than such companies as 3M, Apple and Intel. That is why America was shocked, when Rubbermaid started losing money. In 1998 Rubbermaid was acquired by a company most people never heard of — the Newell company.

Tasks:

1) Think about possible reasons for Rubbermaid Inc. failures and bankruptcy.

2) Use the following links to find additional information about Rubbermaid, its story and mistakes:

1. “How Rubbermaid managed to fail from most admired to just acquired”

http://archive.fortune.com/magazines/fortune/fortune_archive/1998/11/23/251411/index.htm

2. “Strategy implementation and lessons learned from Rubbermaid”

<http://latinbusinesstoday.com/2015/12/strategy-implementation-and-lessons-learned-rubbermaid>

3. “Wal-Mart bounces Rubbermaid”

<http://www.sprawl-busters.com/search.php?readstory=646>

3) Be ready to discuss the issue. Why did Rubbermaid fail? Whose mistake was that? What could have been done in order to avoid the disaster? List the actions, you feel, the management should have taken. Give arguments!

Приведенный выше инцидент основан на реальной истории компании Rubbermaid, которая, будучи с 1930-х гг. самой популярной компанией США, внезапно стала почти банкротом и была поглощена в 1998 г. никому неизвестной компанией Newell. В описании инцидента дается краткая информация о производстве и стратегии компании. Студентам предлагается, оперируя небольшим объемом информации, подумать о возможных причинах крушения Rubbermaid. Затем студентам даются ссылки на реальные статьи того времени, читая которые, они узнают недостающие детали, понимают суть проблемы. В процессе последующего обсуждения инцидента студенты, оперируя своим профессиональным опытом, предлагают

различные варианты выхода из сложившейся ситуации и действия, которые, на их взгляд, помогли бы руководству компании избежать банкротства и поглощения.

Результаты исследования

Критериями оценки эффективности метода «Инцидента» являлись творческая активность, мотивация к самостоятельной познавательной деятельности, вовлеченность студентов в последующее обсуждение, расширение словарного запаса за счет аутентичных статей из сети Интернет. Так, большинство студентов отметили возросшую мотивацию к изучению английского языка с целью повышения своей информационной культуры (84 %) и положительно оценили задания, построенные по методу «Инцидента» (91 %). В ходе наших наблюдений мы зафиксировали абсолютную заинтересованность студентов в обсуждении инцидентов, поскольку даже студенты, прежде предпочитавшие по каким-либо причинам оставаться в тени, принимали в нем активное участие. Кроме того, мы отметили, что обсуждение статей и последующая дискуссия способствуют активизации словарного запаса и использованию в речи самостоятельно изученных лексических единиц.

Помимо повышения языковой компетентности главная задача инцидента – научить студентов собирать информацию о произошедшем на ИЯ, отделять главные сведения от информации не по существу. Таким образом, метод

«Инцидента» способствует заявленной в нормативных документах об образовании самостоятельной поисково-аналитической и научно-исследовательской деятельности. Кроме того, реализуемый методом «Инцидента» переход от знаниевой к системно-деятельностной парадигме с использованием компьютера является ориентацией на развитие личности обучаемого. Так, с помощью данных из онлайн-источников при последующем реальном общении и обсуждении квазипрофессиональных ситуаций моделируются контексты будущей профессиональной деятельности, реализуются иерархические связи, проигрываются возможные сценарии решения профессиональных проблем.

Заключение

Реальность инцидента способствует усилению мотивации, позволяет студентам в рамках самостоятельной работы сформировать навыки рационального поиска, анализа и обработки информации на ИЯ по профессиональной теме, а также помогает выработать критическое мышление и навык прогнозирования. Самостоятельный поиск и анализ информации по инциденту осуществляются в рамках образовательной среды, с одной стороны, единой для всех, с другой, дифференцирующей каждого, уважающей личностный и профессиональный опыт, точку зрения и пути саморазвития и самоопределения конкретного студента. Иными словами, работа с методом «Инцидента» строится с учетом личностных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарева Е.Г. Развитие лингвообразовательных практик: оптимистичная проекция // Вестн. Московского гор. пед. ун-та. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 2 (18). С. 75–85.
2. Клягин С.В. Аватары нечеловеческого: социально-антропологические вызовы современных информационно-коммуникативных практик // Гуманитарные чтения РГГУ. Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 401–412.
3. Almazova N.I., Kogan M.S. Computer Assisted Individual Approach to Acquiring Foreign Vocabulary of Students Major // P. Zaphiris (Eds.): Human-Computer Interaction. Pt. II. Springer Intern. Publ. Switzerland (2014) HCII 2014, LNCS 8524. Pp. 248–257.
4. Тестов В.А. Информационное общество: переход к новой парадигме в образовании // Педагогика. 2012. № 4. С. 3–10.
5. Рубцова А.В. Определение содержания социокультурной компетенции изучающего иностранный язык в высшей школе с позиции продуктивного подхода // Оптимизация иноязычного образования в школе и вузе в контексте современных требований: матер. IX Всерос. науч.-практ. конф. (с участием зарубежных авторов) (г. Бирск, 22–23 мая 2015 г.). СПб., 2015. С. 25–27.
6. Алмазова Н.И., Попова Н.В. Пути формирования личностного компонента компетенций как важная педагогическая проблема современного высшего профессионального образования // Фундам. исслед. 2015. № 2 (24). С. 5482–5487.

7. **Стратегия** инновационного развития РФ на период до 2020 года / М-во экон. развития РФ. 2012. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения: 04.06.2017).

8. **Шюкря О.** Виртуальный мир в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 227–229.

9. **Хасанова Г.Ф.** E-Learning в подготовке инженеров для полимерных производств // Вестн. Казанского технолог. ун-та. 2013. Т. 16, № 4. С. 389–393.

10. **Warschauer M., Shetzer H., Meloni Ch.** Internet for English Teaching. TESOL, Publ. by Teachers of English, 2000.

11. **Warschauer M.** Technology and social inclusion: Rethinking the digital divide. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.

12. **Китайгородская Г.А.** Новые подходы к обучению иностранным языкам // Интенсивное обучение ин. яз. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 4–11.

13. **Айнутдинова И.Н.** Аргументы «за» и «против» внедрения технологий веб-ориентированного обучения (WBL) иностранным языкам // Казанский пед. журн. 2015. Т. 2, № 6 (113). С. 311–315.

Цимерман Евгения Александровна

E-mail: evgeniatsimerman@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.06.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

[1] Ye.G. Tareva, [Linguo-educational practices development: an optimistic view], Vestnik of Moscow State Pedagogical Univ. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2 (18) (2015) 75–85.

[2] S.V. Klyagin, [Avatars of the inhuman: social and anthropological challenges of modern information and communication practices], in: Humanities readings of RSUH. Theory and methodology of humanitaries. Russian studies. Public functions of the humanities, RGGU Publ., Moscow, 2011, pp. 401–412.

[3] N.I. Almazova, M.S. Kogan, Computer Assisted Individual Approach to Acquiring Foreign Vocabulary of Students Major, P. Zaphiris (Eds.): Human-Computer Interaction, pt. II, Springer Intern. Publ. Switzerland (2014) HCII 2014, LNCS 8524, pp. 248–257.

[4] A.V. Testov, [Information society: transition to a new paradigm in education], Pedagogy, 4 (2012) 3–10.

[5] A.V. Rubtsova, [Determination of the content of the sociocultural competence of a foreign language student in higher education from the perspective of productive approach], in: [Optimization of foreign language education in schools and universities in the context of modern requirements: Proc. of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conf. (with participation of foreign authors) (May 22–23, 2015, Birska), St. Petersburg, 2015, pp. 25–27.

[6] N.I. Almazova, N.V. Popova, [Ways of forming the personal component of competences as an important pedagogical problem of modern higher professional education], Fundamental Research, 2 (24) (2015) 5482–5487.

[7] [Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020], 2012. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (accessed 04.06.2017).

[8] O. Shyukryu, [Virtual World in Education], World of Science, Culture, Education, 2 (57) (2016) 227–229.

[9] G.F. Khasanova, [E-Learning in the preparation of engineers for polymer production], Bulletin of Kazan Technological Univ. 16 (4) (2013) 389–393.

[10] M. Warschauer, H. Shetzer, Ch. Meloni, Internet for English Teaching. TESOL, Publ. by Teachers of English, 2000.

[11] M. Warschauer, Technology and social inclusion: Rethinking the digital divide, MIT Press, Cambridge, MA, 2003.

[12] G.A. Kitaygorodskaya, [New approaches to teaching foreign languages], in: [Intensive training in foreign languages], MGU Publ., Moscow, 1990, pp. 4–11.

[13] I.N. Aynutdinova, [Arguments “for” and “against” the introduction of Web-based learning technologies (WBL) for foreign languages], Kazan Pedagogical J. 2 (6) (113) (2015) 311–315.

Tsimerman Evgeniya A.
E-mail: evgeniatsimerman@gmail.com

Received 04.06.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8415
УДК 930:316.2

ИДЕИ СОЦИОЛОГИИ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Е.Г. Поздеева¹, В.Я. Фетисов²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Статья является рецензией на монографию С.Н. Погодина «Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века)» (СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 630 с. ISBN 978-5-7422-5605-2).

Ключевые слова: историография; социология; научные школы

Ссылка при цитировании: Поздеева Е.Г., Фетисов В.Я. Идеи социологии в русской историографии: новые страницы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 146–150. DOI: 10.18721/JHSS.8415

THE IDEAS OF SOCIOLOGY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: NEW PAGES

E.G. Pozdeeva¹, V.Ya. Fetisov²

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Book review: S.N. Pogodin, Essays on Russian Historiography (late 19th – early 20th century), Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2017. 630 p. ISBN 978-5-7422-5605-2.

Keywords: historiography; sociology; scientific schools

Citation: E.G. Pozdeeva, V.Ya. Fetisov, The ideas of sociology in Russian historiography: new pages, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 146–150. DOI: 10.18721/JHSS.8415

Масштабные изменения конца XX в., переживаемые на глобальном и национальном уровне, определяют возросший интерес к пере-

осмыслению интеллектуального наследия России. Внимание ученых фокусируется на острых социальных проблемах общества и личности,

поиске идеала будущего. На них во многом проливают свет историографические исследования, открывающие нам новые грани творчества выдающихся ученых-теоретиков и практиков, деятельность которых послужила импульсом для общественных преобразований.

Монография известного российского ученого-историка, профессора С.Н. Погодина «Очерки русской историографии (конец XIX — начало XX века)» продолжает традиции историографического исследования богатого наследия отечественной социальной мысли одного из самых сложных и неоднозначно оцениваемых этапов российской истории. Написанная в свободной высокохудожественной форме, она переносит читателя в исторический период, который отмечен идейной борьбой, формированием научных школ и сохранением традиций, когда выработывался идеал государственного устройства, понимание движущих сил социального прогресса, синтезирующей роли социальной науки и важности общественной роли ученого.

С первых строк читателя не оставляет мысль об актуальности затронутых проблем, ведь именно сегодня перед наукой стоят задачи прояснения общественного будущего. Это определяет особую ценность издания, где представлены очерки жизни и творчества мыслителей, о которых современники еще недостаточно осведомлены: Д.И. Каченовского, В.И. Герье, А.Д. Градовского, И.В. Лучицкого, А.С. Лаппо-Данилевского. Идея автора построить книгу таким образом, чтобы сначала осветить творчество и вклад учителей, а затем остановиться на продолжении научных поисков и новых идеях, высказанных их учениками Н.И. Кареевым, М.М. Ковалевским, П.Г. Виноградовым, позволяет более отчетливо представить научные тенденции и достижения рассматриваемого этапа. Автор выполняет сложную задачу — показать широту и глубину отечественной науки, анализирующей общество, его историю и настоящее того периода, во многом реализуя приведенную мысль П.Г. Виноградова о том, что «синтетичность историографии отражается на энциклопедичности задачи» (с. 498).

Первый очерк книги посвящен анализу влияния идей французского социального мыслителя, основоположника социологии О. Конта на деятельность «Русской школы» истори-

ков. В нем автор останавливается на глубоких корнях позитивистской методологии, значении историко-сравнительного и ретроспективного методов, подчеркивая, что идеи Конта всеохватывающим образом повлияли на творчество русских историков: не только сосредоточили их на проблемах познания истории, но и пробудили интерес к социологическим сторонам проблем, что во многом поспособствовало формированию социологии как самостоятельной науки в России (с. 19).

Нельзя не заметить, что представленные в монографии очерки отличаются сходством логической линии: автор, отмечая основные вехи биографии ученого, высвечивает его вклад в развитие исторической науки, анализирует правовые, политические и социологические стороны научного творчества, останавливается на особенностях методологии и в завершение подробно повествует о публичной деятельности ученого, что позволяет целостно представить его вклад не только в развитие отечественной науки, но и в международную научную практику. Здесь, солидаризируясь с автором, следует особо подчеркнуть, что русские историки-обществоведы рубежа XIX — XX вв. имели высокое международное признание и воплощали как в своих просветительских выступлениях, так и в государственной деятельности последнее слово мировой научной мысли.

Обращаясь к работам ученых о взаимодействии государства и общества (Д.И. Каченовский), автор прослеживает, как развивается «государственная» школа (А.Д. Градовский), как в поле сравнительно-исторических исследований попадают вопросы земского самоуправления, солидарности и самобытности русского народа. Обращаясь к деятельности В.И. Герье по созданию Московских высших женских курсов, новаторский опыт которых в дальнейшем распространился по всей России, автор подчеркивает особую роль выдающегося историка в деле совершенствования образования и развития попечительства. Возможно, именно Герье была заложена традиция, согласно которой в нашем образовании до сих пор преобладает «женское лицо». Именно он, выделяя задачи университетского образования, высказал актуальную мысль о том, что в основе университетского преподавания лежит синтетический принцип, комплексный подход, а историк должен посто-

янно совершенствовать не только технику исследования, но и расти духовно (с. 167).

Выявляя влияние О. Конта на взгляды А.Д. Градовского, автор уделяет внимание концепции личности, в основе которой лежит убеждение Градовского, что сохранение личного достоинства служит важным элементом общественного развития, ибо оно лежит в основании законности. Это послужило основой для формирования его концепции всечеловеческого развития и позволило отстаивать идею о том, что общественное начало имеет хорошую природу, где каждому голосу, каждому звуку должно быть место (с. 203).

Очерк о талантливом, хорошо известном в западной историографии ученом И.В. Лучицком открывает уникальные возможности пристальнее взглянуть на то время, когда отечественная социология еще стояла у своих истоков. Считая себя последователем французского основоположника социологии, Лучицкий в 70-х гг. XIX в., тем не менее, отказывал социологии в праве на самостоятельность, заявляя, что время для нее в России еще не наступило. Понимая задачи социологии как познание законов общественной истории, выделяя пространство и время как координаты социологического анализа, ученый обращался к методам, включал в методический аппарат науки не только распространенный в то время сравнительно-исторический метод и им особенно признанный ретроспективный метод, но также и метод переживания. Для популяризации прогрессивных социологических взглядов именно Лучицкий сделал первый перевод работ Г. Спенсера. В монографии мы находим не теряющее своего значения утверждение, что «дело социолога — открытие законов всех видов социальной деятельности и главным образом человеческого развития» (с. 224).

К непростой судьбе Н.И. Кареева автор обращается неоднократно и в контексте влияния его учителя В.И. Герье, и анализируя широкий спектр проблематики, представленный в творчестве ученого. Взгляды Кареева и сегодня ценны сочетанием взвешенности и критичности, его позиция проникнута убежденностью в том, что в историческом процессе невозможны внезапные перерывы постепенности, особенно скачки из царства необходимости в царство свободы. Также актуальна его критическая оценка

вульгарного понимания марксизма, особенно в отношении природы человека, которую нельзя сводить лишь к лежащим в плоскости экономики составляющим.

В очерке, посвященном Н.И. Карееву, автор раскрывает одну из злободневных современных проблем — сущность и причины революции, отмечает недопустимость упрощения в этом вопросе. Это подтверждается тем, что отношение самого Кареева как ученого к революции претерпевает сложную эволюцию (с. 323). На материале глубокого анализа событий Французской революции, Февральской и Октябрьской революций в России подчеркивается мысль историка о том, что революция может быть правомерна только тогда, когда с ее помощью решаются те задачи, которые оказывается неспособной решить существующая власть с помощью достижения компромисса (с. 325). Но наряду с этим массовые социальные действия, происходящие во времена революции, сопряжены с насилием, погружают общество в состояние анархии и разрухи. Описание тяжелых последствий революционных действий отражает призыв ученого-гуманиста всеми силами избежать подобных явлений.

Большой интерес представляют страницы монографии, посвященные преподавательской деятельности Н.И. Кареева, в том числе в Санкт-Петербургском политехническом институте, где он в должности профессора с 1902 по 1917 г. преподавал всеобщую историю. Особо отмечена демократическая обстановка, характерная для института в тот период. Эту удивительно живую, открытую и плодотворную для научного поиска среду Политехнического института также высоко ценил М.М. Ковалевский, который ярко и увлекательно преподавал историко-правовые и социально-экономические дисциплины, акцентируя на своих занятиях черты зарождающихся новых процессов и явлений, требующих соответствующего концептуального осмысления в новых социальных науках. В монографии также подробно освещена работа Русской школы общественных наук в Париже, в рамках которой Ковалевский еще в 1903 г. читал слушателям курс «Генетическая социология». По его мнению, эта наука является вступлением ко всем общественным наукам.

Представленные в монографии очерки вызывают большой интерес и тем, что охватывают

организаторскую сторону деятельности ученых. Приобретенный высокий общественный статус и опыт деятельности обществ (Исторического общества, Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, Педагогического общества), в которых творчески работали ученые с мировым именем, обладавшие энциклопедическими знаниями, неутомимые в деле развития науки и образования, особенно ценны в наше время, когда спрос на научные исследования стремительно возрастает одновременно с замыканием, оторванностью научных сообществ от мейнстрима общественного развития.

В очерке о творчестве П.Г. Виноградова автор проводит мысль о близости историографии к искусству в результате их единого стремления с разных сторон показать полноту жизни и особенности переживаемой эпохи. Именно перипетии эпохи наложили отпечаток на биографию и научную деятельность ученого. Не обошли они и А.С. Лаппо-Данилевского, о чем автор монографии пишет подробно, останавливаясь на этапах его творчества, и мы открываем для себя академического ученого, который впервые в своих работах дал определение и обосновал значимость историографии. Как достойный представитель этого поколения историков, Лаппо-Данилевский исследовал взаимосвязь государства, общества и личности, внес особый вклад в развитие дипломатики, методов работы с источниками, в исследования экономической истории России с позиций социоструктурного подхода. Именно он выдвинул идеал историка-творца,

чье наследие обращено к последующим поколениям, и сам отвечал его требованиям. Автор показывает историка, увлеченного развитием методологии своей науки, проблемой возникновения научных школ и направлений, верно го принципу, что идеи получают историческое значение только в зависимости от их действительности, проявления в поступках.

Книга С.Н. Погодина – это событие в мире историографии, она оставляет глубокое впечатление. Собранный многогранный историографический материал требует времени для осмысления и проникновения в сущность и детали концепций, их взаимосвязи друг с другом, течений и новаторских поворотов, сравнительного анализа публичной и академической деятельности ученых. Очерки пронизывает авторская позиция, как живой луч современности, который высвечивает актуальные идеи и вопросы, заставляющие задуматься о настоящем и будущем. В монографии, к сожалению, отсутствует заключение автора. Между тем оно явно необходимо как логическое завершение солидного научного труда и в то же время как пролог к дальнейшим исследованиям этой проблематики, ведь современность каждый день ставит перед нами новые задачи, для решения которых нам требуются фундаментальные знания отечественной истории. Монография содержит важный материал для изучения учебных дисциплин (истории, социологии, политологии) студентами всех образовательных программ и может занять одно из первых мест среди рекомендуемых учебных пособий.

ЛИТЕРАТУРА

Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

Поздеева Елена Геннадиевна
E-mail: elepoz@mail.ru

Фетисов Владимир Яковлевич
E-mail: acooper2002@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

S.N. Pogodin, Oчерki russkoy istoriografii (konets XIX – nachalo XX veka) [Essays on Russian Historiography (late XIX – early XX century)], Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2017.

Pozdeeva Elena G.

E-mail: elepoz@mail.ru

Fetisov Vladimir Ya.

E-mail: acooper2002@mail.ru

Received 21.10.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8416
УДК 1-14

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
КОРИФЕЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ
(К 90-летию со дня рождения и годовщине смерти доктора
философских наук, профессора, заслуженного работника
высшей школы РФ В.Г. Иванова)**

М.Л. Лезгина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье описан жизненный путь Вячеслава Григорьевича Иванова (1927–2016), доктора философских наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации. Дан анализ творческого наследия ученого.

Ключевые слова: жизненный путь; философское наследие; Вячеслав Григорьевич Иванов; председатель ученого совета; корифей философии науки

Ссылка при цитировании: Лезгина М.Л. Жизненный путь и творческое наследие корифея философии науки (К 90-летию со дня рождения и годовщине смерти доктора философских наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ В.Г. Иванова) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 151–154. DOI: 10.18721/JHSS.8416

**BIOGRAPHY AND CREATIVE HERITAGE
OF A LUMINARY OF PHILOSOPHY OF SCIENCE
(dedicated to the 90th anniversary of birth and
the anniversary of death of V.G. Ivanov, Doctor of Philosophy,
Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia)**

M.L. Lezgina

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

This work is a description of the life journey and analysis of the creative heritage of Vyacheslav G. Ivanov (1927–2016), Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia.

Keywords: life journey; philosophical heritage; Vyacheslav G. Ivanov; chairman of academic council; luminary of philosophy of sciences

Citation: M.L. Lezgina, Biography and creative heritage of a luminary of philosophy of science (dedicated to the 90th anniversary of birth and the anniversary of death of V.G. Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 151–154. DOI: 10.18721/JHSS.8416

Вячеслав Григорьевич Иванов родился в деревне Фалилеево Ленинградской области 11 ноября 1927 г. Очень рано самостоятельно научившись читать, Вячеслав еще в дошкольном возрасте и начальных классах проявлял интерес к научно-популярной литературе взрослого уровня, легко запоминал обширные тексты, имел тягу к стихосложению. Родители, заметив необычную одаренность сына, предоставили ему возможность далее учиться в Ленинграде — в школе, где сохранялись лучшие гимназические традиции. В ленинградской квартире, где он жил у тети, любознательный школьник тесно общался с бывшей фрейлиной Императорского двора, по происхождению немкой, которая с энтузиазмом обучала его немецкому языку все предвоенные годы.

Находясь в родных местах, Вячеслав летом 1941 г. попал под оккупацию и был привлечен к принудительным работам. Благодаря хорошему знанию немецкого языка, распространял среди соотечественников информацию о реальном положении дел на фронтах, заимствованную из немецких газет и разговоров оккупантов. За саботаж на дорожных работах и патриотическую агитацию попал в гитлеровский штрафной лагерь, откуда в ноябре 1943 г. бежал к партизанам. После снятия блокады Ленинграда он в ноябре 1944 г. добровольцем вступил в ряды Красной армии, сдав бронь военного завода в день своего 17-летия. За годы службы (до ноября 1952 г.) был отмечен четырьмя правительственными наградами.

После демобилизации В.Г. Иванов работал слесарем-лекальщиком на Кировском заводе, параллельно завершая среднее образование в вечерней школе, которую он закончил с серебряной медалью в 1955 г. В том же году на общих основаниях поступил на философский факультет ЛГУ им. А.А. Жданова. Еще будучи студентом, отличался энциклопедическими познаниями в широком круге философских проблем, но сразу выбрал специализацию по философским вопросам физики. Все студенческие годы

являлся именованным стипендиатом, был вожаком молодежи во всех общественных инициативах, проявляя искренний патернализм по отношению к младшим однокашникам и одновременно твердость духа по принципиальным вопросам гражданской позиции по отношению к «верхам».

В 1960 г. Вячеслав Григорьевич окончил философский факультет ЛГУ им. А.А. Жданова и приступил к работе ассистентом в Ленинградском технологическом институте им. Ленсовета, а в 1962 г. перешел в ЛГУ, где в 1965 г. окончил аспирантуру. В том же году защитил кандидатскую диссертацию «Принцип причинности в квантовой механике» по специальности 09.00.08 (Философские проблемы естествознания и техники). Вскоре стал доцентом, а затем и заместителем декана по работе с вечерним и заочным отделением философского факультета. На этом посту он снискал глубокое уважение и добрую славу.

В 1971 г. В.Г. Иванов был избран профессором Ленинградской кафедры философии АН СССР, а в 1974 г. он защитил докторскую диссертацию «Принцип детерминизма и физическое познание». С 1979 по 1990-е гг. профессор Иванов заведовал кафедрой диалектического материализма философского факультета ЛГУ, а затем продолжил работу в должности профессора кафедры онтологии и теории познания того же факультета. В те же годы В.Г. Иванов являлся председателем Головного совета по философии при Минвузе РСФСР и возглавлял работу ученого совета по защите докторских диссертаций, он вырастил большую плеяду учеников и последователей.

Широко известны труды В.Г. Иванова «Детерминизм в философии и физике» и «Причинность и детерминизм», вышедшие в 1974 г. и ставшие классическими в советской и постсоветской философской литературе для понимания детерминизма как диалектического принципа. Заметную роль в становлении такой отрасли познания, как философия науки, сыг-

рали в СССР изданные в 1975 г. монография профессора Иванова «Физика и мировоззрение» и коллективная монография «Эвристическая роль математики в физике и космологии», где он совместно с академиком В.А. Кратом выступил редактором и автором статей «Математика и философия» и «К вопросу об эвристической роли математики», получивших программное значение.

Повлияли на развитие философии науки в нашей стране и такие фундаментальные труды В.Г. Иванова, как «Детерминация научного поиска» (в соавт., 1978), «История и методология науки» (разд. I. «Науки о вселенной») (2004), «Введение в философию науки» (2005), «Горизонты науки XXI века» (2006), «Революция и преемственность в науке» (2007), а также работы «Лейбниц о проблеме множества миров» (1999), «Мировоззрение и активная жизненная позиция» (1983), «Мировоззрение, менталитет, кредо» (2007), «Концепция перманентного становления науки как философская проблема» (2014), «Истоки и пути формирования научного миропонимания» (2014), «Эпистемология становления математических абстракций» (2015), «Философский анализ проблемы зарождения математического мышления» (2015), «Физическая картина мира как определяющая детерминанта философского освоения действительности» (2015), «Трансформация математической идеи в античности как предмет философского анализа» (2016), «Эпистемологический анализ развертывания математической идеи в Новое время» (2016).

Профессор В.Г. Иванов как крупнейший разработчик темы детерминизма в философии доказывал, что принцип детерминизма выполняет в науке роль нескольких методологических стандартов – идеала научности, нормы строгости научного описания, особой мировоззренческой установки, в каждом из которых он имеет свое особое содержание. По мнению ученого, трудности, возникающие в понимании детерминизма как нормы строгости описания, не затронули других его сторон. В то же время рост опосредованности познания не оставляет надежд на элиминацию указанных трудностей.

В научном творчестве В.Г. Иванова представлена особая концепция мировоззрения, которое рассматривается как присущая толь-

ко человеку ментальная установка, опосредующая принятие решений в условиях неопределенности. Содержательно мировоззрение являет собой совокупность (систему) знаний и представлений, имеющих силу внутреннего убеждения о мире и месте в нем человека. Основная функция мировоззрения – оценочно-ориентировочная. Мировоззрение индивида включает стихийно складывающуюся установку, которая опирается на его личный опыт и на осознаваемое им кредо, сложившееся под влиянием общественного сознания. Индивидуальная установка может выступать как активная жизненная позиция, как потребительство или как скептицизм. Важнейшей компонентой мировоззрения (наряду с самосознанием в форме партиципации и индивидуации) выступает картина мира. Это понятие выражает представление о мире, космосе человечества, обосновывает смысл жизни человека на земле и его истории, идеалы и цели его бытия, обусловленность социального порядка и справедливости всем мировым порядком. Эти представления всегда связаны с определенной человеческой общностью, культурой, историческим временем, без чего утрачивают свою мировоззренческую значимость.

Профессор В.Г. Иванов совместно с профессором М.Л. Лезгиной проводил анализ методологических основ научно-поисковой деятельности, проблемы научного знания как целокупной системы, определив научный поиск как преодоление научной неопределенности, выработку нового знания и преобразование под его воздействием системы накопленных знаний. Им были выделены психологические, эмпирические, информационно-теоретические и нормативно-ценностные детерминации научного поиска.

Разработанная этими двумя исследователями концепция истории и философии науки предполагает периодизацию науки, в границах которой каждый этап истории связан с изменением предмета науки, круга решаемых задач и горизонта знания. Данная концепция последовательно раскрывает эволюцию науки как «science in flux» (наука, преобразующаяся в потоке своих изменений), т. е. как научный поиск, как наследование знаний в смене научных поколений и, наконец, как возведение сущего в идею. В совокупности эти три момента син-

критично представляют рост науки как процесс прогрессирующего раскрытия интеллектуального потенциала человека.

Талантливый исследователь в области философии науки, В.Г. Иванов активно и с боль-

шим успехом трудился до последних дней. Научное творчество всегда являлось для Вячеслава Григорьевича смыслом жизни. Он был полон творческих планов и вдохновлял своим примером учеников и сподвижников.

Лезгина Марина Львовна

E-mail: lezgina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2017 г., принята к публикации 14.12.2017 г.

Lezgina Marina L.

E-mail: lezgina@mail.ru

Received 10.11.2017, accepted 14.12.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8417

УДК [94(47)+327+332.1](985)(08)

«АРКТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (Обзор II Международной научной конференции)

С.В. Кулик, А.А. Михайлов, Е.А. Самыловская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена обзору II Международной научной конференции «Арктика: история и современность», прошедшей 19–20 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. Организаторами конференции выступили СПбПУ и Санкт-Петербургский совет мира и согласия, финансовую поддержку оказал Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. В ней приняли участие 423 специалиста – как представители фундаментальной и прикладной науки Санкт-Петербурга, Москвы и регионов России, так и зарубежные ученые и молодые специалисты из Франции, Норвегии, Италии и Китая. В статье рассмотрены основные направления работы конференции, анализируются доклады и сообщения, прозвучавшие в ходе пленарного заседания, работы секций и круглых столов, а также ведущая проблематика современных исследований Арктического региона. Подчеркивается, что на основе докладов, сообщений и дискуссий, состоявшихся в ходе работы пленарного, секционных заседаний и круглых столов, участниками конференции были выработаны рекомендации по дальнейшим исследованиям Арктического региона, намечен комплекс конкретных научных мероприятий, базой для проведения которых может стать СПбПУ. Отмечено, что участники конференции высказали предложение о необходимости передать материалы конференции руководству всех субъектов Арктической зоны РФ с целью рассмотрения и дальнейшего внедрения инновационных технологий и продукции для выполнения «Плана мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», утвержденного Председателем Правительства РФ 30 августа 2016 г. Кроме того, было принято решение о проведении 18–19 апреля 2018 г. III Международной научной конференции «Арктика: история и современность».

Ключевые слова: Арктика; научные исследования; Международная научная конференция; история; политика; экология; международное сотрудничество

Ссылка при цитировании: Кулик С.В., Михайлов А.А., Самыловская Е.А. «Арктика: история и современность» (Обзор II Международной научной конференции) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 155–167. DOI: 10.18721/JHSS.8417

“ARCTIC: HISTORY AND MODERNITY” (Review of the II International Scientific Conference)

S.V. Kulik, A.M. Mikhailov, E.A. Samylovskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the work of the II International Scientific Conference “Arctic: History and Modernity”, which was held on April 19–20, 2017 at the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. The conference was organized by the Peter the

Great St. Petersburg Polytechnic University and the St. Petersburg Peace and Harmony Council. Financial support was provided by the Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund. The conference was attended by 423 participants who were representatives of fundamental and applied science of the St. Petersburg, Moscow and other Russian regions, as well as foreign scientists and specialists from France, Norway, Italy and China. The authors of the article consider the main directions of the conference's work, analyze the reports and communications delivered during the plenary session, the work of the sections and round tables, as well as the key issues of modern research on the Arctic region. The article's conclusion is that the participants of the conference have developed recommendations on further research of the Arctic region based on reports, communications and discussions held during plenary and sectional sessions and round tables, and devised a set of specific scientific events that could be held in the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. It was noted that the conference's participants suggested that the materials of the conference should be transmitted to the management of all subjects of the Arctic zone of the Russian Federation in order to consider and further introduce innovative technologies and products for the implementation of the "Action Plan for the Implementation of the Arctic Zone Development Strategy and National Security for the Period to 2020", approved by the Chairman of the Government of the Russian Federation on August 30, 2016. In addition, it was decided to hold the III International Scientific Conference "Arctic: History and Modernity" on April 18–19, 2018.

Keywords: Arctic; scientific research; International Scientific Conference; history; politics; ecology; international cooperation

Citation: S.V. Kulik, A.M. Mikhailov, E.A. Samylovskaya, "Arctic: history and modernity" (Review of the II International scientific conference), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 155–167. DOI: 10.18721/JHSS.8417

Введение

Арктический регион играет в современной геополитической ситуации исключительную роль. Наличие в Арктике богатейших природных ресурсов (в том числе энергетических), развитие технологий, позволяющих эти ресурсы использовать, рост значения северных морских коммуникаций и другие факторы активизировали стремление ведущих государств занять в этом регионе прочные позиции. При этом колоссальный потенциал Заполярья интересует не только арктические государства, но и страны, находящиеся на значительном удалении от него. Рост интереса к Арктическому региону создает предпосылки как для плодотворного межгосударственного сотрудничества, так и для соперничества, которое может привести к обострению международной обстановки [1, 2].

Видный исследователь Арктики, ученый-океанолог, член-корреспондент РАН А.Н. Чилингаров отметил: «...В сфере международного

взаимодействия в Арктике сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, растет конкуренция между основными игроками, стремящимися добиться усиления своих позиций в регионе, с другой, ни один крупный проект не может быть реализован какой бы то ни было арктической страной в одиночку. В этих условиях особенно остро встают вопросы о четкости позиции России как крупнейшего арктического государства в отношении перспектив освоения Арктики, проработанности ее собственных проектов в регионе и их согласования с партнерами по арктическому диалогу»¹.

Естественно, Российская Федерация стремится к защите своих интересов в Арктике, к ее

¹ Чилингаров А.Н. Россия в Арктике: возможности для международного сотрудничества в регионе и его специфика // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия. В 3 т. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 8.

интенсивному освоению, что требует решения сложнейшего комплекса экономических, экологических, политических проблем. Очевидно также, что успешное развитие Арктического региона возможно лишь при наличии разработанной и реалистической общенациональной стратегии.

Президент Российской Федерации В.В. Путин 20 февраля 2013 г. утвердил масштабный документ — «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». В апреле 2014 г. Правительством РФ утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г.».

Постановка проблемы

Важнейшим условием развития Арктического региона является его многоплановое и комплексное изучение. Не случайно в последние годы в России вышло значительное число работ, монографий и сборников статей, было проведено немало научных форумов, имеющих целью обобщить изучение Арктики специалистами в различных областях знания.

В апреле 2016 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) прошла I Международная научная конференция «Арктика: история и современность», вызвавшая значительный интерес специалистов. Материалы ее нашли отражение в довольно объемном сборнике трудов [3]. В этой конференции приняли участие ученые, представлявшие различные научные центры, вузы, музеи России, исследователи из США, Китая, Швеции и других стран. В целом ряде докладов были намечены перспективы дальнейших изысканий, высказывалось мнение о желательности придания конференции характера периодической [4].

19–20 апреля 2017 г. СПбПУ совместно с общественной благотворительной организацией «Санкт-Петербургский совет мира и согласия» и при содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова была проведена II Международная научная конференция «Арктика: история и современность». Цель конференции — формирование международной междисциплинарной площадки для

решения вопросов, связанных с Арктическим регионом, и создание объективного представления о российской арктической политике.

Руководствуясь данной целью, организаторы форума стремились привлечь к работе ученых различной специализации: географов, историков, политологов, экономистов, специалистов в области техники, экологов и др. Как отмечали уже сами участники конференции, именно такой многоплановый, комплексный подход к изучению Арктики наиболее перспективен, он позволяет выявить взаимовлияние различных факторов, определяющих современную ситуацию в регионе.

Основная часть

В рамках конференции прошло пленарное заседание, работали 10 секций и круглых столов, в том числе по темам: «Международное сотрудничество в Арктике», «Проблемы и перспективы экономического развития Арктической зоны Российской Федерации», «Экологическая безопасность Арктики — стратегический приоритет», «Военная и техногенная безопасность в Арктике», «История исследования и освоения Арктики» и др.

В конференции приняли активное участие 423 специалиста — представители фундаментальной и прикладной науки из Санкт-Петербурга и Москвы, из различных регионов России (из городов Астрахани, Петрозаводска, Салехарда и др.), а также ученые и специалисты из Франции, Норвегии, Италии, Китая.

Ведущими пленарного заседания выступили научный руководитель СПбПУ доктор технических наук, профессор, академик РАН Ю.С. Васильев и директор высшей школы общественных наук того же университета доктор исторических наук, доцент С.В. Кулик.

Открывая работу конференции, Ю.С. Васильев в своем вступительном слове напомнил, что научный форум проводится в знаменательный для истории отечественных арктических исследований и науки в целом год: исполняется 80 лет со дня организации первой дрейфующей станции, которую возглавил И.Д. Папанин. В июне 1937 г. была официально открыта станция «Северный полюс-1», она просуществовала примерно 9 месяцев, преодолев на дрейфующей льдине путь более чем в 2 тыс. километров, от полюса к берегам Гренландии. Находившие-

ся на станции четыре участника экспедиции (И.Д. Папанин, Е.К. Фёдоров, Э.Т. Кренкель, П.П. Ширшов) собрали уникальный научный материал, открыв, без преувеличения, новый этап арктических исследований.

С приветственным словом выступил также директор института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), вице-президент Российского географического общества (РГО) доктор географических наук *К.В. Чистиков*, отметивший, что научные конференции, такие как организованная в СПбПУ, призваны стать «катализаторами» в процессе освоения и обустройства Арктики. Он указал на приоритетный характер арктических исследований в деятельности РГО на протяжении всего его существования. В XXI в., после избрания в 2009 г. президентом РГО С.К. Шойгу, общество, как отметил выступающий, стало инициатором создания многих координационных структур и проведения мероприятий. Например, 29–30 марта 2017 г. в Архангельске прошел Международный арктический форум «Арктика – территория диалога». Он подчеркнул также, что РГО стремится привлекать к исследованию арктической проблематики молодых ученых, в частности поддерживая проекты плавучих университетов и различные молодежные инициативы, касающиеся Арктики. Однако развивать данное направление без взаимодействия вузов Санкт-Петербурга и полярных регионов нельзя. Как отметил *К.В. Чистиков*, Политехнический университет, имеющий традицию не одних только технических исследований, но также, например, школу экономико-географических исследований, обладает в этом отношении особым потенциалом.

Председатель РОО «Ассоциация полярников Санкт-Петербурга» *П.В. Староверов* в своем приветственном слове подчеркнул особую перспективность комплексного подхода к изучению Арктики и подробно остановился на экологической проблематике. С приветствием к участникам конференции обратилась также председатель Санкт-Петербургского совета мира и согласия *В.Н. Бровкина*.

Генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге *А. Ходкевич* в своем приветствии подчеркнул роль Польши, польских ученых, политиков, государственных деятелей, в изучении и освоении Арктики. Он напомнил

участникам конференции, что Польша уже в 1996 г. вступила в Арктический совет, но ее путь в Арктику начался гораздо раньше. Еще в 1931 г. Польша подписала договор о Шпицбергене, в 1935 г. там началось строительство первой польской полярной станции. В настоящее время, как отметил г-н Ходкевич, пять польских университетов имеют на архипелаге свои полярные станции. Главными для польских ученых в Арктике являются исследования в области геологии и климата.

С докладами на пленарном заседании выступили: профессор кафедры водохозяйственного и гидротехнического строительства СПбПУ, старший научный сотрудник, доктор технических наук *А.С. Большев*; профессор Международной высшей школы управления СПбПУ, доктор экономических наук *Н.И. Диденко*; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН (Москва), кандидат педагогических наук *В.П. Журавель*; советник директора ЦНИИ робототехники и кибернетики (Санкт-Петербург) *А.Б. Железняков*.

Доклад *А.С. Большева* «Развитие арктической тематики в Санкт-Петербургском политехническом университете» содержал обзор вклада университета в изучение Арктики с первых лет его истории. Особое внимание докладчик уделил участию СПбПУ в организации первой в России Международной конференции РАО «Освоение шельфа Арктических морей России», которая прошла в сентябре 1993 г. в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте (АНИИ). Тематика конференции заинтересовала крупнейшие российские и зарубежные фирмы. В ее пленарных и секционных заседаниях участвовало 190 отечественных и 64 зарубежных специалиста из США, Канады, Великобритании, Австралии, Германии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Польши и других стран.

Как напомнил докладчик, участники той конференции выразили пожелание придать ей периодический характер. Вторая конференция состоялась в 1995 г., ее локальным организатором стал Политехнический университет. В работе конференции приняли участие 108 иностранных и 239 российских специалистов из различных организаций и компаний. Открывал конференцию мэр Санкт-Петербурга А.А. Собчак, на торжественном приеме по поводу на-

чала работы конференции руководство Санкт-Петербурга представлял В.В. Путин. По итогам работы конференции было решено сделать ее регулярной и проводить один раз в два года. К настоящему времени конференция успешно функционирует уже почти четверть века.

В своем докладе А.С. Большев также описал основные проекты по освоению углеводородных ресурсов арктического шельфа, реализованные за последние 20 лет, и привел сведения об участии в их реализации ученых Политехнического университета. Это работы по развитию концепции платформы для Штокмановского газоконденсатного месторождения; сооружение платформы для Приразломного нефтяного месторождения; решение задач по обеспечению безопасной эксплуатации стационарного морского ледостойкого отгрузочного причала (СМЛОП) в районе поселка Варандей (самый северный в мире терминал для отгрузки углеводородов); определение глобальных нагрузок на реконструированную полупогруженную плавучую буровую установку (ППБУ) «Шельф-7», используемую в качестве ледостойкой платформы на месторождении им. Ю. Корчагина; моделирование пространственных задач распространения тепловых загрязнений при размещении плавучих атомных станций в Арктическом регионе; моделирование обтекания ветровым потоком платформ для размещения вертолетов в Баренцевом море и др.

В ходе свободной дискуссии профессор А.С. Большев, отвечая на вопросы участников конференции, раскрыл ряд интересных и значимых аспектов освоения Арктики, в том числе связанных с природоохранной деятельностью.

Доклад профессора Международной высшей школы управления СПбПУ, доктора экономических наук *Н.И. Диденко* «Арктика: Внешняя среда; Изменяющееся пространство; Сотрудничество или соперничество?» отразил некоторые результаты, полученные при реализации проекта «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны Российской Федерации». Данный проект выполняется с 2014 г. лабораторией «Системная динамика» СПбПУ при финансировании Российским научным фондом (научный руководитель проекта — академик РАН В.В. Ивантер).

В рамках проекта, как отметил Н.И. Диденко, был рассмотрен целый ряд процессов,

определяющих состояние внешней среды и влияющих на состояние Арктического региона, в том числе климатические катастрофы, изменение содержания углекислого и различных парниковых газов в атмосфере под влиянием промышленности и сельского хозяйства, изменение глобальной температуры среды, изменение запасов пресной воды и др. При работе над проектом процессы во внешней среде были представлены в виде математических моделей.

Докладчик подчеркнул, что с точки зрения математических моделей существует корреляция между климатом, подсчитанным для внешней среды планеты, и климатом Арктики. Среди выводов доклада особый интерес слушателей вызвали выкладки, связанные с таянием вечной мерзлоты и, как следствие, высвобождением значительного количества метана, «который сейчас скован отрицательной температурой». Это особенно важно, так как метан активно выбрасывается также промышленными предприятиями, да и сельское хозяйство вносит в этот процесс свою лепту.

В докладе Н.И. Диденко прозвучала также критическая оценка мнения о том, что в ближайшем будущем Северный морской путь станет основной морской магистралью, соединяющей Европу и Дальний Восток. Он отметил, что, согласно выводам, полученным при работе над проектом, по Северному морскому пути будут осуществляться преимущественно межрегиональные (для регионов России) перевозки.

В заключительной части своего доклада Н.И. Диденко рассмотрел проблемы развития международного сотрудничества в Арктике. Проанализировав имеющиеся правовые документы и научные публикации, он пришел к выводу, что жесткого соперничества между странами в Арктике не наблюдается, существуют достаточно действенные правовые документы, регулирующие межгосударственные отношения в данном регионе.

Политическую и экономическую тематику продолжил доклад научного сотрудника Института Европы РАН *В.П. Журавеля* «Россия и азиатские страны Арктического региона: проблемы взаимодействия». В нем получила освещение деятельность в данном регионе Китая, Индии, Республики Корея, Японии и Сингапура, которые в мае 2013 г. получили статус государств-наблюдателей Арктического совета.

Тема доклада представляется очень актуальной. Сегодня стремление неарктических государств в целом и государств Азии в частности обозначить и реализовать свои интересы в Заполярье стало важным фактором, определяющим ситуацию в регионе и влияющим на международную ситуацию. Политики, ученые-политологи, экономисты, ученые разной специализации оценивают создавшееся положение неоднозначно.

Докладчик рассмотрел основные интересы азиатских стран в Арктике. Так, по его мнению, активизация Китая связана преимущественно с потребностями экономики страны и со стремлением получить доступ к новым источникам минеральных ресурсов и надежным морским путям для перевозки грузов. Арктика является для Китая важным, но не первостепенным направлением во внешней политике. Тем не менее его правительство готово вкладывать в освоение региона солидные средства. В качестве примера таких инвестиций В.П. Журавель привел участие «Китайской национальной нефтегазовой корпорации» (СNPC) в создании и деятельности компании «Ямал-СПГ», целью которой является освоение Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения. А вот интересы Индии связаны прежде всего с переменами в климате, которые могут иметь для нее очень тяжелые последствия. По мнению докладчика, для нее также важна проблема Арктики, свободной от ядерного оружия. При этом В.П. Журавель подчеркнул, что между Индией и Китаем идет напряженная борьба за энергетические ресурсы, что может наложить отпечаток и на их взаимоотношения относительно Арктического региона. Республика Корея исходит из того, что развитие Северного морского пути вызовет повышенный спрос на корабли арктического класса (а кораблестроение составляет в этой стране важную отрасль экономики) и увеличит товарооборот корейских портов с портами Западной Европы. Как отмечалось в докладе, активность Японии по отношению к Арктике в последнее десятилетие сместилось из научно-исследовательской плоскости в плоскость конкретных экономических проектов.

Подводя итог сказанному, В.П. Журавель отметил, что азиатские страны в вопросе освоения Арктики могут предложить России технологии и инновации. Они имеют прекрасный опыт организации связи, опыт планирования

и создания портов, управления морскими процессами. По его мнению, нахождение в Арктике азиатских стран может привести к снижению общего градуса напряженности в связи с последствиями разногласий между Россией и Западом по поводу ситуации в Сирии и на Украине.

Доклад В.П. Журавеля вызвал весьма оживленный обмен мнениями, ответы докладчика на заданные участниками конференции вопросы были развернутыми и раскрывали многие перспективные направления изучения проблемы межгосударственных отношений в Арктике.

Завершал пленарное заседание доклад советника директора ЦНИИ робототехники и кибернетики *А.Б. Железнякова* «За Арктикой из космоса (Проект многоцелевой космической системы „Арктика”)». В нем были раскрыты причины, побудившие российских ученых инициировать и начать разработку многоцелевой космической станции «Арктика», задачи станции, ход работ, осложненных международной политической ситуацией. Докладчик акцентировал, что Россия является единственной космической державой, которая имеет сегодня в планах создание многоцелевой космической станции, географически ориентированной на Арктический регион.

Доклады и сообщения, прозвучавшие на секциях конференции, носили разнообразный по тематике характер и в совокупности охватили широкий круг проблем изучения Арктического региона.

Секция «История исследования и освоения Арктики» в связи с большим числом представленных докладов, работала в течение двух дней, 19 и 20 апреля. На первом заседании секции были заслушаны доклады, посвященные научно-техническому освоению и изучению Арктики в период с 1917 по 1990-е гг. Модератором данной секции в первый день выступил профессор высшей школы общественных наук СПбПУ и научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ доктор исторических наук *А.А. Михайлов*.

Заседание открыл доклад члена Совета РАОО «Ассоциация полярников Санкт-Петербурга» *В.И. Генералова* «История открытия месторождений нефти и газа в российской Арктике».

Научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной

академии Генерального штаба ВС РФ кандидат исторических наук *Н.Ю. Бринюк* выступила с докладом «Развитие научных исследований в Арктике с 1920-х гг. до конца советского периода». Рассмотрев довольно продолжительный, 70-летний, период, она выделила основные направления арктических исследований в СССР, показала причины, определившие их, достижения и неудачи советских ученых-полярников.

Доцент кафедры института истории СПбГУ, кандидат исторических наук *И.С. Ратьковский* предложил вниманию присутствующих доклад «Денежное обращение Белого Севера». На данном, вполне конкретном, историческом сюжете докладчик показал проблемы, с которыми сталкивались в регионе правительственные структуры белого движения.

Значительный интерес и дискуссию вызвал доклад модератора секции *А.А. Михайлова* «Первая арктическая гонка: борьба Советской России (СССР) за свои интересы в Арктике: военные и правовые аспекты», подготовленный в соавторстве с доцентом высшей школы общественных наук СПбПУ, кандидатом исторических наук *А.А. Бочаровым*. В нем было рассмотрено оформление советского арктического сектора в 1920–1930-е гг., меры правительства Советской России и Советского Союза по сохранению этих границ и закреплению за страной территорий. Особое внимание в докладе было уделено разрешению территориальных споров с другими арктическими государствами, в частности конфликту вокруг острова Врангеля между Советской Россией (СССР), Канадой и США, а также спору о принадлежности Земли Франца-Иосифа между СССР и Норвегией.

В заключение докладчики сделали вывод о том, что в 1920–30-е гг. СССР определил границы своих арктических территорий и вод. Для их закрепления была развернута энергичная научная и хозяйственная деятельность. В Арктике сложилась система секторов, принадлежавших арктическим державам, хотя единого договора арктических государств заключено не было. Вместе с тем ряд вопросов остался нерешенным.

Дипломатические и правовые коллизии прошлого приобрели сегодня особую актуальность, так как наметилась тенденция к пересмотру самого принципа секторального деления Арктики, хотя пока подобные планы

высказываются политиками и публицистами преимущественно на неофициальном уровне.

Не меньший интерес у участников секции вызвал доклад профессора Астраханского государственного университета, доктора исторических наук *Е.Е. Красноженовой* «Северные арктические конвои в годы Великой Отечественной войны», в котором была рассмотрена реализация программы ленд-лиза. Тема доклада относится к числу дискуссионных. Между историками ведутся напряженные споры о том, насколько значимы для СССР были иностранные поставки, какую роль они сыграли в обеспечении Красной армии военной техникой, боеприпасами, продовольствием и др. Докладчик отметила, что основное количество вооружения было получено Советским Союзом в 1944–1945 гг., уже после коренного перелома в ходе войны. Однако немаловажным, по ее мнению, является и другой факт: предметы военного назначения составляли лишь часть от общего тоннажа поставок, остальное – невоенные грузы, в первую очередь продовольствие, сыгравшее видную роль в обеспечении не только армии, но и мирного населения.

С интересом был встречен слушателями также доклад младшего научного сотрудника сектора социально-гуманитарных исследований отдела гуманитарных исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард) *О.В. Рябковой* «Гидрографическое исследование и освоение акваторий Обской и Терской губы». Целый ряд ярких и малоизвестных фактов содержал доклад доцента СПбПУ *С.С. Скорняковой* «Подвиг военных летчиков в Арктике в 1948 г.: из истории экспедиции „Север-2“».

Завершил первое заседание секции доклад почетного полярника, члена Совета РОО «Ассоциация полярников Санкт-Петербурга» *С.А. Кесселя* «Арктика. Дрейфующие льды памяти», который был посвящен знаменательной дате – 80-летию первой дрейфующей станции.

Секция «История исследования и освоения Арктики» продолжила работу 20 апреля 2017 г. Модератором секции во второй день ее работы выступили доцент высшей школы общественных наук СПбПУ, кандидат исторических наук *А.А. Бочаров* и ведущий научный сотрудник Музейного комплекса того же университета кандидат философских наук *В.В. Кузнецов*.

Доклады освещали широкий круг проблем. Так, доклад «Государственная дума Российской империи и вопросы освоения Северного морского пути (1906–1917 гг.)», подготовленный совместно ведущим научным сотрудником Петербургского института истории РАН, профессором высшей школы общественных наук СПбПУ, доктором исторических наук *Б.Н. Ковалёвым* и директором высшей школы общественных наук указанного университета доктором исторических наук *С.В. Куликом*, был посвящен обсуждению в Государственной думе проекта развития важнейшей северной морской магистрали. Доклад содержал сведения о весьма важных проектах, которые обсуждали депутаты, например о проекте строительства канала между Белым и Балтийским морями. Думцев, осознающих важность развития Севера, возмущало, что значительная часть средств, предназначенных для развития транспорта в России, вкладывалась в «национальные окраины» – Польшу и Прибалтийские губернии, тогда как собственно российские северные земли страдали от ужасающе плохого состояния коммуникаций. Говорилось в Думе и о том, что слабостью России на Севере активно пользовались ее соседи, в частности Норвегия, подданные которой активно использовали российские территории и положение жителей в собственных экономических интересах. Вместе с тем, как отмечалось в докладе, большинство депутатов Думы (как и представители высшей государственной администрации) недооценивали важность Севера для развития страны.

Большим вниманием участников конференции пользовалась на секции история северного мореплавания. Например, доцент Саратовского государственного университета, кандидат технических наук *А.Т. Глухов* и преподаватель Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г.В. Плеханов *Н.А. Коровкина* сделали доклад «В Китай и Индию через Новую Землю – северный форпост России». В нем на основе анализа документов был рассмотрен исторический опыт плаваний по Северному морскому пути.

Доклад заведующего сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова

РАН доктора исторических наук *С.В. Соболева* «Из истории освоения Северного морского пути (первая треть XX в.)» был посвящен яркому и значимому периоду в истории этой водной магистрали. Докладчик аргументированно показал, что освоение Северного морского пути имело для России важное государственное значение, тем не менее его оснащённость средствами навигационного оборудования и гидрографическая изученность не отвечали требованиям своего времени.

Освоение Россией американской Арктики в XVIII – середине XIX в. осветил доктор исторических наук, профессор высшей школы общественных наук СПбПУ *А.В. Гринёв*.

Всего на втором заседании секции «История исследования и освоения Арктики» было заслушано 12 докладов.

Глубокой научностью, актуальностью и новизной отличались также доклады, представленные на других секциях конференции.

В рамках работы секции «Проблемы и перспективы экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» (модератор – профессор Международной высшей школы СПбПУ *Н.И. Диденко*) было заслушано 5 докладов.

Доцент кафедры экономики, учета и финансов Санкт-Петербургского горного университета, кандидат экономических наук *Е.Г. Катышева* в своем докладе «Оценка перспектив развития нефтяных и газовых проектов на Арктическом шельфе России» охарактеризовала природный потенциал Арктической территории, привела данные по добыче в регионе топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, рассказала о перспективах ее развития. Докладчик детально охарактеризовала Приразломное месторождение, объемы его запасов и новую технологическую схему реализации проекта, позволяющую существенно увеличить добычу нефти. Также в докладе была рассмотрена новая логистическая схема транспортировки нефти с арктических месторождений, разработанная компанией «Газпром нефть».

Активная дискуссия развернулась после доклада старшего преподавателя факультета международных отношений СПбГУ кандидата исторических наук *Д.С. Тулунова* «30 лет мурманских инициатив: эволюция политико-экономического ландшафта Арктики в 1987–2017 гг.», в котором был рассмотрен опыт ре-

ализации проекта СССР по экономическому освоению Арктики и последующие тенденции, протекавшие в 1990-е и 2000-е гг.

С интересом были встречены слушателями доклады: заведующего кафедрой менеджмента и маркетинга Балтийской академии туризма и предпринимательства кандидата экономических наук *Д.А. Радушинского* («Перспективы и проблемы развития транспортной инфраструктуры Северного морского пути в Арктической зоне Российской Федерации»), аспиранта кафедры организации и управления Санкт-Петербургского горного университета *М.В. Точило* («Анализ месторождений Кольского полуострова для формирования минерально-сырьевой базы диоксида титана»), студентки того же университета *В.М. Соловьёвой* («Анализ шельфовых нефтегазовых проектов на российских арктических территориях»).

На секции «Историко-культурное наследие Арктики» (модератор – профессор высшей школы общественных наук СПбПУ, профессор СПбГУ, доктор исторических наук *А.Н. Кашеваров*) было заслушано и обсуждено 9 докладов. Большой интерес вызвал доклад модератора секции *А.Н. Кашеварова* «Высшее православное духовенство на Соловках во второй половине 1920-х годов», в котором нашла отражение одна из наиболее ярких и трагических страниц в истории Русской православной церкви.

Малоизвестные страницы истории арктических исследований раскрыла в докладе «Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция» профессор Института общественных наук РАНХиГС (Москва), доктор исторических наук *Н.П. Танышина*.

Интересно дополнили друг друга два доклада, посвященные отражению Арктики в киноискусстве: «Арктика как художественное явление в советском кинематографе» старшего преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна *М.С. Назаровой* и «Арктика в советском кинематографе» доцента высшей школы общественных наук СПбПУ, кандидата исторических наук *А.А. Бочарова* и учителя истории и обществознания Лицея № 344 г. Санкт-Петербурга *М.В. Хлопова*.

Интересные сведения были представлены в докладе доцента высшей школы общественных

наук СПбПУ, кандидата социологических наук *В.В. Лобатюк* «Образ Арктики у студентов вузов Санкт-Петербурга».

Несомненно, отрядным явлением представляется активное участие в конференции аспирантов и студентов. Их доклады составили особую – «*Молодежную секцию*», на которой выступили представители СПбГУ, СПбПУ, Петрозаводского государственного университета, Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербургского горного университета и др. Следует подчеркнуть, что абсолютное большинство докладов отличали высокий уровень осмысления материала, точность формулировок и значимость выводов.

Важнейшим элементом конференции стали круглые столы, формат которых обеспечивал активный обмен мнениями, дискуссии (подчас очень острые), способствовавшие более глубокому раскрытию различных проблем.

Круглый стол «Международное сотрудничество в Арктике» (модератор – старший преподаватель кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС кандидат политических наук *Д.А. Медведев*) собрал участников из различных вузов и научных центров России. Работу открыло выступление *Д.А. Медведева* «Стратегическое значение Арктики для развития международных отношений». Он обратил внимание на дуализм международного развития, заключающийся в сочетании усиления глобализационных процессов с интенсификацией региональной интеграции, рассмотрел долгосрочные перспективы развития международного сотрудничества в Арктике, а также ключевые факторы, влияющие на усиление деструктивных тенденций в регионе.

Проблемы сотрудничества в Арктике России и Норвегии были рассмотрены в докладе «Пути сотрудничества России и Норвегии при освоении морских нефтегазовых месторождений» *А.Ф. Чанышевой* и *Н.В. Смирновой* (Санкт-Петербургский горный университет).

Важнейшие проблемы Арктического региона лежат сегодня в области экологии. Поэтому представляется вполне закономерным, что *круглый стол «Экологическая безопасность Арктики – стратегический приоритет»* (модератор – председатель РОО «Ассоциация по-

лярников Санкт-Петербурга *П.В. Староверов*) вызвал повышенное внимание участников конференции. На нем прозвучало 9 докладов, было сделано несколько сообщений, велась активная дискуссия. В работе круглого стола приняли участие: *А.В. Распутин* (генеральный директор ООО «Триада-ЛТД»), *С.В. Доброго* (член Совета директоров ООО «Гринсайд-ЛТД»), *М.Ю. Кононова* (доктор технических наук, профессор института физкультуры, спорта и туризма СПбПУ), *М.А. Спиридонов* (доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского) и др.

Интенсивно работали в ходе конференции круглые столы «Технологии робототехники для освоения Арктики», «Военная и техногенная безопасность в Арктике», «Развитие человеческого капитала в Арктике».

На круглом столе «Технологии робототехники для освоения Арктики» были представлены новейшие разработки робототехники для Арктики, созданные в ведущих научных и научно-образовательных учреждениях Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода. Проблеме проведения спасательных работ в арктических условиях с применением роботов были посвящены доклады инженера ЦНИИ РТК *А.Д. Куличенко* «Концепция создания роботизированных систем для поиска и спасания в условиях Арктики» и начальника лаборатории ЦНИИ РТК, кандидата технических наук *И.А. Васильева* «Управление группировкой спасательных роботов для работы в арктических условиях». В своем докладе *И.В. Васильев* представил решение данной проблемы с помощью группировки роботов-спасателей.

Инженер второй категории ЦНИИ РТК *Э.Б. Мустафина* выступила с докладом «Проблемы применения методов визуальной навигации в арктических условиях», в котором рассмотрела особенности использования алгоритмов автономной навигации мобильных робототехнических средств по видеокамере в арктической местности. Проблеме использования роботов при осуществлении подводных работ в условиях Арктики был посвящен доклад специалистов ЦНИИ РТК, кандидатов технических наук *П.А. Лошицкого* и *Р.А. Чижевского* «Электромеханический манипулятор для оснащения подводных аппаратов».

Кандидат технических наук, академик Академии транспорта РФ, доцент кафедры «Строительные и дорожные машины» института транспортных систем Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (ИТС НГТУ) *А.А. Кошурина* представила доклад на тему: «Вектор развития современного вездеходного транспорта для Арктики», в котором привела обзор основных направлений развития вездеходной транспортно-технологической техники, необходимой для освоения Арктики, а также представила основные результаты работы коллектива научно-исследовательского центра «Транспорт» НГТУ в области создания экспериментальных образцов транспортно-технологических машин.

Кандидат технических наук, доцент ИТС НГТУ *Д.А. Ляхманов* свой доклад «Алгоритм определения положения эталонных объектов в задаче построения транспортной колонны» посвятил алгоритму определения положения эталонных объектов в видеопотоке, адаптированному для задачи управления транспортной колонной.

В рамках работы круглого стола «Развитие человеческого капитала в Арктике» было заслушано 5 докладов.

К.М. Басангова, кандидат экономических наук, член Совета РОО «Ассоциация поляриков Санкт-Петербурга», представила на круглом столе свой доклад на тему «Подготовка национальных кадров из числа коренных малочисленных народов Крайнего Севера России», в котором затронула проблемы выделения Арктической зоны РФ в особую административно-территориальную единицу и создания единого координационного центра управления зоной и развития ее. Эта проблематика вызвала оживленную дискуссию в аудитории, наиболее яркий отклик прозвучал со стороны советника главы города Норильска *Е.А. Черной*, которая принимала активное участие в работе круглого стола.

А.Ю. Никулина (кандидат экономических наук, ассистент кафедры организации и управления Санкт-Петербургского горного университета), *Ю.А. Яковлева* (кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского горного университета) и *А.А. Гаврилова* (студентка Санкт-Петербургского горного уни-

верситета) представили в своем докладе «Факторы привлечения человеческих ресурсов для работы в Арктике» наиболее острую тему Арктического региона РФ – привлечение кадров и специалистов высокой степени подготовки, проанализировали существующие методы государственных гарантий и льгот для работников Крайнего Севера и пришли к выводу об их низкой мотивационной эффективности. Кроме того, были представлены результаты социологического исследования, выполненного студентами экономического факультета Горного университета, и по ним сделаны выводы об основных факторах привлекательности работы в Арктике для молодых специалистов. Такие факторы предусматривают желательный уровень оплаты труда, уровень социально-культурного окружения в регионе работы и проживания, потенциальный срок, на который молодые специалисты готовы переехать на Север, а также уровень их мобильности. Сделан вывод о том, что сегодня не все субъекты Российской Федерации, расположенные в Арктике, способны обеспечить для работников факторы привлекательности.

Среди аудитории, а в ее составе было значительное число студентов СПбПУ, это сообщение вызвало оживленную дискуссию, которая в итоге подтвердила основные тезисы и постулаты выступления.

Доклад доктора технических наук, доцента, профессора института физкультуры, спорта и туризма СПбПУ *М.Ю. Кононовой* «Возможности и особенности экологического и спортивного туризма Арктической зоны» вызвал пространную дискуссию на тему его доступности и популярности среди граждан РФ, а также зарубежных туристов, наличия необходимой инфраструктуры и особого статуса Арктики.

Е.М. Гашкова, кандидат философских наук, доцент, доцент высшей школы общественных наук СПбПУ, и *Е.Б. Тимерманис*, кандидат философских наук, доцент, доцент высшей школы общественных наук СПбПУ, представили аудитории доклад на тему «Возможности формирования идентичности Арктического региона (на материале опроса студентов СПбПУ)», который вызвал самый живой отклик, так как по своей специфике имел общую амбивалентную и дискуссионную канву с сообщением коллег из Горного университета.

К.Ю. Эйдемиллер, кандидат географических наук, преподаватель-почасовик высшей школы общественных наук СПбПУ, в своем докладе «Мусульманское население в Арктике: суровая необходимость или потенциальная угроза?» затронул одну из самых проблематичных и дискуссионных тем, которые обсуждаются в российском социуме на предмет широкого спектра вопросов: от потенциальной военной безопасности до гипотетической культурной идентичности. На примере соседних стран – государств Северной Европы была приведена картина с совокупным комплексом возможных сценариев развития ситуации, связанной с «исламским фактором», в регионе Арктической зоны РФ.

Активная дискуссия проходила во время работы *круглого стола* «Военная и техногенная безопасность в Арктике», на котором было заслушано 4 доклада.

Работа круглого стола началась с сообщения его модератора *В.П. Журавеля* на тему «Вызовы и угрозы военной безопасности в Арктике», в котором были рассмотрены возможные военные угрозы национальной безопасности России в Арктическом регионе. Докладчик подчеркнул, что войска НАТО способны в течение месяца развернуть в Арктике против России полномасштабную группировку вооруженных сил в составе: свыше 100 боевых кораблей основных классов (треть из них – носители крылатых ракет морского базирования), нескольких авианосных соединений и свыше 500 самолетов различного назначения, до 10 бригад сухопутных войск и морской пехоты общей численностью более 50 тыс. человек. При этом главным потенциалом будут тактическая и палубная авиация, подводные лодки и надводные корабли – носители крылатых ракет «Томагавк» для стрельбы по наземным и морским целям. В официальных документах НАТО подчеркивается необходимость «возврата в Арктику» для построения системы безопасности, центральным элементом которой будут силы НАТО. В своем сообщении В.П. Журавель отметил, что в последние годы НАТО активизировала свою кампанию по вовлечению нейтральных государств – Финляндии и Швеции в ряды альянса. Потенциальным противником в Арктике блок НАТО видит Россию, поэтому проводится мощная идеологическая работа русофобской направленности. В ответ на дейст-

вия НАТО Россия принимает активные меры по укреплению национальной безопасности в Арктическом регионе.

Заведующий кафедрой управления и защиты в чрезвычайных ситуациях, заместитель директора института военно-технического образования и безопасности СПбПУ доктор технических наук *В.И. Гуменюк* выступил с докладом «Оценка и анализ радиационной обстановки в акватории Карского моря». В нем были рассмотрены ядерные испытания в акватории Карского моря в исторической перспективе, начиная с 1921 г., история создания полигона для испытаний (наземных, воздушных, подводных, подземных) ядерного оружия на Новой Земле. Отмечено, что ядерные испытания на Новой Земле были прекращены в 1990 г. и что сейчас полигон находится в режиме готовности к работе, проведению испытаний. Особое внимание докладчик уделил затопленным объектам в Арктическом регионе: это атомная подводная лодка «Комсомолец» (затоплена в 1989 г.), подлодка 5-159 (затоплена в 2003 г.), атомная подводная лодка К-27 (затоплена в 1981 г.).

Магистрант 2-го курса института военно-технического образования и безопасности СПбПУ *А.А. Пряникова* в сообщении «Проблемы обеспечения военной и техногенной безопасности Арктического и Северо-Западного регионов» затронула важные проблемы для этих регионов на современном этапе развития России. Она выделила техногенные риски данных регионов, а именно: аварии судов (в том числе использующих ядерное топливо); аварии на нефтяных платформах; разливы нефти; полигоны захоронения ядерных и химических отходов. Кроме того, были названы риски плавления в арктических водах: возможность повреждения корпуса судна и его механизмов морским льдом; опасность обледенения корпуса; низкая температура воздуха; плохая видимость и продолжительные полярная ночь и полярный день; особенности работы навигационного оборудования, систем связи и качества оценки ледовой обстановки в высоких широтах; удаленность районов плавления; недостаточность гидрографических данных; суровые и быстро

меняющиеся погодные условия, повышающие опасность аварий; высокая чувствительность и уязвимость арктической природы ко всем негативным воздействиям на нее. Были рассмотрены действия России по снижению данных рисков. В завершение доклада *А.А. Пряникова* рассказала о своем опыте участия в Молодежном форуме «Арктика: сделано в России», который прошел в 2017 г. в Архангельске.

Наибольший интерес вызвало сообщение старшего врача Центра медицинской эвакуации и экстренной медицинской помощи ВЦМК «Защита» Минздрава России *А.А. Ануфриева* «Особенности медико-санитарной эвакуации в условиях Крайнего Севера», в котором он рассмотрел технические аспекты медико-санитарной эвакуации в Арктическом регионе. Был приведен анализ заболеваемости народов, проживающих на Севере, и состояния медицинской материальной базы на данной территории. Кроме того, были выделены важнейшие проблемы Севера.

Заключение

На основе докладов, сообщений и дискуссий, состоявшихся в ходе работы пленарного и секционных заседаний и круглых столов, участниками конференции были выработаны рекомендации по дальнейшим исследованиям Арктического региона, намечен комплекс конкретных научных мероприятий, базой для проведения которых может стать Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Участники конференции высказали предложение о необходимости передать материалы конференции руководству всех субъектов Арктической зоны РФ с целью рассмотрения и дальнейшего внедрения инновационных технологий и продукции для выполнения «Плана мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», утвержденного Председателем Правительства РФ 30.08.2016 г.

Кроме того, было принято решение о проведении III Международной научной конференции «Арктика: история и современность» 18–19 апреля 2018 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зиланов В.** Россия теряет Арктику? М.: Алгоритм, 2013.

2. **Коньшев В.Н., Сергунин А.А.** Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: Изд-во Рос. ин-та стратег. исслед., 2011.

3. **Арктика:** история и современность: тр. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2016 г.) / отв. ред. С.В. Кулик. М.: Наука, 2016.

4. **Кулик С.В., Лагушкин С.Г., Самыловская Е.А., Эйдемиллер К.Ю.** «Арктика: история и современность» (Обзор Международной научной конференции) // Научно-технические ведомости СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 184–189. DOI: 10.5862/JHSS.255.22.

Кулик Сергей Владимирович

E-mail: kulik54@mail.ru

Михайлов Андрей Александрович

E-mail: dragun66@mail.ru

Самыловская Екатерина Анатольевна

E-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 3.07.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

[1] V. Zilanov, *Rossiya teryaet Arktiku?* [Is Russia losing the Arctic?], Algorithm, Moscow, 2013.

[2] V.N. Konyshv, A.A. Sergunin, *Arktika v mezhdunarodnoy politike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo?* [Arctic in international politics: cooperation or rivalry?], Russian Institute for Strategic Studies Publ., Moscow, 2011.

[3] *Arktika: istoriya i sovremennost'*: trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konf. [Arctic: History and Moder-

nity: Proc. of the Intern. Scientific Conf. April 20–21, 2016, St. Petersburg], Nauka, Moscow, 2016.

[4] S.V. Kulik, S.G. Lagushkin, E.A. Samylovskaya, K.Yu. Eidemiller, [The Arctic: history and present (Review of the international scientific conference)], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 4 (255) (2016) 184–189. DOI: 10.5862/JHSS.255.22.

Kulik Sergey V.

E-mail: kulik54@mail.ru

Mikhailov Andrey A.

E-mail: dragun66@mail.ru

Samylovskaya Ekaterina A.

E-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Received 3.07.2017, accepted 7.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8418

УДК 947.084

ОБЗОР НАУЧНОГО ФОРУМА «КИТАЙ И РОССИЯ: ОБЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ (К 100-летию Октябрьской революции)»*

Ван Ци¹, С.Б. Ульянова²

¹ Университет Цинхуа, г. Пекин, Китайская Народная Республика

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Институт стратегического сотрудничества между Китаем и Россией Университета Цинхуа организовал научный форум «Китай и Россия: общее историческое наследие и вызов современности (К 100-летию Октябрьской революции)», который состоялся 22 апреля 2017 г. в Пекине. На форуме были представлены шесть актуальных направлений изучения революции: зарубежная историография Октябрьской революции; Октябрьская революция и китайско-российские отношения; всемирное значение Октябрьской революции; социальная история России в эпоху революции; влияние Октябрьской революции на Китай; размышления об историческом наследии Октябрьской революции. В работе форума приняли участие ученые из Университета Цинхуа, Китайской академии общественных наук, Пекинского университета, Шэньсийского педагогического университета, МГУ, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Института Дальнего Востока, Института российской истории РАН и др. По общему мнению, значимость прошедшего форума обусловлена тем, что Октябрьская революция 1917 г. в России остается крупнейшим событием мировой истории, заслуживающим глубокого научного изучения. Все участники отметили высокий научный уровень докладов, актуальность обсуждавшихся тем и творческую атмосферу собрания.

Ключевые слова: историография; Октябрьская революция; Китай; Россия; научный форум

Ссылка при цитировании: Ван Ци, Ульянова С.Б. Обзор научного форума «Китай и Россия: общее историческое наследие и вызов современности (К 100-летию Октябрьской революции)» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 168–175. DOI: 10.18721/JHSS.8418

“CHINA AND RUSSIA: THE COMMON HISTORICAL LEGACY AND THE CHALLENGE OF MODERNITY”: REVIEW OF THE SCIENTIFIC FORUM ON THE CENTENARY OF THE OCTOBER REVOLUTION

Wang Qi¹, S.B. Ulyanova²

¹ Tsinghua University, Beijing, China

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The Joint Institute for China-Russia Strategic Cooperation (Tsinghua University, Beijing) organized a scientific forum “China and Russia: the common historical legacy

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ (проект № 16-31-00017).

and the challenge of modernity (the 100th anniversary of the October revolution)” on April 22, 2017. The forum presents six key areas of study of the Russian revolution of 1917: Chinese and foreign historiography of the October revolution, Russian revolution and Sino-Russian relations; the global significance of the October revolution; the social history of Russia in the age of revolution; the influence of October revolution on China; reflections on the historical legacy of the October revolution. The forum was attended by scientists from Tsinghua University, Chinese Academy of Social Sciences, Peking University, Shaanxi normal University, Moscow State University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Institute of Far Eastern Studies, Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, etc. According to the general opinion, the significance of the forum stems from the fact that the October revolution remains one of the greatest events in world history that deserves thorough scientific study. All participants noted the high scientific level of presentations, relevance of topics discussed and creative atmosphere of the meeting.

Keywords: historiography; October revolution 1917; China; Russia; scientific forum

Citation: Wang Qi, S.B. Ulyanova, “China and Russia: the common historical legacy and the challenge of modernity”: review of the scientific forum on the centenary of the October revolution, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 168–175. DOI: 10.18721/JHSS.8418

В Пекине 22 апреля 2017 г. состоялся научный форум «Китай и Россия: общее историческое наследие и вызов современности (К 100-летию Октябрьской революции)», организованный Институтом стратегического сотрудничества между Китаем и Россией (ИССКР) Университета Цинхуа. Это не первый опыт научного сотрудничества между Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого (СПбПУ) и Университетом Цинхуа. В 2012–2014 гг. консорциумом ведущих университетов и научных институтов, в который входят МГУ, СПбПУ, Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), Российский университет транспорта (МИИТ) – РУТ (МИИТ), Университет Цинхуа, была организована Международная конференция «Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения». Затем в свет вышли две коллективные монографии [1, 2], материалы которых «представляют большую ценность благодаря своему реализму и практицизму в оценках различных аспектов нынешнего состояния российско-китайских отношений, сфер, рамок и возможностей сотрудничества и взаимодействия» [1, с. 515].

В 2015 г. СПбПУ и Университет Цинхуа собрали ведущих российских и китайских ис-

ториков на масштабную научно-теоретическую конференцию, посвященную 70-летию Победы во Второй мировой войне [См.: 3]. В журнале «Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки» [4] и в «Journal of Tsinghua University» [5] были опубликованы статьи участников этого научного проекта, получившего широкий общественный резонанс как в России, так и в Китае. Тогда же между двумя университетами была достигнута договоренность о начале нового исследовательского проекта, связанного со 100-летием Октябрьской революции 1917 г. в России.

Такое событие, как 100-летний юбилей революции, которую в нашей стране всё чаще называют «Великой Российской», а в Китае – по-прежнему «Великой Октябрьской», вызвало огромный общественный и научный интерес в обеих странах. Оценить исторический масштаб этого события китайские и российские историки попытались в апреле 2017 г. на научном форуме.

Открывая работу форума, управляющий директор ИССКР *Чжоу Маолин* отметил, что Октябрьская революция – это крупнейшее событие XX в. для всей мировой цивилизации, и подчеркнул, что в изучении этого события необ-

ходим строго научный методологический подход к интерпретации исторических событий.

Председатель ученого совета ИССКР академик *Ни Вэйдоу* вспомнил о своем участии в праздновании 7 ноября Дня Великой Октябрьской социалистической революции в годы учебы в Москве и Ленинграде, отметил огромную значимость обсуждения проблематики Октябрьской революции в современных условиях и пожелал успеха участникам форума.

На форуме были представлены шесть актуальных *направлений изучения* Октябрьской революции 1917 г.:

- 1) зарубежная историография Октябрьской революции;
- 2) Октябрьская революция и китайско-российские отношения;
- 3) всемирное значение Октябрьской революции;
- 4) социальная история России в эпоху революции;
- 5) влияние Октябрьской революции на Китай;
- 6) размышления об историческом наследии Октябрьской революции.

Зарубежная историография Октябрьской революции. Исполнительный директор ИССКР профессор *Ван Ци* представила обзор современной китайской историографии Октябрьской революции, обобщив более 60 научных публикаций за 2010–2017 гг. Она отметила, что китайские ученые добились больших успехов в изучении этой темы, сосредоточив свое внимание на трех основных аспектах: 1) они делают акцент на историческом феномене Октябрьской революции, стараются восстановить все события и ответить на все спорные вопросы; 2) обращают внимание на классическую теорию марксизма-ленинизма, интерпретируют исторический смысл и истоки Октябрьской революции; 3) изучают влияние Октябрьской революции на мир, в особенности на Китай и Россию, историческое наследие революции, ее значение для мировой цивилизации. Китайские ученые применяют передовые методы, например принципы социальной истории, стараясь объективно и точно восстановить историческую картину Октябрьской революции.

Профессор СПбПУ *С.Б. Ульянова* осветила результаты научного проекта «Концепт Великой российской революции в историографических

и общественно-политических дискуссиях», в котором приняли участие около 40 ученых из разных городов России. Она отметила, что 100-летие революции заставило историков вновь обратиться к сюжетам, уже изученным ранее, и найти новые интересные проблемы. При обсуждении концепта они обращали внимание на содержание и хронологические рамки, на сложность и разнонаправленность революционного процесса. В этом и состоит ценность исторических юбилеев: они заставляют оглянуться назад, вновь попытаться понять смысл тех или иных исторических событий, их значение для наших дней.

Заместитель директора ИДВ РАН *В.Я. Портяков* в своем докладе отметил, что 100-летие Октябрьской революции породило многочисленные дискуссии: о неизбежности или случайности революции; об оценке исторических личностей – В.И. Ленина, И.В. Сталина и др.; о позитивном и негативном в советском историческом опыте. Докладчик сравнил позиции в этих дискуссиях двух видных деятелей – мэра Москвы в 1990-х гг. Г.Х. Попова и китайского ученого Ли Юнцюаня. Пытаясь подвести итог советской эпохе как великому эксперименту XX в., Г.Х. Попов видит ее главные достижения в сохранении целостности Российского государства, выработке нового решения национального вопроса в многонациональной стране, создании промышленного потенциала обороны, наконец, в проведении подлинной культурной революции, приобщении миллионов людей к грамотности и интеллектуальным богатствам человечества. В то же время в жертву этому эксперименту было принесено множество человеческих жизней. Ли Юнцюань, констатируя отход от социализма СССР и стран Восточной Европы, призывает к объективной оценке Октябрьской революции и в изменившейся обстановке. Он отвергает суждения о том, будто бы Октябрьская революция нарушила законы исторического развития, согласно которым Россия вполне могла идти по пути капиталистических государств Запада. Кроме того, ученый напомнил, что В.И. Ленин вовсе не мечтал о немедленном «введении» социализма в России. Более того, вследствие отсталости страны большевикам пришлось на практике искать ответы на многие вопросы, отсутствовавшие в теории К. Маркса.

И.В. Поткина (ИРИ РАН) и *А.И. Фурсов* (МГУ) поделились результатами своих исследований и показали, что уже в годы Первой мировой войны усилилось государственное регулирование народного хозяйства. Временное правительство, а затем и большевики продолжили политику экономической мобилизации, стремясь не допустить распада страны и рационально распределить имеющиеся ресурсы. Ученые отметили необходимость изучения долгосрочных последствий Октябрьской революции.

Начальник отдела международных связей Гуманитарного института Университета Цинхуа *Цзинь Хайлань* представил анализ концепции Октябрьской революции японского историка Такеси Томита.

Октябрьская революция и российско-китайские отношения. Научный сотрудник Института новой истории Китайской академии общественных наук (КАОН) *Сюе Сяньтянь* представил доклад о советской народной дипломатии в Китае после Октябрьской революции. Он отметил, что Совет народных комиссаров РСФСР уже 25 июля 1919 г. опубликовал обращение к китайскому народу и правительствам Севера и Юга, в котором были сформулированы новые принципы отношений двух стран. Докладчик подчеркнул, что установление дипломатических отношений с Китаем избавило СССР от дипломатической изоляции на Дальнем Востоке.

В докладе директора высшей школы общественных наук СПбПУ *С.В. Кулика* были рассмотрены вопросы российско-китайских отношений, поднимавшиеся в Государственной думе Российской империи в 1907–1917 гг. В Думе обсуждались проблемы, связанные с последствиями Русско-японской войны 1904–1905 гг., колонизацией Дальнего Востока, дефицитом местной рабочей силы и привлечением китайских рабочих на строительство различных объектов в России. Особое внимание уделялось развитию путей сообщения между Россией и Китаем, совместной торговле, борьбе с контрабандой и незаконной торговлей спиртными напитками, пограничным конфликтам. Отдельно поднимались вопросы о правах русских подданных в Китае и о его иностранной задолженности.

Доцент МГУ *Е.С. Васецова* охарактеризовала значение Октябрьской революции для системы международных отношений, а также на-

ционально-освободительного движения стран Азии, остановилась на распространении идей марксизма в Китае под влиянием Октябрьской революции и на активной роли Коминтерна в этой стране.

Всемирное значение Октябрьской революции.

Профессор Института международных отношений Пекинского университета *Кун Фаньцзюнь* в своем докладе показал значение Октябрьской революции в общем контексте изменений в мире в XX в. Докладчик подчеркнул, что до конца холодной войны и на Востоке, и на Западе оценки Октябрьской революции были больше политическими, чем научными. С окончанием противостояния советского социализма и западного капитализма изучение Октябрьской революции приобрело более объективный научный характер. В то же время потеря актуальности этого сюжета снизила исследовательский интерес к нему.

В докладе директора Института стран Азии и Африки МГУ *И.И. Абылгазиева* «Роль Великой Октябрьской революции в развитии революционного движения в Китае и Монголии» были показаны не только причины победы революции в России, но и ее значение для подъема борьбы угнетенных народов Востока против колониального империалистического гнета. Докладчик остановился на особенностях принципа пролетарского интернационализма и его влиянии на становление и развитие отношений между Советской Россией, Китаем и Монголией.

Профессор Института марксизма Пекинского университета *Янь Чжунминь* в своем докладе «Октябрьская революция – новый путь модернизации» сформулировал пять постулатов: 1) Россия была одной из отсталых капиталистических стран Европы, медленнее, чем другие, проходила этап индустриализации; 2) по мнению К. Маркса, у России был исторический шанс миновать стадию капитализма; 3) политика большевиков была нацелена на создание условий для модернизации; 4) В.И. Ленин, предложив знаменитую формулу «социализм = советская власть + электрификация», определил движение страны по пути модернизации; 5) используя опыт Октябрьской революции, Китай создал свой путь современного развития.

Научный сотрудник Института мировой истории КАОН *Вэнь И* в своем докладе отметил, что Октябрьская революция сформировала новую модель государственного управления, и выделил основные черты этой модели: власть одной партии большевиков; мобилизация экономики; политическая цензура в области идеологии; централизация власти, репрессии, террор. Эта модель обеспечила стабильность советского общества, способствовала созданию мощной военной промышленности, осуществляла эффективную пропаганду социалистических и патриотических идей, но в то же время она постепенно накапливала негативный эффект и привела к застою.

Научный сотрудник Института марксизма КАОН *Лю Шучунь* отметил, что Октябрьская революция — это эпохальное событие всемирного значения. Она изменила роль трудящихся в обществе, способствовала быстрому прогрессу в области науки и техники, обороны, культуры, позволив Советскому Союзу сократить разрыв с передовыми индустриальными странами. Переход от капитализма к социализму в результате революции означал переход к новой эпохе общественного развития.

Профессор факультета международных отношений Университета Цинхуа, член ученого совета ИССКР *Ши Чжизинь* обратил внимание участников форума на сохранение привлекательности идей социализма в современном мире.

Социальная история России в эпоху революции. Профессор Шэньсийского педагогического университета *Чжао Сюйли* в своем докладе обратил внимание на последствия Октябрьской революции для русской крестьянской общины и остановился на институте комитетов деревенской бедноты. Докладчик подчеркнул, что большевики старались опираться на сельский пролетариат, предоставляя ему административную власть в деревне. Это вызывало недовольство крестьян, приводило к разрушению традиционного уклада. Такая политика большевиков имела травматические долговременные (вплоть до наших дней) последствия.

Профессор СПбПУ *С.Б. Ульянова* в своем докладе рассмотрела влияние событий Великой российской революции и Гражданской войны на повседневную жизнь горожан, проанализировала практики выживания рядового обыва-

теля в экстремальных условиях нестабильности социально-политической системы, экономического кризиса, голода. Докладчик показала живучесть дореволюционных традиций труда и досуга, с одной стороны, и возникновение новых явлений, связанных с революционными преобразованиями, — с другой. Как характерная черта жизни городов первых послереволюционных лет отмечена демократизация уклада быденной жизни. В целом, как полагает С.Б. Ульянова, горожане быстро адаптировались к революционной повседневности за счет сохранения традиционных механизмов организации повседневной жизни.

В докладе научного сотрудника Института мировой истории КАОН *Хуан Лифу* были затронуты проблемы национальной политики большевиков после Октябрьской революции. Докладчик обратил внимание на конкретно-исторические предпосылки большевистской политики региональной этнической автономии, отметил, что советские народы получили возможности для развития, сформировались национальное самосознание, национальные политические и культурные элиты. Однако заложенная в основе советской национальной модели идея о праве наций на самоопределение вплоть до отделения сыграла отрицательную роль, когда в период перестройки власть КПСС ослабла, что привело к распаду государства на отдельные национальные республики.

Доцент СПбПУ *И.В. Аладьшкин* посвятил свой доклад широкому распространению в результате революции 1917 г. антигосударственных идеалов в российском общественно-политическом движении и выявлению их трансформации. Он обратил внимание на отдельные этапы революционного процесса, на изменение общественных настроений, на распространение леворадикальных течений в революционном движении. Особо докладчик остановился на вопросе усиления влияния анархизма в период революции.

Влияние Октябрьской революции на Китай. В своем докладе «Поддержка китайскими рабочими Октябрьской революции» *Чэнь Аньшиэн* из Партийной школы ядерной промышленности показал, что участие китайских рабочих в революционных событиях в России было обусловлено тем, что в годы Первой мировой войны Россия, испытывая нехватку рабочих рук, стала

нанимать рабочую силу из Китая. Эти рабочие после Октябрьской революции примкнули к большевикам, многие из них вступили в Красную армию и участвовали в Гражданской войне. В этой среде происходило распространение революционных идей, рекрутировались сторонники Коминтерна и Коммунистической партии Китая. Докладчик сделал вывод о том, что рабочий класс приобщился к коммунистическому движению раньше китайских интеллектуалов. В ходе дискуссии по этому докладу Сюе Сяньтянь отметил, что все-таки роль коммунистической интеллигенции (Чэнь Дусю и Ли Дачжао и др.) была более высокой, так как культурный уровень рабочих, возвращавшихся в Китай из революционной России, был низким.

Продолжил дискуссию доклад сотрудника Университета Цинхуа Фэнь Юнлян о китайских рабочих, которые по различным причинам оказались на территории России в разгар Гражданской войны, и об отношении Временного правительства и Совнаркома к их репатриации. Докладчик отметил, что несколько десятков тысяч китайцев пали жертвой Октябрьской революции, защищая ее идеи, тем самым внося свой вклад в победу.

Руководитель Центра новейшей истории Китая ИДВ РАН Н.Л. Мамаева подчеркнула роль первого президента Китайской Республики Сунь Ятсена в рецепции идей Октябрьской революции китайским обществом. Она остановилась на значении Октября для национально-революционного и коммунистического движений в Китае в 1920-е гг., показала, что развитие прямых связей между СССР, ВКП(б) и КПК (а также косвенно, в рамках единого фронта, и через Гоминьдан), последующее поражение Гоминьдана и создание в 1949 г. Китайской Народной Республики являются наиболее ярким результатом влияния идей Октябрьской революции на Китай.

Научный сотрудник Бюро переводов ЦК КПК Син Яньци в своем выступлении обратила внимание собравшихся на связь Октябрьской революции с процессом эмансипации китайских женщин.

Научный секретарь ИССКР У Баоянь остановилась на роли Октябрьской революции в распространении русского языка в Китае.

Размышления об историческом наследии Октябрьской революции. Главный сотрудник

ИССКР Сунь Юе познакомил участников форума с живописной ленинианой, представив изображения В.И. Ленина в живописи, графике, скульптуре и др. Докладчик отметил, что облик вождя привлекал внимание не только русских художников, но и иностранных, в том числе китайских.

Доцент СПбПУ А.С. Сафонова посвятила свое выступление философскому обоснованию революции и рассмотрению вопросов, касающихся источников бесконечных конфликтов между отдельными людьми и социальными группами, взаимосвязей между общественным сознанием и общественной практикой, причин того, почему любая рациональная модель идеального государства оказывается утопической, размышлению о том, чем обусловлена удачность либо неудачность революций.

Заместитель директора Гуманитарного института Университета Цинхуа Цай Вэньпэн обратил внимание слушателей на важную роль поколения шестидесятников в формировании имиджа Октябрьской революции в российской политической культуре в период перестройки 1985–1991 гг. Некоторые из них (М.С. Горбачёв, Б.Н. Ельцин, А.Н. Яковлев и др.) стали ключевыми фигурами во время полномасштабных реформ в СССР второй половины 1980-х гг. Особое внимание докладчик уделил противостоянию различных идейных платформ, фракций в высших эшелонах партийной власти и переоценке значения Октябрьской революции вместе с учением марксизма-ленинизма.

Проректор РУТ (МИИТ) И.В. Каранетяни в своем докладе показала, что современная картина мира всё больше демонстрирует отход от традиционного восприятия государств как независимых институтов власти и управления обществом. Несмотря на необходимость поддержания общей приверженности стран к соблюдению прав, обеспечению свободы, равенства, политики недискриминации, должны быть установлены границы допустимого коллективного вмешательства государств в дела других стран, применения международных внешних рычагов руководства внутренней политикой стран. Докладчик отметила, что попытки полностью заменить государственное управление в различных странах системой регионального или мирового администрирования, как показывает практика, не являются успешными. Для

оценки современных процессов трансформации природы государства как во внешней, так и во внутренней политике достижения Великого Октября и уроки марксистско-ленинского учения могут иметь важное научно-теоретическое и практическое значение.

В заключение работы форума председатель ученого совета ИССКР (по гуманитарному направлению) профессор Ху Сяньчжан подчеркнул значимость прошедшего форума, отметил высокий научный уровень докладов, актуаль-

ность обсуждавшихся тем и творческую атмосферу собрания. Участники форума отметили также блестящий уровень работы синхронных переводчиков — профессора Ли Иннань и Лю Чжэн. Ху Сяньчжан поблагодарил всех участников, спонсоров и волонтеров за энергичную и плодотворную работу и подвел итоги научной дискуссии, подчеркнув, что Октябрьская революция остается крупнейшим событием мировой истории, заслуживающим глубокого научного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Стратегический** партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения / под ред. М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова. М.: Форум, 2014. 520 с.

2. **Стратегический** партнерский диалог между Китаем и Россией. Современное состояние, проблемы и предложения. Beijing, Central Compilation & Translation Press, 2014. 582 с. (на кит. яз.).

3. **Кулик С.В., Ульянова С.Б., Офицерова Н.В.** К 70-летию Победы: Вторая мировая война. 1939–1945

(Обзор Международной научно-теоретической конференции) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2 (220). С. 198–203. DOI: 10.5862/JHSS.220.24.

4. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3-2 (227). DOI: 10.5862/JHSS.227(2).

5. Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences). 2015. Vol. 30.

Ван Ци

E-mail: wq@mail.tsinghua.edu.cn

Ульянова Светлана Борисовна

E-mail: sbulyan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2017 г., принята к публикации 14.12.2017 г.

REFERENCES

[1] Strategicheskii partnerskii dialog mezhdou Rossiyei i Kitayem. Sovremennoye sostoyaniye, problemy i predlozheniya [Strategic partnership dialogue between Russia and China. Modern state, problems and suggestions], M.L. Titarenko, V.Ya. Portyakova (eds.), Forum, Moscow, 2014.

[2] Strategicheskii partnerskii dialog mezhdou Kitayem i Rossiyei. Sovremennoye sostoyaniye, problemy i predlozheniya [Strategic partnership dialogue between China and Russia. Modern state, problems and suggestions], Central Compilation & Translation Press, Beijing, 2014.

[3] S.V. Kulik, S.B. Ulyanova, N.V. Ofitserova, [On the 70th anniversary of victory: World War II, 1939–1945 (International scientific-theoretical conference)], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanitis and Social Sciences, 2 (220) (2015) 198–203. DOI: 10.5862/JHSS.220.24.

[4] St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanitis and Social Sciences, 3 (2) (227) (2015). DOI: 10.5862/JHSS.227(2).

[5] Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences), 30 (2015).

Wang Qi

E-mail: wq@mail.tsinghua.edu.cn

Ulyanova Svetlana B.

E-mail: sbulyan@yandex.ru

Received 27.11.2017, accepted 14.12.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки**
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

Том 8, № 4, 2017

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – литературный редактор, корректор
Г.А. Пышкина – технический секретарь

Телефон редакции (812) 552-62-16

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 22.02.2018 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,87. Уч.-изд. л. 21,87. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

+7 (812) 552-62-16 с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ – Галина Александровна

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru